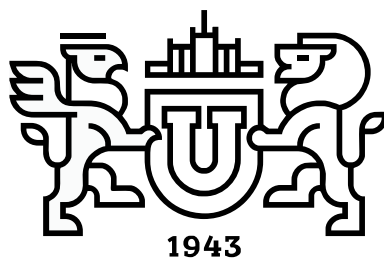

Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение

VII Всероссийская (с международным участием)
научная конференция

г. Челябинск
27–28 ноября 2017 года

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

**Этнические взаимодействия на Южном Урале.
Сарматы и их окружение**

*Материалы
VII Всероссийской (с международным участием)
научной конференции*

Челябинск
2017

УДК 39(470.5)
ББК 63.529(235.55)

Э912

Редакционная коллегия:

В. И. Богдановский (председатель);

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (ответственный редактор);

З. А. Валиахметова (ответственный секретарь);

Д. Г. Графов; И. Н. Козырева; А. В. Гребенщикова

Э912 **Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение :** материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / ред. кол.: В. И. Богдановский (предс.) и др. ; отв. ред. А. Д. Таиров. — Челябинск, 2017. — 159 с. : ил.

ISBN 978-5-905081-17-0

В сборнике представлены материалы VII Всероссийской научной конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение» (г. Челябинск, 27–28 ноября 2017 г.).

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся различными проблемами в области археологии, этнографии, истории, искусствоведения и других наук.

УДК 39(470.5)
ББК 63.529(235.55)

ISBN 978-5-905081-17-0

© Алаева И. П., Анкушев М. Н. и др.,
статьи, 2017
© Государственный исторический музей
Южного Урала, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. П. Алаева, П. С. Медведева, М. Н. Анкушев.</i> Шахта раннего железного века на древнем руднике Новотемирский.....	7
<i>О. В. Аникеева.</i> Происхождение и время появления на Южном Урале бус из наборов погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I	14
<i>М. Н. Анкушев, И. А. Блинов, А. М. Наумов.</i> Минералогия железных шлаков Иртышских городищ иткульской культуры.....	24
<i>С. Л. Воробьева.</i> Хозяйство носителей кара-абызской археологической культуры эпохи раннего железа (по материалам поселенческих памятников IV—I веков до нашей эры)	31
<i>М. Н. Дуйсенгали, А. А. Бисембаев, А. М. Мамедов.</i> Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение)	38
<i>В. В. Зайков, А. Д. Таиров, Е. В. Зайкова.</i> Состав золотых изделий раннего железного века из могильника Кичигино I (Южный Урал)	44
<i>В. А. Иванов.</i> Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация	50
<i>М. В. Кривошеев.</i> К вопросу о критериях выделения элитных погребальных комплексов позднесарматского времени.....	56
<i>А. И. Кукушкин, Е. А. Дмитриев.</i> Результаты работ на могильнике Жартас (Центральный Казахстан)	60
<i>И. Э. Любчанский.</i> Погребенные в могильнике Солёный Дол: сарматы или гунны?.....	65
<i>М. Р. Макурова, Ю. С. Макуров, Е. О. Шиманский.</i> Позднесарматские погребения курганного могильника Мандесарка-6.....	71
<i>Н. Л. Моргунова, Е. А. Купцов.</i> Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у поселка Переволоцкого (предварительные результаты).....	80
<i>А. М. Наумов, Е. Ю. Головина.</i> Пряслица иртышских городищ	86
<i>А. И. Нечвалода.</i> Макрокефалы Южного Урала и Западного Казахстана: сарматы поздней древности по данным краниологии и реконструкции лица по черепу	92
<i>Е. Е. Нечвалода.</i> Сцена борьбы верблюдов на фаларе из Филипповских курганов: космическая дуэль, смерть — рождение, медиативный символ и царский знак (опыт анализа истоков иконографии и семантики образа)	101
<i>Е. В. Переводчикова.</i> Гривна с изображениями в зверином стиле из кургана 3 у села Кичигино	106
<i>Е. В. Перерва.</i> Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии)	111
<i>А. С. Проценко.</i> Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников).....	123
<i>Н. С. Савельев.</i> Новые находки торевтики ранних кочевников Южного Урала с изображениями верблюдов.....	126
<i>С. В. Сиротин.</i> Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии	132
<i>М. Ю. Трейстер.</i> Самая западная находка китайского зеркала с Т-образными иероглифами в Евразии	140
<i>В. К. Федоров, В. Н. Васильев.</i> Могильник ранних кочевников Казачий Мар в Восточном Оренбуржье	148
Сведения об авторах	157
Список сокращений	159

ШАХТА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ДРЕВНЕМ РУДНИКЕ НОВОТЕМИРСКИЙ¹

И. П. Алаева, П. С. Медведева, М. Н. Анкушев

Освещены результаты исследования медного рудника Новотемирский в Чесменском районе Челябинской области. В полевом сезоне 2017 г. разведочными траншеями исследованы отвалы рудника. В одной из траншей под отвалом на уровне древней поверхности обнаружен фрагмент шейки керамического сосуда, по своим характеристикам отнесенный к бронзовому веку. Это позволяет связать начало разработки карьера на руднике с эпохой бронзы. На борту карьера выявлена древняя шахта. На ее краю на уровне погребенной почвы найдены развалы двух сосудов кашинской культуры раннего железного века, ареал обитания которой связан с лесным Зауралем, средним течением рек Тура и Исеть. В непосредственной близости от рудника расположены сарматские могильники (курган Темир, могильник Новотемирский-1). Хронология сарматских памятников и кашинской культуры позволяет синхронизировать существование могильников с разработкой шахты, а значит, поставить вопрос о характере взаимоотношений между сарматами и пришлым населением. Появление носителей кашинской культуры в степной зоне Южного Зауралья на территории сарматов может выявить новые аспекты взаимодействия лесного и степного населения в области горнорудного дела и металлургии.

Ключевые слова: *медный рудник, древняя шахта, бронзовый век, ранний железный век, кашинская культура, степи Южного Зауралья, этнические взаимодействия в раннем железном веке.*

В полевом сезоне 2017 г. экспедицией ЮУрГГПУ (И. П. Алаева, П. С. Медведева) совместно с Институтом минералогии УрО РАН (М. Н. Анкушев) был исследован рудник Новотемирский, расположенный в 1 км юго-юго-восточнее одноименного поселка по левому берегу реки Темир-Зингейка (Чесменский район Челябинской области). Выработка находится в ложбине между двумя всхолмлениями, в 250 м к югу от русла реки (рис. 1).

Открытие и обследование рудника было произведено геологами Ильменского государственного заповедника и Института минералогии УрО РАН в 2015–2016 гг. Рудник представляет собой карьер — горную выработку открытого типа овальной формы, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Размеры карьера 40×25...30 м, глубина 2–2,5 м (рис. 2). Борта сглажены, углы наклона в верхней части не превышают 20–30°, у дна они выполаживаются до 5–7°. Плоское ложе карьера почти полностью заполнено техногенными отложениями (суглинки, песок, дресва) и гумусированным глинисто-щебенистым материалом, перемещенным в результате оползания части отвала. Рудник расположен в зоне аподунит-гарцбургитовых серпентинитов Темирского гипербазитового массива, в зоне контактов с родингитами (Юминов и др., 2015. С. 78–81).

Выработка с трех сторон окружена четырьмя оплывшими отвалами серповидной формы: северо-восточным, северо-западным, западным и южным. Между собой они разделены узкими проходами. Длина отвалов от 10 до 30 м, ширина в подошве от 2–4 до 8–10 м, максимальная высота 1,5 м. Между отвалами и на восточном борту выделены две промплощадки (место для дробления, сортировки и обогащения руды). Юго-восточный борт карьера лишен отвалов (рис. 2).

Стратиграфия отвалов карьера. Через западный, северо-западный и северо-восточный отвалы геологами из Института минералогии УрО РАН ручным способом и с помощью землеройной техники были заложены траншеи (рис. 2): в 2015 г. — через западный отвал (траншея 1), в 2016 г. — через северо-западный (траншея 2), в 2017 г. — через северо-восточный (траншея 3). Все отвалы сложены из разноразмерного щебня серпентинитов, бурого железняка, встречаются и обломки родингитов. Отвалы рудника отсыпаны на уровне древней поверхности (погребенной почвы). Несмотря на определенное сходство в характере отложений, западный и северо-восточный отвалы имели некоторые отличия от северо-западного. Юго-западный (траншея 1) и северо-восточный (траншея 3) отвалы занимали более обширную площадь, ширина их основания достигала 10–11 метров, высота 1,1–1,5 м. Ширина основания северо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01086 «Развитие горнодобывающей и металлургической промышленности на протяжении бронзового века на Южном Урале».

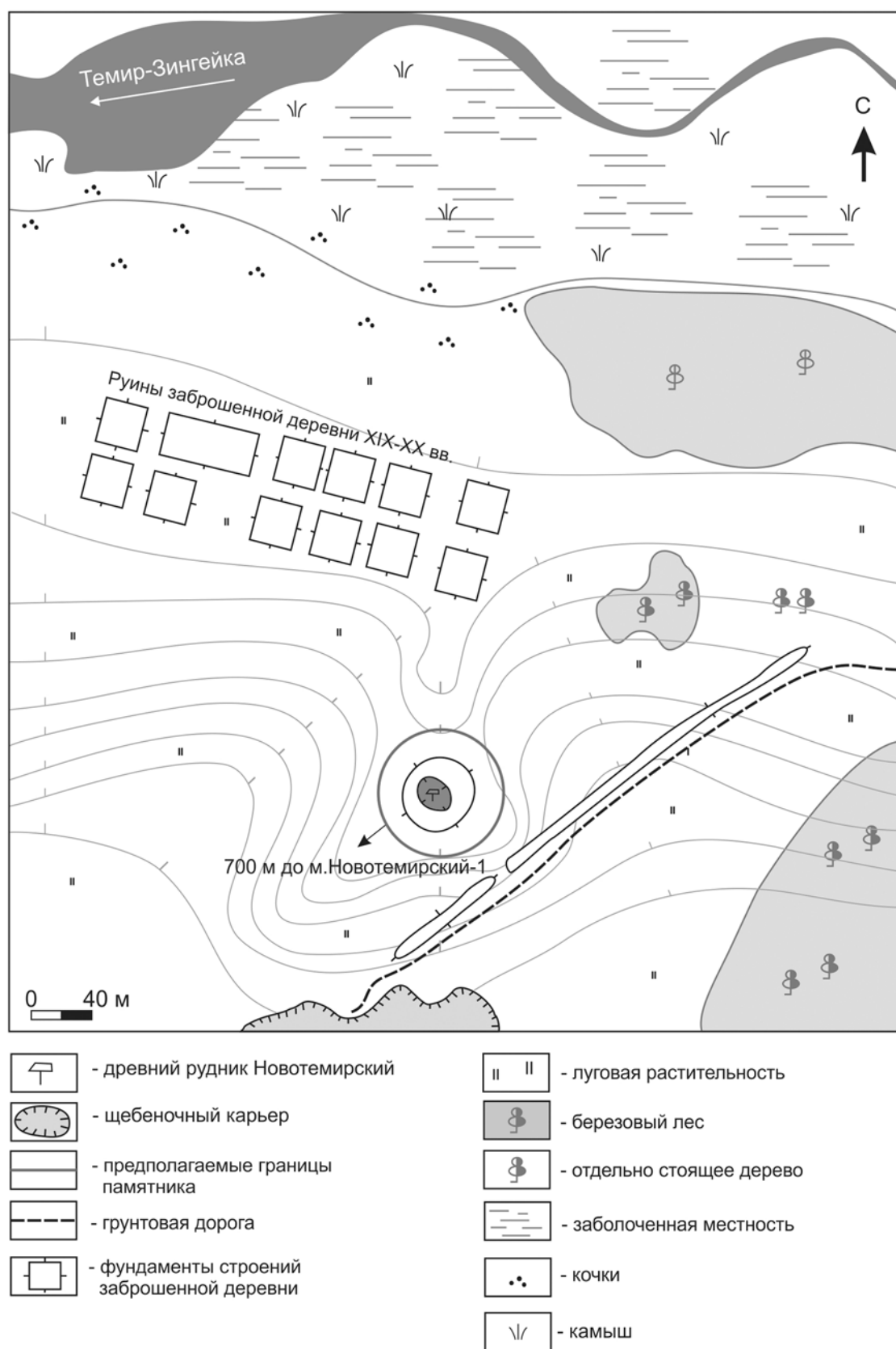

Рис. 1. Рудник Новотемирский. Ситуационный план

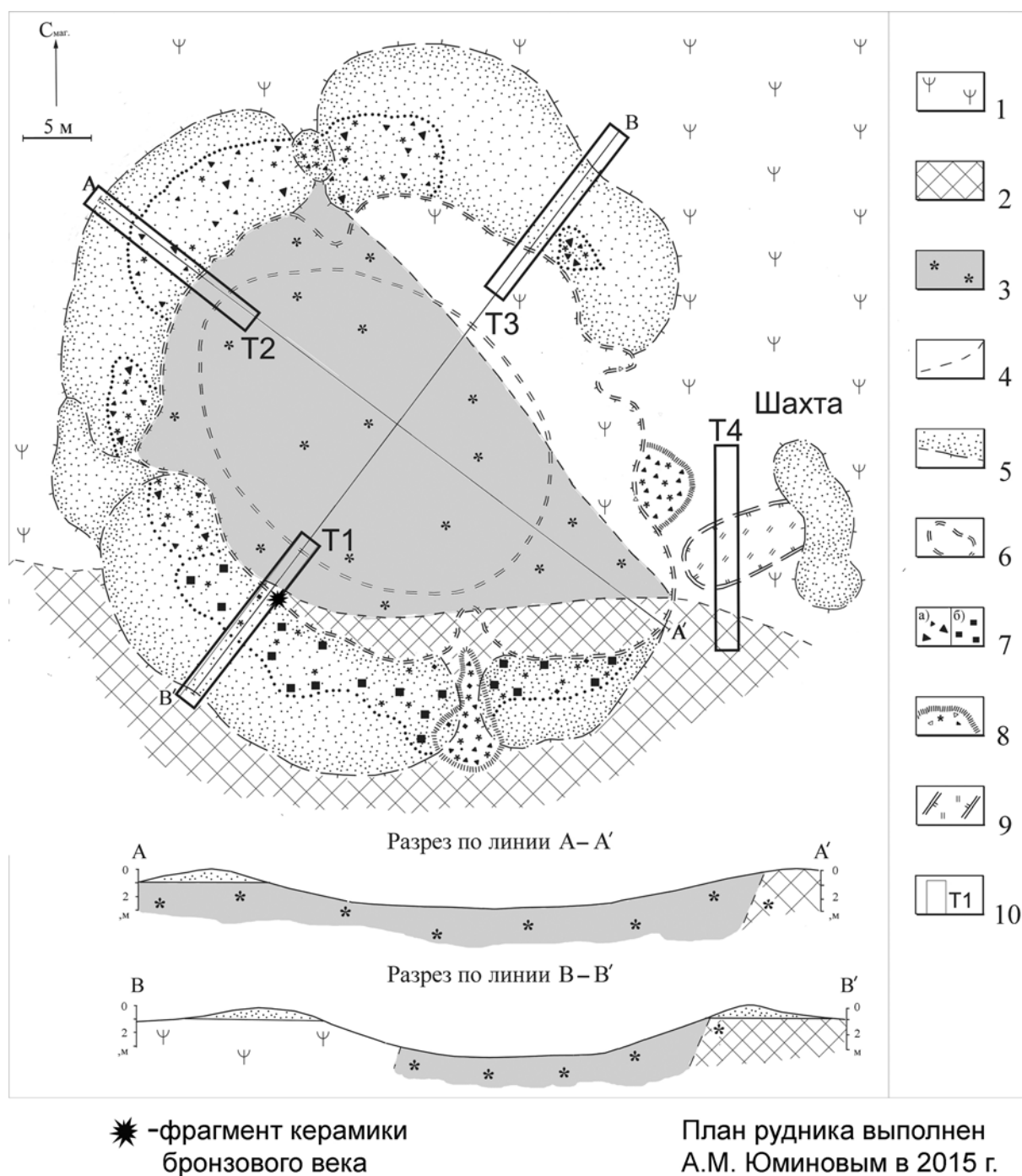

Рис. 2. Рудник Новотомирский. Общий план

западного отвала по протяженности была значительно меньше — 2–4 м. В структуре насыпи западного (траншея 1) и северо-восточного (траншея 3) отвалов можно условно выделить два пласта. Первый, распланированный в основании насыпи на уровне погребенной почвы, представлен грунтом буро-коричневого, серо-коричневого цвета со щебнем серпентинитов, бурых железняков и медными рудами (мощностью 0,5–0,6 м). Второй пласт, более мощный (до 1,1 м), залегает поверх первого, практически лишен гумуса и состоит из обломков серпентинитов, среди которых содержание бурых железняков и медных руд минимально. Первый пласт связан с наиболее ранней стадией в разработке карьера и отличается сильным насыщением медными рудами. Второй пласт связан с более поздней стадией, состоит из пород, залегающих на более глубоком уровне, и отличается слабым проявлением медной минерализации (рис. 3, 1). В этом смысле северо-западный отвал (траншея 2), состоящий практически полностью из щебня серпентинитов второго пласта, может рассматриваться как более поздний.

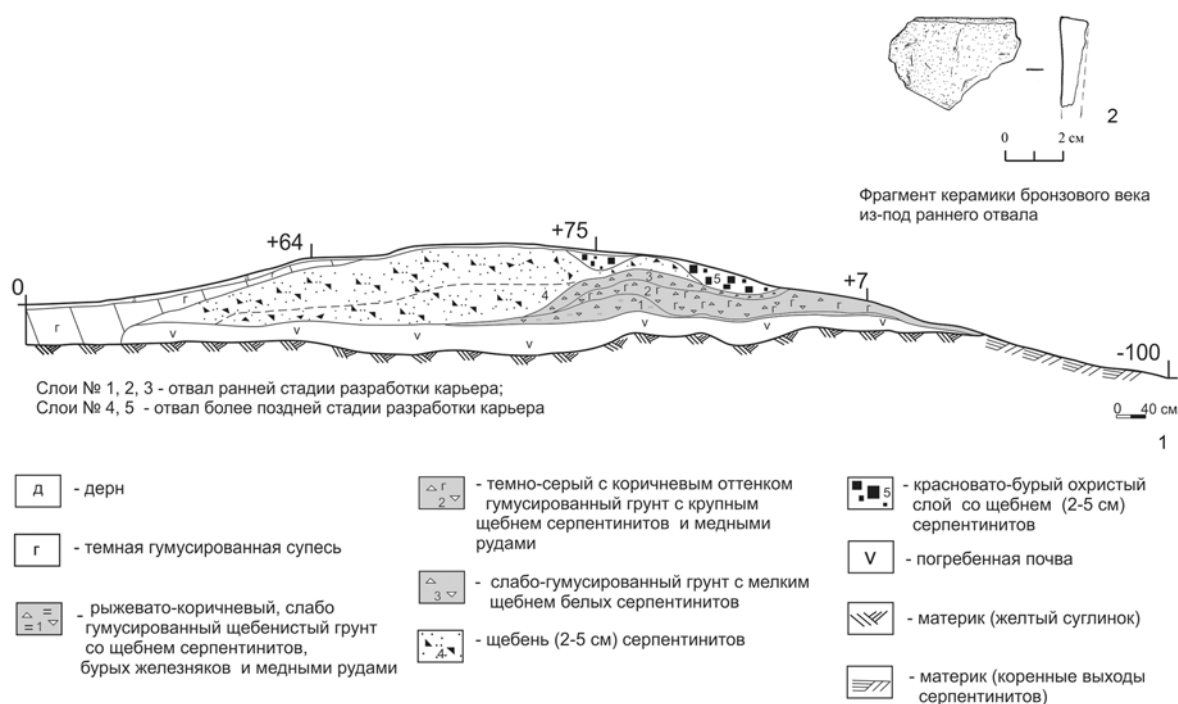

Рис. 3. Рудник Новотемирский. Южный профиль траншеи № 3

В 2017 г. археологами ЮУрГГПУ произведена зачистка траншеи 1 западного отвала. На уровне погребенной почвы в слое отработанной породы бурого оттенка, в наиболее ранней части первого пласта отвала обнаружен фрагмент керамики — шейка сосуда (толщина стенок 0,8 см, цвет поверхностей — темно-серый, черепок плотный, в формовочной массе обильная примесь талька). Шейка сосуда прямая, венчик прямой, срезан ножом. Внешняя поверхность повреждена, внутренняя хорошо залощена, фиксируются тонкие горизонтальные борозды — следы заглаживания (рис. 3, 2). По совокупности характеристик фрагмент керамического сосуда может быть отнесен к бронзовому веку.

Обнаружение шейки сосуда бронзового века в насыпи отвала рудника свидетельствует о его разработке в этот период. Дополнительным аргументом в пользу тезиса о принадлежности рудника Новотемирского к эпохе бронзы может служить сходство его геологического положения, строения, морфологии выработки с уже известным рудником Воровская Яма (Зайков и др., 1996).

Шахта на борту карьера. На юго-восточном борту карьера, лишенном отвалов, геологами было отмечено неясное понижение поверхности, интерпретированное как жилищная впадина горняков (Юминов и др., 2015. С. 79). Понижение имело округлую форму (диаметр 14–15 м), глубину до 0,6 м. Для выявления характера этого понижения на руднике была заложена четвертая траншея (рис. 2; 4). Размеры траншеи 16×0,7 м, направление — по линии С–Ю. При раскопках траншеи 4 был выявлен объект 1 (шахта) — вертикальная горная выработка, проложенная в древности с поверхности земли по месту залегания руды. Ширина ствола шахты 2–3 м, в верхней части она расширялась до 15 м. Северная стенка шахты практически строго вертикальна, прорублена в коренных породах серпентинитов. Южная стенка представлена пологим спуском в шахту со слоем образовавшейся осыпи из обломков коры выветривания. Глубина шахты в сезоне 2017 г. осталась невыясненной. Раскопки шахты были остановлены на уровне 4 м от дневной поверхности ввиду опасности обрушения стенок траншеи при дальнейшем ручном разборе заполнения объекта.

На момент исследования поверхность над шахтой была хорошо задернована. Под дерном локализовался современный слой черной гумусированной супеси мощностью до 20–25 см. Заполнение шахты состояло из разноразмерного щебня серпентинитов, смешанного с гумусом и материковым песком (рис. 4). В заполнении шахты можно выделить несколько слоев. Верхний слой представлен гумусированным грунтом темно-коричневого цвета со щебнем серпентинитов. Под ним — слой очень рыхлого материала буро-коричневого цвета, содержащий крупный щебень серпентинитов (5–10 см) и обломки медно-магнетитовой руды. Еще ниже локализовались слои, содержащие более мелкий щебень серпентинитов (1–3 см) и состоящие в значительной степени из материкового песка и суглинка в смеси с гумусом.

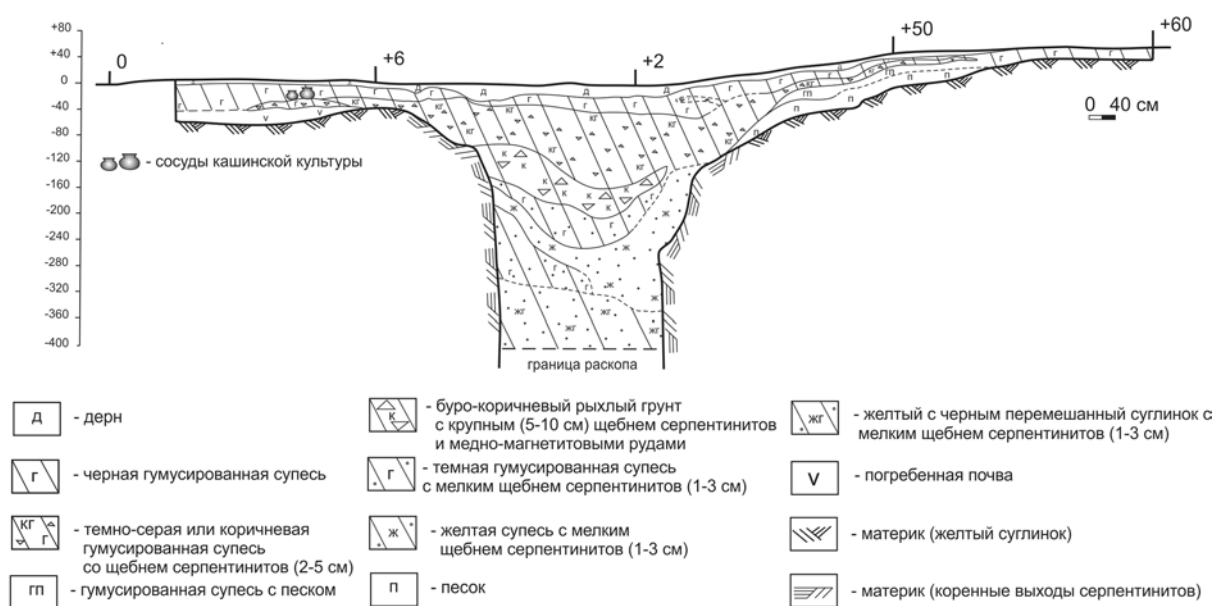

Рис. 4. Рудник Новотемирский. Шахта. Восточный профиль траншеи № 4

Характер заполнения шахты свидетельствует о том, что выработка была заполнена перетолженным щебнем отработанной породы. Фактическое отсутствие выраженных отвалов по краям шахты (за исключением незначительного повышения с восточной стороны объекта) служит дополнительным аргументом в пользу того, что шахта была преднамеренно заполнена щебнем отвалов, перемещенных в образовавшуюся яму.

В заполнении шахты не были зафиксированы слои, связанные с разработкой основного карьера. Напластования шахты отличались повышенной степенью гумусированности слоев, содержанием более крупных обломков отработанной породы серпентинитов (10 см), незначительным присутствием медной руды.

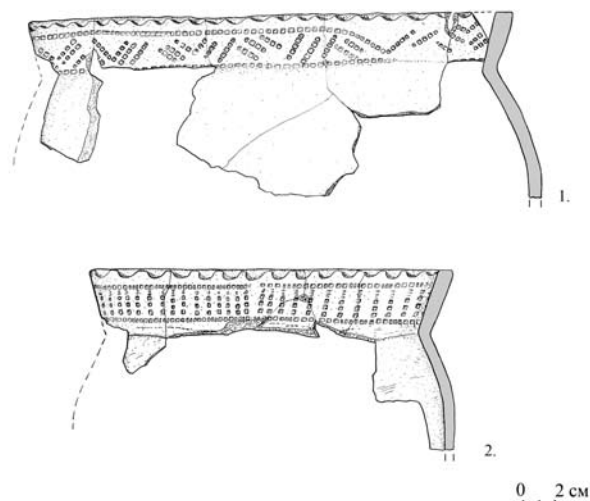
Таким образом, локализация шахты и характер ее заполнения могут свидетельствовать о более позднем времени возникновения этого объекта относительно времени функционирования карьера. Обнаружение на краю шахты развалов керамических сосудов позволило более точно установить хронологическую позицию шахты.

У северного края шахты на уровне погребенной почвы обнаружены развалы двух сосудов (рис. 5).

Сосуд 1 — круглодонный, с резко отогнутой шейкой и внутренним «ребром», диаметр шейки 31 см, высота — 4 см. Внешняя поверхность серо-коричневого цвета, обжиг костровой, неравномерный. В формовочной массе обильная примесь шамота, слюды и органики. Поверхность сосуда обработана гребенчатым расчесом. Шейка орнаментирована крупным гребенчатым штампом, орнамент представляет собой трехрядный горизонтальный зигзаг, обрамленный по краям разделительными линиями. Срез венчика оформлен характерными насечками-«защипами». Сосуд был разбит в древности, о чем свидетельствуют его фрагменты без «свежих» сломов (рис. 5, 1).

Сосуд 2 — круглодонный, с резко отогнутой шейкой и внутренним «ребром», диаметр шейки 22,7 см, высота — 4 см. Цвет внешней поверхности темно-коричневый с красным оттенком, черепок плотный, хорошо обожженный, на внутренней поверхности —

Рис. 5. Рудник Новотемирский. Шахта. Керамические сосуды кашинской культуры

следы нагара. В формовочной массе примесь шамота, слюды и органики. Поверхности сосуда хорошо заглажены, фиксируются неглубокие расчесы гребенчатым орудием. Шейка сосуда орнаментирована крупным гребенчатым штампом. Орнамент представляет собой вертикальные линии-«столбики», заключенные в «бордюр» из двух горизонтальных линий по верхнему и нижнему краям шейки. Срез венчика оформлен характерными насечками-«защипами» (рис. 5, 2).

Признаки описанных выше керамических сосудов находят аналогии на достаточно удаленной от степей Южного Зауралья территории лесного и лесостепного Притоболья (среднее течение рек Тура и Исеть) в керамическом комплексе кашинской культуры. Подобная керамика встречается в слое городищ Рафайловское, Прыговское, Коловское и поселения Муллашинские Юрты 7 (Чикунова, 2009. С. 72–80). Хронологические рамки имеют обширные границы — IV–III вв. до н. э.— IV–VI вв. н. э. (Чикунова, 2005. С. 82).

В непосредственной близости от рудника расположены сарматские могильники (курган Темир, могильник Новотемирский-1). Хронология исследованных рядом сарматских памятников (Зданович, Хабдулина, 1986) и кашинской культуры позволяет синхронизировать существование могильников раннего железного века с разработкой шахты, а значит, поставить вопрос о характере взаимоотношений между сарматами и пришлым населением.

Кашинская культура выделена В. Д. Викторовой в 1969 г. по типу керамики, представленному в культурном слое городищ и селищ раннего железного века, наряду с керамикой саргатской, гороховской, баитовской культур. При этом авторы раскопок делают акцент на то, что все городища принадлежали все-таки носителям саргатской культуры. Присутствие в слое городищ керамики кашинской культуры имеет контактный характер и встречается в виде 4–70 %-й «примеси» (Чикунова, 2009. С. 72). Интересно, что преобладающий комплекс кашинской культуры, позволяющий отнести культурный слой именно к этой культуре, встречен только на поселениях (Муллашинские Юрты 7). Исследователи кашинской культуры не исключают некоторую зависимость ее носителей от носителей саргатской культуры (Чикунова, 2005. С. 86). Это подтверждается характером известных захоронений представителей кашинской культуры в саргатских некрополях. Так, погребения с сосудами кашинской культуры локализовались во внешнем рве саргатского кургана в могильнике Абатский 3 (Там же. С. 89). Подобная позиция материалов кашинской культуры, вероятно, указывает на доминирующий характер саргатского военно-политического образования в этом союзе, что неоднократно отмечалось исследователями (Матвеева, 2002). В свою очередь, саргатская культура поддерживала разного рода контакты с кочевниками урало-казахстанских степей (Таиров, 2016. С. 461). Появление сосудов кашинской культуры на территории сарматов, вероятно, связано с одной из фаз взаимодействия степного и лесостепного населения урало-казахстанских степей и Западной Сибири.

В то же время существует предположение о возможной генетической связи кашинской и иткульской культур (Корякова, 1988; Таиров, 2016. С. 471). Это рождает гипотезу о возможном наследовании иткульской металлургической традиции населением кашинской культуры и может объяснить факт участия «кашинцев» в разработке медного рудника Новотемирский. На городищах и поселениях этого времени известны разнообразные свидетельства металлургических процессов (Корякова, 1988. С. 41), однако многокультурность этих комплексов (в комплексах идут материалы саргатской, гороховской, баитовской, кашинской культур) не позволяет связать эти процессы только с одной из культур. Возможно, полномасштабные раскопки шахты, как и исследование близлежащего могильника Новотемирский-1, помогут установить более точный характер взаимодействия степного и пришлого лесного населения раннего железного века на территории Южного Зауралья.

Список литературы

Зайков В. В., Зданович Г. Б., Юминов А. М. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» на Южном Урале // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 157–162.

Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1987. С. 45–65.

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1988. 240 с.

Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск : Наука, 2002. 399 с.

Таиров А. Д. Взаимодействия населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II вв. до н. э. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск : Рифей, 2016. С. 443–468.

Чикунова И. Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 82–91.

Чикункова И. Ю. Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Приоболы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 72–80.

Юминов А. М., Анкушев М. Н., Рассомахин М. А. Древний медный рудник Новотемирский (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия — 2015. Миасс : Ин-т минералогии УрО РАН, 2015. С. 78–81.

AN EARLY IRON AGE PIT AT THE NOVOTEMIRSKY ANCIENT COPPER MINE

I.P. Alaeva, P.S. Medvedeva, M.N. Ankushev

The article addresses the results of the research at the Novotemirsky copper mine in the Chesmensky district of Chelyabinsk region. Exploratory trenches were used to investigate mine dumps during 2017 field season. A fragment of ceramic Bronze Age vessel was found in one of the mine dump trenches at the level of the ancient surface. This allows us to link the beginning of Novotemirsky mine development with the Bronze Age. An ancient mine was discovered on the pit edge. There two vessels of the Kashino early Iron Age archaeological culture were found on the level of the buried soil. The habitat of Kashino archaeological culture is linked to the forest Trans-Ural area, the Tura and Iset rivers midstream. There are Sarmatian burial grounds (Temir and Novotemirsky-1 burial mounds) located in the close proximity to the mine. The chronology of the Sarmatian sites and Kashino culture allows us to synchronize the existence of the burial grounds with the development of the mine, and therefore, raise the question of the nature of the relationship between the Sarmatians and the newcomers. The appearance of Kashino culture peoples in the steppe zone of Southern Trans-Urals on the Sarmatians' territory can bring out new interaction aspects of the forest and steppe populations in mining and metallurgy industries.

Keywords: *Copper mine, ancient mine, Bronze Age, Early Iron Age, Kashino culture, steppes of Southern Trans-Urals, ethnic interactions in the Early Iron Age.*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ БУС ИЗ НАБОРОВ ПОГРЕБЕНИЯ 5 КУРГАНА 3 МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I

О. В. Аникеева

Представлены материалы изучения двух наборов бус из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I, установлен характер их взаимовстречаемости. На основании технологии изготовления установлены вероятные центры производства каменных бус. По результатам анализа распространения бус в раннекочевнических памятниках Южного Урала установлено время появления наборов с такими бусами на Южном Урале.

Ключевые слова: *Южный Урал, могильник Кичигино I, наборы бус конца V — IV в. до н. э., технология изготовления, происхождение, распределение, последовательность появления.*

В работе проведено изучение бус ранних кочевников Южного Урала, происходящих из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I. Погребение находилось в южной половине подкурганной площадки в полуколыце из пяти могильных ям, расположенных вокруг центрального погребального сооружения и впущенных в уже существующую насыпь кургана. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на юг. Рукава и верх ее платья были расшиты мелким бисером, а обшлаг правого рукава — еще и листочками тонкой золотой фольги. Запястья обеих рук украшали браслеты из бронзы и золота и две низки преимущественно каменных и стеклянных бус. По археологическому инвентарю погребение датировано авторами раскопок первой половиной IV в. до н. э. (Таиров и др., 2008. С. 142–144).

Представленная выборка включает 27 бус, которые разделяются на три категории: бусы, подвески, бусы-пронизи. Выделено 17 бус из твердых камней-самоцветов и 10 стеклянных бус.

Подробная характеристика бус дана в сводной таблице, в колонке 1 которой дана их нумерация, соответствующая номеру на иллюстрации (рис. 1, 1–27). При определении формы (столбец 3) использовались названия геометрических фигур. Основное внимание уделено технике выведения формы (столбец 5), формированию отверстий (столбец 6), характеристике сквозных каналов (столбец 7), материалу (столбец 8) и его визуальным (геммологическим) характеристикам (столбец 9).

Цель работ — установление времени появления таких наборов на территории Южного Урала. Как показал сравнительный анализ времени появления на Южном Урале наборов бус в погребениях ранних кочевников конца VI — II в. до н. э. (Аникеева, 2012. С. 186–188; Аникеева, Бытковский, 2013. С. 287–302), значительную долю в них занимают каменные подвески и бусы. Методика изучения каменных бус, подробно изложенная О. В. Аникеевой в 2012 г. (Аникеева, 2012. С. 168–170), дополнена в работах 2013–2016 гг. Изучение техники изготовления позволило различать иранские и индийские типы бус одинаковой формы и показало, что для определения времени появления южноуральских наборов важным является установление появления и исчезновения иранских каплевидных подвесок и эллипсоидных бус (Аникеева, Таиров, 2015. С. 202–205).

В изученных наборах среди каменных бус преобладают каплевидные подвески (таблица; рис. 1, 1, 2, 4, 6, 8–17). Подробнее эту форму можно охарактеризовать как конус, усеченный сверху и имеющий внизу выпуклую полусферическую или уплощенно-округлую форму. Эта форма подвесок зарождается в Индии, где они появляются в погребальных украшениях поздней Хараппы во II тыс. до н. э. (Кеноуег, 1991. Рр. 93–95. Fig. 8) и производятся индийскими мастерскими до конца I тыс. до н. э., когда округлые формы бус постепенно вытесняются гранеными (Веск, 1941. Р. 8).

Технологические характеристики визуально однотипных каплевидных подвесок показывают, что к середине I тыс. до н. э. они начинают производиться в ремесленных центрах Восточного Ирана и Месопотамии. По технологии изготовления их можно разделить на три группы. При этом определяющим признаком происхождения подвесок в данном случае служит способ сверления сквозных каналов, так как иранские ремесленники не только искусно копировали эту форму, но и использовали несверленные заготовки индийских сердоликов и агатов (Аникеева, 2012. С. 180–182; Аникеева, Сиротин, 2014. С. 7–8).

Технологические характеристики бус из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I

№ п/п	Название	Форма	Размеры (мм): в. с. — верхнее сечение, н. с. — нижнее сечение	Техника выведения формы (ш — шлифовка, п — полировка)	Выделение и форма отверстий: 1 и 2 — отверстия с разных сторон	Сквозной канал: способ сверления, форма канала, от- печатки сверла на стенках канала	Минерал	Оптические свойства, текстура и особенности рисунка камня
1	Подвеска	3	4	5	6	7	8	9
1	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — сфероид	$h = 21$; в. с. — 6×4 ; н. с. — 12×10 ; $h_{\text{отв}} = 3,5$; $d_{\text{отв}} = 1,8-2$	Заготовка из четырехгранной пирамиды, ш — хорошая, п — отличная	Насечки сверлом, 1 — форма шестигранника, 2 — округлое, скол, микро-сколы	Одностороннее, до-сверлено с другой стороны, стенки ровные, матово-гладкие, зазубрины. Алмазное и каменное сверло	Сердолик-опник	Полупрозрачный, трещина посередине, полость вверх, чередование через $0,5-1-1,5$ мм прозрачных оранжевых (буро-коричневые пятна), матовых и прозрачных белых, прозрачных желто-оранжевых полос
2	Подвеска	Усеченный удлиненный конус, верх — овал, низ — сфероид	$h = 23$; в. с. — 5×4 ; н. с. — 8×10 ; $h_{\text{отв}} = 2$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	На поверхности лопасти первичного обкола, ш — средняя, п — хорошая	1 — сколы, форма шестигранника, 2 — форма шестигранника	Одностороннее, канал цилиндрический, до-сверлено с другой стороны конусом, стенки ровные, матово-гладкие. Алмазное и каменное сверло	Сердолик, агат	Без дефектов, белая ломаная непрозрачная полоса отделяет оранжевый матовый сердолик с коричневыми точками вверх от полупрозрачного оранжево-желтого вниз
3	Пронизь	Эллипсоид, торцевые грани — овал, круг	$l = 27$; $d_{\text{ш}} = 8$; торц. грани — $4 \times 3, 4 \times 4$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, торцевые грани шлифованы, приполированы	Круглые, 1 — микровыколы пришлифованы, 2 — ровные края	Одностороннее, стенки ровные, гладкие	Агат	Дефектов нет, просвечивает на краях, черный фон разбит попереком белой полосой ($3-4$ мм) с серыми микрополосками по бокам
4	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — прямоугольник	$h = 18$; в. с. — 3×4 ; н. с. — 8×7 ; $h_{\text{отв}} = 3,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Форма уплощена с боков, не выведена, п — хорошая	Круглые, по диаметру микровыколы, пришлифованы, образуют фаску	Двустороннее	Сердолик-опник	Дефектов нет, чередование белых матовых и полупрозрачных, розовых и оранжевых прозрачных ($1-2$ мм) и кирпично-красных непрозрачных ($0,5$ мм) микрополосок
5	Бусина	Уплощенный прямоугольник со сглаженными углами, поперечное сечение — линза	9×8 и $8 \times 3,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Ш — хорошая, п — матовая, утрачена за время бытования	Круглые, 1 — ровные края, 2 — выколы по радиусу	Одностороннее, канал сужается конусом, стенки каналов неровные, шероховатые	Агат	Дефектов нет, матовый, просвечивает на краях, две поперечные полосы — белая и буро-черная

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — овал	$h = 18$; в. с. — 5×4 ; н. с. — 11×9 ; $h_{\text{отв}} = 3,5$ и 5 ; $d_{\text{отв}} = 1,5-1,8$	На поверхности лопасти первичного обкола, ш — средняя, п — хорошая	1 — форма треугольника, микросколы, 2 — лунка, сколы	Одностороннее, стенки ровные с неотчетливыми крупами	Кварц, сердолик	Просвечивает на краях, на розовато-желтом фоне рыжие микротрещины и коричневые точки образуют рисунок камня
7	Бусина	Уп л о щ е н н ы й прямоугольник со сглаженными углами, поперечное сечение — линза	продольное сечение — $10 \times 8,5$; поперечное сечение — 8×3 ; $d_{\text{отв}} = 1,5-1,8$	Ш — хорошая, п — матовая, утрачена	Круглые, 1 — ровные края, 2 — выколы по радиусу	Одностороннее, канал сужается конусом, стенки каналов неровные, шероховатые	Агат	Дефектов нет, две поперечные полосы — белая непрозрачная и буро-черная прозрачная, состоящая из прозрачных микроросколов желто-коричневого цвета
8	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — сфероид	$h = 21$; в. с. — $5,5 \times 4$; н. с. — $9,5 \times 10$; $h_{\text{отв}} = 2$ и $2,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, ш и п — отличные, на верхней грани — три сегмента пришлифовки	1 — форма шестигранника, микросколы, 2 — округлое, сколы	Одностороннее, дошлифовано с другой стороны, стенки матово-гладкие. Сверление алмазным сверлом	Сердолик, агат	Дефектов нет, на желто-оранжевом полупрозрачном фоне агатовая полоса сложена чередованием ($0,3-1-1,5$ мм) прозрачных и матовых оранжевых и белых, прозрачных желто-оранжевых микрополосок
9	Подвеска	Усеченный конус, верх — круг, низ — сфера	$h = 21$; в. с. — 5 ; н. с. — 10 ; $h_{\text{отв}} = 2$ и $2,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, ш и п — отличные, на верхней грани — три сегмента пришлифовки	1 — форма шестигранника, фаска, 2 — округлое, сколы, насечки сверлом	Одностороннее, дошлифовано с другой стороны, стенки ровные, матово-гладкие. Сверление алмазным сверлом	Агат	Дефектов нет, на сером прозрачном фоне полоса из чередования ($0,3-1-1,5$ мм) прозрачных и полупрозрачных желто-оранжевых (бурые точки), матовых белых, прозрачных оранжевых полосок
10	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — сфера	$h = 21$; в. с. — $5,5 \times 4$; н. с. — 10 ; $h_{\text{отв}} = 2$ и $2,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, ш и п — отличные, верхняя грань пришлифована	1 — форма шестигранника, ровные края, 2 — округлое, сколы, насечки линиями	Одностороннее, дошлифовано с другой стороны, стенки ровные, матово-гладкие. Трубочатое и алмазное сверло	Сердолик	Дефектов нет, полупрозрачный оранжевый с молочным налетом и бурыми точками, внизу кирпичные микрополоски окислов железа
11	Подвеска	Усеченный конус, верх — круг, низ — сфера	$h = 17$; в. с. — 5 ; н. с. — $8,5$; $h_{\text{отв}} = 3$ и $3,5$; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, ш и п — отличные, верхняя грань пришлифована	Круглые, 1 — насечки сверлом, ровные края, 2 — выколы пришлифованы	Одностороннее, канал цилиндрический, стенки ровные, матово-гладкие. Алмазное сверло	Сердолик-выи оникс	Дефектов нет, полупрозрачный, чередование матовых белых ($1-2$ мм), прозрачных и матовых оранжевых, розовых ($3-5$ мм) полос

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
12	Подвеска	Усеченный конус, верх — круг, низ — сфера	$h = 18$; в. с. — 5,5; н. с. — 10; $h_{\text{отв}} = 2,5$ и 3,5; $d_{\text{отв}} = 1,5-1,8$	Идеальна, ш и п — отличные, верхняя грань пришлифована	Круглые, 1 — ровные края, 2 — выколы пришлифованы	Одностороннее, стенки ровные, матово-гладкие, в средней части кольцевые уширения канала. Трубчатое сверло	Сердолик, вый онник	Дефектов нет, полупрозрачный, равномерное чередование (1–3 мм) матовых и прозрачных белых, прозрачных и матовых оранжевых, розовых полос
13	Подвеска	Усеченный конус, верх — круг, низ — сфера	$h = 21$; в. с. — 5; н. с. — 10; $h_{\text{отв}} = 2$ и 2,5; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Идеальна, ш и п — отличные, верхняя грань пришлифована	1 — круглое, микровыколы пришлифованы, 2 — линия насечки, форма шестигранника	Одностороннее, до-сверлено с другой стороны, стенки ровные, шероховатые. Трубчатое и алмазное сверло	Сердолик, вый онник	Дефектов нет, полупрозрачный, чередование (1–4 мм) матовых и прозрачных белых, прозрачных и матовых светло оранжевых, розовых полос
14	Подвеска	Усеченный конус, верх — овал, низ — сфероид	$h = 27$; в. с. — 5×4,5; н. с. — 9×10; $h_{\text{отв}} = 2$ и 3; $d_{\text{отв}} = 1,5$	Ш и п — хорошие, верхняя грань пришлифована	Круглые, 1 — микровыколы, насечки сверлом, 2 — выколы	Одностороннее, до-сверлено с другой стороны, стенки ровные	Сердолик	Черные дендриты по трещинам, прозрачный, желтовато-оранжевый, в средней части матово-прозрачный с молочным налетом, на свет — пунтиры красных пленок
15	Подвеска	Усеченный удлинённый конус, верх — овал, низ — овал	$h = 17$; в. с. — 6×3,5; н. с. — 12×10; $h_{\text{отв}} = 1,5$ и 2; $d_{\text{отв}} = 1$	На поверхности лопасти первичного обкола, ш — средняя, п — хорошая	Круглые, 1 — микровыколы пришлифованы, 2 — линии насечки, выколы	Одностороннее, до-сверлено с другой стороны, стенки ровные. Сверление алмазным сверлом	Сердолик	Дефектов нет, желтый, на свет матово-просвечивающий оранжевый, посередине тонкая красная полоса
16	Подвеска	Усеченный удлинённый конус, верх — овал, низ — сфера	$h = 17$; в. с. — 5,5×4; н. с. — 10; $h_{\text{отв}} = 2$; $d_{\text{отв}} = 1,2$	Идеальна, ш и п — отличные	Круглые, с крупными и мелкими сколами, 1 — насечки сверлом	Одностороннее, стенки канала ровные, матово-гладкие. Алмазное сверло	Сердолик, агат	Дефектов нет, полупрозрачный, на розовато-сером неотчетливо полосатом фоне в центре полоса состоит из чередования прозрачных бесцветных, белых и желтых слоев
17	Подвеска	Усеченный удлинённый конус, верх — овал, низ — овал	$h = 19$; в. с. — 4×5; н. с. — 11×9; $h_{\text{отв}} = 1,5$ и 2; $d_{\text{отв}} = 1,2-1,5$	На поверхности лопасти первичного обкола, ш — средняя, п — хорошая	1 — круглое, с ровными краями, 2 — практически разрушено крупным сколом	Одностороннее, до-сверлено с другой стороны, на стенках тонкие радиальные следы сверла. Трубчатое и алмазное сверло	Сердолик	Внизу пробные продольные и поперечные отверстия сверлены алмазом, матово-просвечивающий, на молочнорозовом фоне красные нитевидные, точечные и пятнистые красные скопления

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19 20 22 26	Бусы	Таблетка четырехугольной формы, углы сглажены	продольное сечение – 7–10×5; поперечное сечение – 7–10×8, $d_{отв} = 2,5-3$	Поверхностная патина не позволяет установить технику изготовления отверстия	Круглые	Одностороннее	Стекло	Белое матовое стекло, микропористое, сильно изменено, участками голубовато-желтая пленка иризации
18 21 25	Бусы	Дискovidные, одна из торцевых граней наклонена к вертикали	$h = 5-8$; $D = 7-10$; $d_{отв} = 2,5-3,5$	— » —	Круглые	Одностороннее	Стекло	21, 25 — белое матовое стекло; 18 — охристое матовое стекло. У всех бус, вероятно, наклонная торцевая грань — резаная
23	Бусина	Сферическая, отверстия околнурены круглым валиком	$D = 7$; $D_{валика} = 4$; $d_{отв} = 1,5$	— » —	Круглые	Одностороннее	Стекло	Белое матовое стекло, изготовлена в форме
24	Бусина	Округлая, уплощена с боков	$h = 6$, $D = 7$, $d_{отв} = 2$	— » —	Круглые	Одностороннее	Стекло	Светлое, просвечивающее, плотное стекло, интенсивная сине-желтая иризация
27	Бусина	Биконическая, кривогранная, восьмигранная	$l = 10$; $D = 6,5$; $d_{отв} = 1,8$	— » —	1 — овальное, 2 — линзовидное	Одностороннее	Стекло	Темно-синее прозрачное стекло, покрыто интенсивной светлой патиной

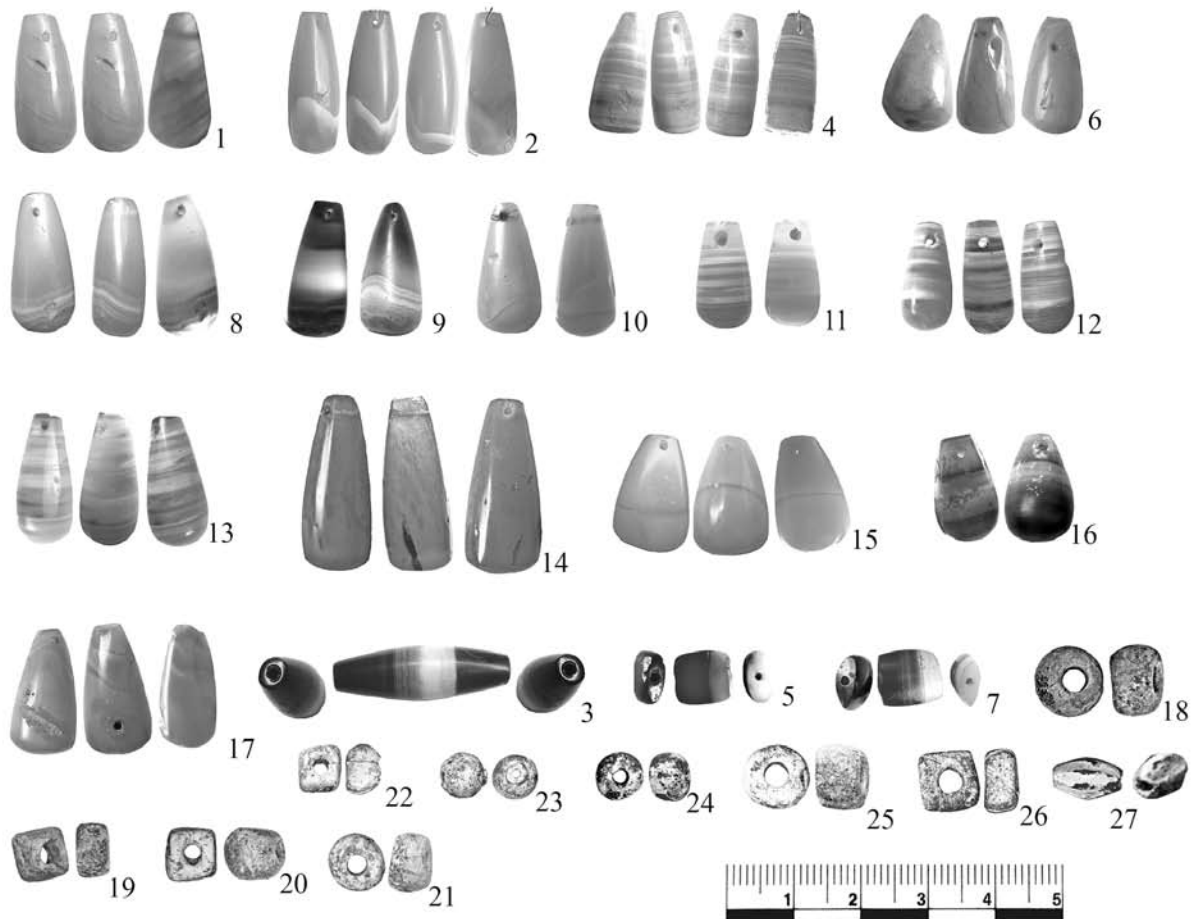
По технологии изготовления каплевидные подвески разделились на три группы.

Подвески 1 группы имеют правильную форму с плоской круглой верхней гранью и заканчиваются внизу правильной полусферой (таблица; рис. 1, 1, 10–13, 16, 17). В ней встречаются как индийские подвески (таблица; рис. 1, 1, 11, 16), сверленные алмазным или каменным сверлом, так и иранские (таблица; рис. 1, 10, 12, 13, 17). Последние сверлены трубчатым сверлом или двумя сверлами (алмазным и трубчатым), причем большая часть канала сверлилась с одной стороны и затем оно досверливалось с противоположной стороны на 2–3 мм, чтобы избежать утрат камня. Место досверливания предварительно обозначалось прочерченными линиями. Одна подвеска (таблица; рис. 1, 17) сделана из несверленной заготовки из индийского агата. Неумелое использование алмазного сверла привело к разрушению камня при досверливании. На поверхности видны отчетливые линейные следы опробования алмазного сверла, хотя большая часть сквозного канала просверлена трубчатым сверлом.

Подвески 2 группы отличаются формой тулова, слегка сжатой с боков, поэтому верхняя грань условна и имеет форму овала, нижняя заканчивается правильным полуэллипсом (таблица; рис. 1, 2, 8, 9, 15). Сквозной канал просверлен тонким алмазным сверлом с минимальными утратами камня по краям входных отверстий, которые искусно пришлифованы по краям, что показывает совершенное владение техникой сверления. Изготовлены из агатов, цвет и прозрачность которых улучшены при помощи термической обработки камня. Все технологические характеристики свидетельствуют об их индийском происхождении.

Тулово *подвесок 3 группы* неотчетливо угловато, нижние грани уплощены, имеют подквадратные или подпрямоугольные очертания, верхние грани не обозначены, условны (таблица; рис. 1, 4, 6, 14). Эти признаки показывают, что округлая форма была получена из кубической пирамиды. Такой способ выведения формы характерен для ремесленных центров Месопотамии, где подвески производились преимущественно из белого камня, лазурита и импортного сердолика в первой половине I тыс. до н. э. и во второй половине I тыс. до н. э. быстро сменялись подвесками этой формы, но сделанными из стекла и египетского фаянса (Beck, 1931. Р. 434).

Рис. 1. Бусы из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино: 1, 2, 4, 6, 8–17 — каменные подвески; 3, 5, 7 — каменные бусы; 18–27 — стеклянные бусы; 1, 6, 10, 14, 15, 17 — сердолик; 2, 3, 5, 7, 8, 9 — агат; 4, 11–13, 16 — сердоликовый оникс; 18–27 — стекло

Подробный сравнительный анализ распределения каплевидных подвесок в южноуральских наборах ранних кочевников различен и подробно рассмотрен в ряде работ (Аникеева, Таиров, 2015. С. 202–205; Аникеева, 2016. С. 22, 27).

Распределение индийских подвесок 1 и 2 групп довольно ровное. Они появляются на Южном Урале в конце VI в. до н. э. (Тара-Бутак, курган 2, погребение 3; Покровка, курган 2, погребение 7), присутствуют в наборах бус, характерных для конца V — первой половины IV в. до н. э. (Кичигино I, курган 2, погребение 7; курганная группа Победа, курган 3, погребение 4; курган Яковлевка II, погребение 4; Филипповка 1, курган 12, погребение 1), в единичных экземплярах встречаются в курганах прохоровского времени (Бердянка V, курган 5, погребения 2 и 4; Шумаево, курган 9, погребение 11).

Распределение древнеиранских подвесок 1 и 3 групп другое (Аникеева, 2016. С. 22, 27. Табл. 1). Подвески 1 группы появляются на Южном Урале на рубеже VI–V вв. до н. э. (Тара-Бутак, курган 2, погребение 3), широко представлены в наборах рубежа V–IV вв. до н. э., где наряду с подвесками 1 группы появляются подвески 3 группы (Кичигино I, курган 2, погребение 7; курганная группа Победа, курган 3, погребение 4; курган Яковлевка II, погребение 4). На рубеже V–IV вв. до н. э. они исчезают, так как быстро вытесняются идентичными по технологии изготовления и характеристикам камня эллипсоидными бусами (Аникеева, 2012. С. 172; Аникеева, Бытковский, 2013. С. 297; Аникеева, Сиротин, 2014. С. 9).

Удлиненная эллипсоидная бусина из черно-белого агата (таблица; рис. 1, 3), судя по всем технологическим признакам (выведение формы — слегка уплощенное тулово, у которого один конец немного уже, чем другой, весьма тщательная шлифовка тщательное выведение и полировка торцевых граней, одностороннее сверление сквозного отверстия каменным сверлом и характеристики камня), является характерным продуктом индийских мастерских (Аникеева, 2012. С. 179, 187; Аникеева, Сиротин, 2014. С. 8–9). На Южном Урале единичные экземпляры таких бус прослеживаются в наборах с каменными бусами с конца VI до начала II в. до н. э. включительно.

Мелкие бусы из бело-коричнево-черного агата уплощенной подквадратной в плане формы (таблица; рис. 1, 5, 7), выведение которой несовершенно и грубовато, и с односторонним сверлением канала тонким металлическим стержнем не имеют аналогов среди бус из наборов ранних кочевников Южного Урала. Аналогии им есть среди иранских наборов ахеменидского времени в Сузах (ожерелье из погребения на Акрополе [Tallon, 1995. P. 25. No. 242. I]) и Персеполе (Schmidt, 1957. P. 77. Table III. Pl. 44, 4), где они, вероятно, и производились, так как найти другие аналоги среди одновременных наборов бус в соседних регионах мне не удалось.

Таким образом, наличие в погребении пяти иранских каплевидных подвесок (таблица; рис. 1, 4, 6, 10, 12, 13, 14, 17), среди которых преобладают подвески из сердоликового оникса, и отсутствие иранских удлиненных эллипсоидных бус из этого материала (Аникеева, 2016. С. 22, 28) позволяют предположить время их появления — не раньше второй половины — конца V в. до н. э. и не позднее начала IV в. до н. э. Наличие среди них мелких уплощенных бус из бело-коричнево-черного агата, являющихся одним из ранних типов ахеменидских бус, косвенно подтверждает эту дату.

Стеклянные бусы из наборов не отличаются разнообразием: четыре стеклянные бусины (таблица; рис. 1, 19, 20, 22, 26) имеют форму уплощенной четырехгранной таблетки со сглаженными краями и отверстием посередине, три крупные дисковидные бусины (таблица; рис. 1, 18, 21, 25) и две более мелкие сферические бусины (таблица; рис. 1, 23, 24) сделаны из белого прозрачного стекла.

Первые два типа бус были распространены в южноуральских наборах в VI–II вв. до н. э. Интересно, что ассоциации сопровождающих их бус в разные временные интервалы различны. Они появляются на Южном Урале на рубеже VI–V вв. до н. э. (Мечет-Сай, курган 10, погребение 2 [Смирнов, 1975. С. 148–149]; Новый Кумак, курган 26, погребение 1 [Мошкова, 1972. С. 37, 38. Рис. 5, 2, 4]); до рубежа V–IV вв. до н. э. встречаются вместе с уплощенными овальными глазчатыми бусами из прозрачного ярко-голубого стекла, округлыми с треугольными выступами бусами из охристого стекла, ярко-бирюзовыми округлыми бусами с многослойными сине-белыми глазками и восьмигранными призматическими бусами из прозрачного зеленовато-голубого стекла (курган Любимовка [Смирнов, 1964. С. 308. Рис. 15, 3а], Пятимары, курган 9, погребение 1 [Смирнов, 1975. С. 35–37], Лабазы, курган 2, погребение 4 [раскопки Л. А. Краевой]).

В наборах раннего IV в. попадают единичные экземпляры таких дисковидных бус в ассоциации с мелкими шаровидными стеклянными бусами и крупными кубическими и круглыми бусами из глухого черного и темно-синего стекла с линейным белым зигзагообразным орнаментом (Близнецы, курган 1, погребение 2 [Смирнов, 1964. С. 339. Рис. 45, 4]; Исаковский, курган 23 [Смирнов, 1964. С. 343. Рис. 49, 4б]).

С конца IV по II в. до н. э. единичные сферические или дисковидные бусины из белого стекла встречаются с разнообразными бусами, не пересекающимися в наборах одновременных погребений одного могильника: плоскими фигурными подвесками, удлинёнными и шаровидными бусами из многоцветного стекла (Мечет-Сай, курган 1, погребение 1 [Смирнов, 1975. С. 77–78]), округлыми бусами из глухого желтого и зеленого стекла (Мечет-Сай, курган 2, погребение 1 [Смирнов, 1975. С. 79]), биконическими желтыми, синими и бирюзовыми бусами, раковинами Каури, спиральками из нитей прозрачного синего стекла (Новый Кумак, курган 16, погребение 1 [Мошкова, 1972. С. 35]).

Аналогов биконической восьмигранной бусине из просвечивающего ультрамаринового стекла (таблица; рис. 1, 27) мне найти не удалось.

Анализ распределения и взаимовстречаемости стеклянных бус из белого глухого стекла не позволяет уточнить время появления этих кичигинских наборов. Надо отметить, что в погребениях конца V — самого начала IV в. до н. э. эти бусы встречаются с уплощенными овальными глазчатыми бусами из прозрачного ярко-голубого и белого стекла и ярко-бирюзовыми округлыми бусами с многослойными сине-белыми глазками.

Установлено (Аникеева, 2016. С. 25–29), что важную информацию о времени появления определенных наборов на Южном Урале дают определенные характерные типы глазчатых стеклянных бус. Это обусловлено появлением в Египте новых технологий изготовления глазчатых бус в конце II — начале I тыс. до н. э., широким распространением их в Средиземноморье в VII–V вв. до н. э. (Eisen, 1916. Рр. 15, 16), а также развитием копирования определенных типов египетских глазчатых бус и массовым производством характерных копий в VI–III вв. до н. э. ремесленными центрами Италии (Eisen, 1916. Р. 25; Литвинский, 1972. С. 130–134).

Поскольку погребение 5 располагалось на одной подкурганной площадке с четырьмя однотипными могильными ямами, расположенными полукольцом вокруг центрального погребения и по археологическому инвентарю датированными одним временем, целесообразно проанализировать время появления набора стеклянных бус из погребения 4 (рис. 2), расположенного в одной из этих могильных ям.

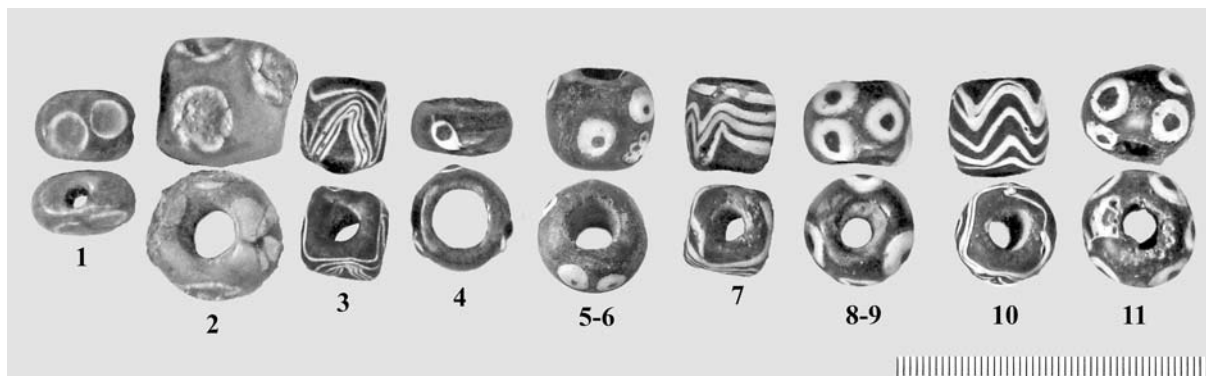
В этом наборе преобладают глазчатые бусы. По технологии изготовления глазков среди них можно выделить шесть типов (рис. 2, 1, 2, 4, 5–6, 8–9, 11). Среди них на Южном Урале распространены:

1) уплощенные глазчатые овальные стеклянные бусы из прозрачного яркого сине-голубого стекла. На плоских поверхностях у них имеется по паре двухслойных бело-голубых глазков (рис. 2, 1). По мнению Г. Эйзена, такие бусы производились в Египте со II тыс. до н. э. и в начале I тыс. до н. э. широко распространились в странах Средиземноморья (Eisen, 1916. Рр. 10–11). На Южном Урале эти бусы появляются в конце VI в. до н. э. и исчезают в самом конце V в. до н. э. (Аникеева, 2016. С. 21);

2) крупные округлые бусы из темно-синего стекла с бело-синими глазками (рис. 2, 11). На Южном Урале они встречаются преимущественно в наборах V в. до н. э. В IV в. до н. э. они, вероятно, перестали поступать, хотя единичные экземпляры со следами многократного переиспользования встречались мне среди бус из погребений IV–II вв. до н. э.;

3) округлые грубоватые бусы из буровато-красной фритты, покрытые синим глазурованным покрытием с бело-синими глазками (рис. 2, 8–9). Рисунок глазурованной оболочки копирует фактуру и глазки предыдущего типа стеклянных глазчатых бус. На Южном Урале они появились на рубеже V–IV вв. до н. э., широко распространились в IV в. до н. э., в более поздних наборах их количество сокращается, но они встречаются в наборах бус до II в. до н. э. (Аникеева, 2016. С. 24. Табл. 1, 28).

Рис. 2. Бусы из погребения 4 кургана 3 могильника Кичигино: 1, 2, 4–6, 8, 9, 11 — глазчатые бусы; 3, 7, 10 — бусы с линейным орнаментом; 1–7, 10, 11 — стекло; 8–9 — фритта с глазурованным покрытием

По мнению Г. Эйзена, бусы последних двух типов производились в Италии. Бусы 1 типа копируют более яркие и изящные египетские бусы и производились в Италии с начала I тыс. до н. э. Бусы 2 типа широко распространились в Средиземноморье с середины I тыс. до н. э. и являлись более дешевой копией бус 1 типа (Eisen, 1916. Р. 14).

Анализ распределения глазчатых бус из погребения 4, одновременного погребению 5, показывает, что время появления этих бус — конец V — начало IV в. до н. э. Эту дату подтверждает и наличие в наборе кубической бусины из черного стекла с навитым линейным орнаментом из желтого стекла (рис. 2, 7). На Южном Урале такие бусы появляются в V в. до н. э. и исчезают во II в. до н. э., но пик их распространения приходится на IV в. до н. э. (наборы из Лебедевки V, Филипповки I, Новоорского могильника, Мечет-Сая, Покровки 2 и 7, Быково, Ново-Никольского), когда из них составляются наборы, в которых они обычно ассоциируют с крупными сине-белыми глазчатыми бусинами (Аникеева, 2016. С. 28).

Проведенное исследование бус из погребения 5 кургана 3 могильника Кичигино I позволило установить происхождение каменных бус и подвесок. Среди каплевидных подвесок, преобладающих в наборах, присутствуют подвески, изготовленные в индийских и иранских ремесленных центрах. Из единичных каменных бус длинная эллипсоидная бусина из белого агата является характерным продуктом индийских мастерских, две однотипные уплощенные подквадратные бусины из бело-коричнево-черного агата, вероятно, производились на территории ахеменидского Ирана.

Полученные результаты позволяют определить время их появления в регионе — не раньше второй половины — конца V в. до н. э. и не позднее начала IV в. до н. э. Хотя изучение стеклянных бус из кичигинских наборов не дает прямой информации о времени появления этих наборов, анализ распределения таких стеклянных бус в одновременных наборах из других могильников Южного Урала позволил установить, что они встречаются с определенными типами стеклянных глазчатых бус. Наличие таких глазчатых бус в погребении 4 кургана 3, синхронного погребению 5, и анализ их распределения подтвердил, что время появления этих наборов — конец V — начало IV в. до н. э.

Таким образом, наборы бус являются еще одним независимым источником, который может применяться для хронологической атрибуции погребений. Всестороннее изучение бус позволяет, с одной стороны, синхронизировать отдельные памятники, с другой — получить новые данные для датировки этих памятников.

Список литературы

- Аникеева О. В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н. э.). Вып. 5, т. 1. М. : ТАУС, 2012. С. 168—188.
- Аникеева О. В. Закономерности появления наборов бус из погребений ранних кочевников Южного Урала (конец VI — II в. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 20—31.
- Аникеева О. В., Бытковский О. Ф. Происхождение и распределение каменных бус из раннесарматских погребений Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей, 2013. С. 286—303.
- Аникеева О. В., Сиротин С. В. Происхождение и распределение каменных бус из могильника Переволочан и кургана Яковлевка II (по данным минералого-технологического анализа) // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., г. Уфа, 12—15 мая 2014 г. Уфа : Наследие, 2014. С. 7—19.
- Аникеева О. В., Таиров А. Д. Происхождение и распределение каплевидных подвесок и эллипсоидных бус в раннесарматских наборах конца V — IV века до нашей эры // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 202—207.
- Литвинский Б. А. Украшения из могильников западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Вып. 3. М. : Наука, 1973. 226 с.
- Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972. С. 27—48.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М. : Наука, 1964. 376 с.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975. 176 с.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г., Плешанов М. Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139—144.
- Beck H.C. The beads from Taxila // Memoirs of the archeological survey of India. No. 65. Calcutta : Government of India Press, 1941. 68 p.
- Eisen G. The Characteristics of Eye Beads from the Earliest Times to the Present // Amer. J. of Archaeology. 1916. Vol. 20, no. 1. Pp. 1—27.
- Kenoyer J.M. Ornament styles of the Indus Valley tradition: evidence from recent excavations at Harappa, Pakistan // Paleorient. Vol. 17/2. 1991. Pp. 79—98.

Schmidt E.F. Persepolis II // Contents of the treasury and other discoveries. (OIP. Vol. LXIX). Chicago-Illinois, 1957. 162 p.

Tallon F. Les pierres precieuses de l'Orient ancien // Les dossiers du Musée du Louvre. Paris, 1995. 149 s.

THE ORIGINS OF NECKLACES FROM KICHIGINO I BURIAL MOUND #3 BARROW #5 BURIAL SETS IN THE SOUTH URALS REGION

O.V. Anikeeva

Two necklace sets from the burial mound № 3 barrow № 5 of Kichigino burial ground were analyzed in the article, the regularities in their mutual occurrence were determined. Production technology allowed to classify all stone beads according to their probable manufacture centers. According to the analysis of necklace spreading on early nomad South Urals sites the date of such necklace sets origins in the South Urals region was set.

Keywords: *South Urals region, Kichigino I burial ground, necklace sets of the late 5th–4th centuries BC, production technology, origins, spreading, sequence of appearance.*

МИНЕРАЛОГИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ШЛАКОВ ИРТЯШСКИХ ГОРОДИЩ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

М. Н. Анкушев, И. А. Блинов, А. М. Наумов

Приводится минералогическая характеристика железных шлаков Иртышских городищ иткульской культуры. Минеральный состав шлака представлен оливином, лейцитом, нефелином, вюститом, герцинитом, железом, стеклом. Изученные образцы сравниваются с аналогичными из археологических памятников Казахстана и Германии. По основным минеральным ассоциациям предположена температура шлакового расплава. Наиболее вероятным источником железных руд для металлургического производства Иртышских городищ представляются гидрогетитовые и лимонитовые оолитовые озерно-болотные месторождения или месторождения болотных руд.

Ключевые слова: *железные шлаки, иткульская культура, Иртышские городища, ранний железный век.*

Среднеуральский металлургический центр является крупным комплексом археологических памятников раннего железного века с развитой металлургией. Наиболее полная характеристика и анализ металлургического производства в системе иткульской культуры был дан Г. В. Бельтиковой (Бельтикова, 2005). Цель настоящей работы — минералогическая и геохимическая характеристика железных шлаков Иртышских городищ иткульской культуры для определения типов использовавшихся руд и источников металлургического сырья, а также особенностей металлургического процесса.

Иртышские городища — комплекс укрепленных поселений раннего железного века, расположенных по берегам Каслинско-Иртышской системы озер в северной части Челябинской области. Иртышские городища являются одной из самых южных групп памятников в рамках иткульской и гамаюнской археологических культур. Характеристика Иртышских городищ представлена в работах А. Г. Гаврилюка и А. М. Наумова (Гаврилюк, Наумов, 2004; Наумов, 2016).

Объектом исследования стала коллекция металлургических шлаков с Иртышских городищ иткульской культуры, полученная с городищ Иртышское 1, Иртышское 2, Иртышское 8 («Белая галька»), городища Гусева Гора, а также отдельных мест плавки металла вблизи городища Иртышское 2 — мыс Озерск-1, рудник Иртыш-9. Из предоставленных образцов изготовлено 12 препаратов для изучения в отраженном свете на оптическом микроскопе Olympus BX 51 (Институт минералогии УрО РАН). Далее изучение железных шлаков было продолжено на сканирующем электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов). Получены новые данные об особенностях минералогии и геохимии железных шлаков, что также позволило провести предварительный анализ температурного режима образования шлаков.

Характеристика шлаков. Образцы железных металлургических шлаков имеют размеры 10–20 см, характеризуются неправильной формой, многочисленными отростками и натеками, имеют черный, темно-бурый цвет (рис. 1). Шлаки обладают низкой и средней степенью пористости (количество пор приблизительно 5–10% от общего объема шлака). Минеральный

Рис. 1. Железные металлургические шлаки с поселений Иртышское 2 и Иртышское 8 («Белая галька»)

¹ Авторы выражают благодарность В. В. Зайкову, М. В. Штенбергу. Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-36-00299 мол_а.

состав шлака представлен оливином, лейцитом, нефелином, вюститом, герцинитом, железом, стеклом. Шлак характеризуется порфировой (вкрапленники минералов погружены в стекловатую массу) структурой. Текстуры шлака представлены пятнистой (отличается неравномерным распределением в породе вкрапленников, а также неоднородной раскристаллизацией стекла) и паркетовидной (характеризуется похожим на паркет расположением удлинённых кристаллов оливина и вюстита) разновидностями.

Оливин является основным минералом в шлаках. Образует идиоморфные удлинённые цепочечные, скелетные кристаллы (рис. 2). Величина цепочечных кристаллов по удлинению может достигать 1 мм, толщина колеблется в пределах от 5 до 20 мкм. Образует также субмикронные перистые формы и мелкие кристаллиты в стекле. Идиоморфных ромбических зональных кристаллов оливина, характерных для шлаков бронзового века на Южном Урале, не отмечено. Состав минерала соответствует фаялиту с небольшим количеством минералов тефрита, форстерита и кальциевого оливина. В целом минерал характеризуется весьма высокой стехиометрией (табл. 1). Химический состав оливина (мас. %): FeO — 61–69; SiO₂ — 26–31; MnO — 1,6–3,9; MgO — 0–3; CaO — 0–1,1; Al₂O₃ — 0–1,2.

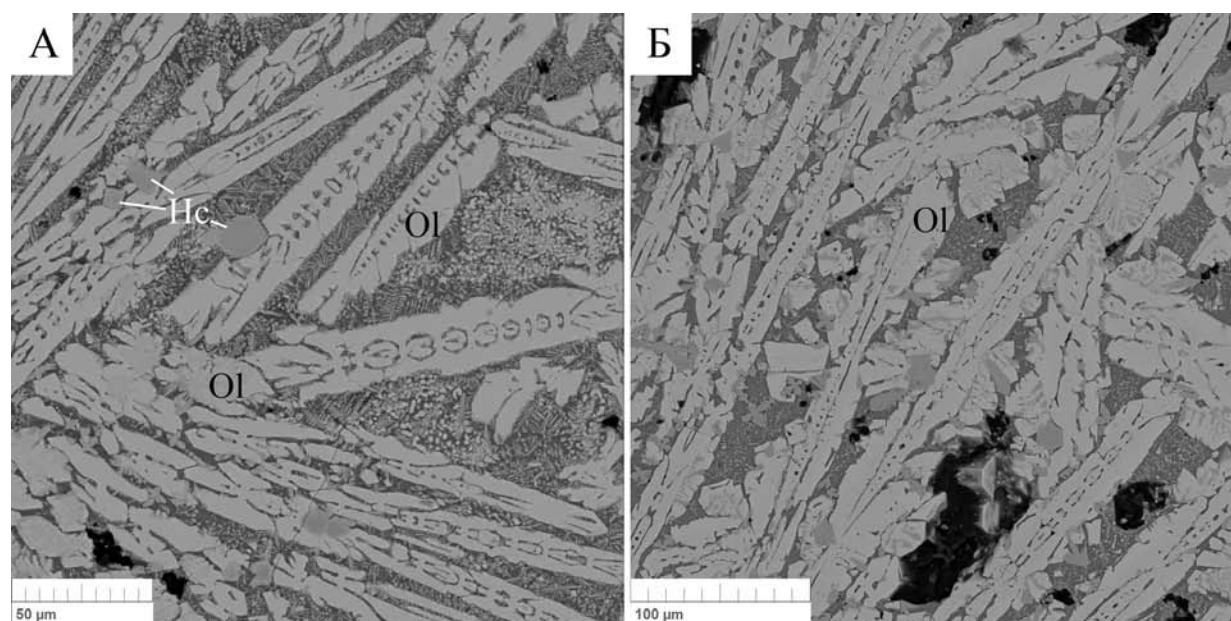

Рис. 2. Цепочечные кристаллы оливина в шлаке: А — образец БГ-2; Б — образец Ирт-2-1. Фото в отраженных электронах

Таблица 1

Состав оливина из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	SiO ₂	FeO	MgO	Al ₂ O ₃	MnO	CaO	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	БГ-1-1	16120h	30,56	66,28	—	—	2,72	1,14	100,70	(Fe _{1,85} Mn _{0,08} Ca _{0,04}) _{1,97} Si _{1,02} O ₄
2		16120m	30,71	65,23	—	—	2,66	1,10	99,70	(Fe _{1,83} Mn _{0,08} Ca _{0,04}) _{1,95} Si _{1,03} O ₄
3		16121b	30,85	64,58	1,59	—	2,64	0,35	100,00	(Fe _{1,79} Mg _{0,08} Mn _{0,07} Ca _{0,01}) _{1,95} Si _{1,02} O ₄
4	БГ-2	16121d	30,91	66,82	0,64	—	1,64	—	100,00	(Fe _{1,86} Mg _{0,03} Mn _{0,05}) _{1,94} Si _{1,03} O ₄
5		16121h	30,34	64,40	1,79	—	3,04	0,44	100,00	(Fe _{1,79} Mg _{0,09} Mn _{0,09} Ca _{0,02}) ₂ Si _{1,01} O ₄
6		16146c	30,42	63,46	0,89	—	3,89	0,83	99,49	(Fe _{1,78} Mn _{0,11} Mg _{0,04} Ca _{0,03}) _{1,96} Si _{1,02} O ₄
7	Ирт-1-1	16146j	30,62	63,27	1,07	—	4,11	0,93	100,00	(Fe _{1,76} Mn _{0,12} Mg _{0,05} Ca _{0,03}) _{1,96} Si _{1,02} O ₄
8		16145d	29,98	60,53	2,97	0,87	5,34	0,31	100,00	(Fe _{1,67} Mn _{0,15} Mg _{0,15} Al _{0,01} Ca _{0,01}) ₂ (Si _{0,99} Al _{0,01})O ₄

Окончание табл. 1

№ п/п	Образец	Анализ	SiO ₂	FeO	MgO	Al ₂ O ₃	MnO	CaO	Сумма	Кристаллохимическая формула
9	Ирг-2-1	16145f	30,02	61,83	1,73	0,65	5,10	0,67	100,00	(Fe _{1,72} Mn _{0,14} Mg _{0,09} Al _{0,03} Ca _{0,02}) ₂ SiO ₄
10		16145i	29,57	64,02	1,33	1,18	3,52	0,38	100,00	(Fe _{1,78} Mn _{0,1} Mg _{0,07} Al _{0,04} Ca _{0,01}) ₂ (Si _{0,98} Al _{0,01}) _{0,99} O ₄
11		16145k	30,40	64,01	1,26	0,31	3,91	0,11	100,00	(Fe _{1,78} Mn _{0,11} Mg _{0,06} Al _{0,01}) _{1,96} Si _{1,01} O ₄

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов); прочерк — компонент не обнаружен.

Лейцит весьма широко распространен в шлаках. Образует гипидиоморфные, ксеноморфные, с подплавленными границами агрегаты размером до 100 мкм (рис. 3). Химический состав лейцита (мас. %): SiO₂ — 54–55; Al₂O₃ — 23–24; K₂O — 18–19; FeO — 0,9–1,7; BaO — 0,8–1,2; Na₂O — 0,5–1,1 (табл. 2).

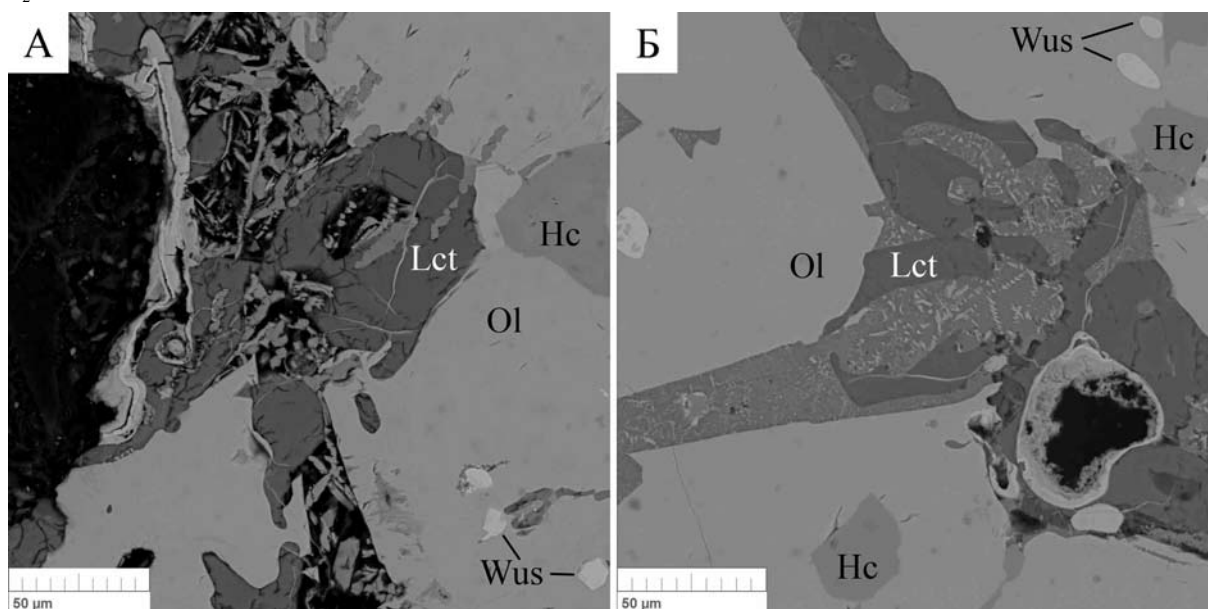

Рис. 3. Агрегаты лейцита в основной массе шлака, сложенной оливином:
А, Б — образец БГ-1. Фото в отраженных электронах

Таблица 2

Состав лейцита из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	K ₂ O	FeO	BaO	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	БГ-1-1	16120b	54,30	23,42	0,84	18,98	1,66	0,81	100,00	(K _{0,88} Na _{0,06} Ba _{0,01}) _{0,95} (Al _{0,99} Fe _{0,05}) _{1,04} (Si _{1,98} Al _{0,02}) ₂ O ₈
2		16120f	54,95	23,72	0,83	18,66	0,91	0,91	100,00	(K _{0,86} Na _{0,06} Ba _{0,01}) _{0,93} (AlFe _{0,03}) _{1,03} (Si _{1,99} Al _{0,01}) ₂ O ₈
3		16120l	55,31	23,53	0,52	18,98	0,89	0,78	100,00	(K _{0,88} Na _{0,04} Ba _{0,01}) _{0,93} (AlFe _{0,03}) _{1,03} Si ₂ O ₈
4	Ирг-2-1	16145q	54,25	24,13	1,09	17,93	1,44	1,16	100,00	(K _{0,83} Na _{0,08} Ba _{0,02}) _{0,93} (AlFe _{0,04}) _{1,04} (Si _{1,97} Al _{0,03}) ₂ O ₈

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов).

Нефелин (стекло нефелинового состава?) в шлаках распространен не слишком широко. Чаще выполняет межзерновое пространство между кристаллами оливина. Химический состав соответствует нефелину с небольшим недостатком катионов в первой позиции (мас. %): SiO_2 — 42–44; Al_2O_3 — 31–33; Na_2O — 14–15; K_2O — 6,3–6,6; FeO — 1,8–2,4; CaO — 0,6–1,6; BaO — 0–0,3 (табл. 3).

Таблица 3

Состав нефелина из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	SiO_2	Al_2O_3	Na_2O	K_2O	CaO	FeO	BaO	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	БГ-2	16121f	42,30	33,09	14,32	6,52	1,64	1,84	0,3	100,00	$(\text{Na}_{0,67}\text{K}_{0,2}\text{Ca}_{0,04})_{0,91}(\text{Al}_{0,95}\text{Fe}_{0,04}\text{Si}_{0,03})_{1,02}\text{SiO}_4$
2	Ирт-1-1	16146e	44,19	31,22	15,12	6,64	0,83	1,98	—	100,00	$(\text{Na}_{0,71}\text{K}_{0,21}\text{Ca}_{0,02})_{0,94}(\text{Al}_{0,89}\text{Fe}_{0,04}\text{Si}_{0,07})\text{SiO}_4$
3	Ирт-1-1	16146i	44,07	31,64	14,95	6,30	0,64	2,40	—	100,00	$(\text{Na}_{0,7}\text{K}_{0,19}\text{Ca}_{0,02})_{0,91}(\text{Al}_{0,9}\text{Fe}_{0,05}\text{Si}_{0,07})_{1,02}\text{SiO}_4$

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов); прочерк — компонент не обнаружен.

Стекло выполняет межзерновое пространство между агрегатами оливина в шлаке. Состав стекла может варьироваться. В шлаке стекло включает в себя мелкие кристаллиты оливина и червеобразные вроски вюститы. Привести точный количественный анализ стекла шлака весьма проблематично из-за попадания в область пучка электронов кристаллитов различных минералов. Особенности состава стекла являются примеси следующих компонентов (мас. %): SO_3 — 1–1,5; P_2O_5 — 0,7–4,6.

Герцинит образует октаэдрические кристаллы и сростки (рис. 4). Величина кристаллов достигает 50 мкм. Минерал характеризуется высокой стехиометрией (табл. 4). Химический состав герцинита (мас. %): Al_2O_3 — 46–54; FeO — 41–52; MnO — 0,5–2; TiO_2 — 0,3–3,2; MgO — 0–2,6; Cr_2O_3 — 0–1,6; V_2O_5 — 0–0,7. В кристаллах герцинита наблюдается зональность, зачастую ритмичная. Более светлые в отраженных электронах зоны характеризуются повышенными содержаниями Fe и Ti по сравнению с более темными зонами, которым соответствуют повышенные содержания Mg, Mn, Cr и V. В кристаллах герцинита иногда наблюдаются расплавленные включения металлического железа.

Рис. 4. А — зональные октаэдрические кристаллы и сростки герцинита в массе шлака, сложенной скелетными кристаллами оливина; Б — кристаллы герцинита в массе шлака, представленной лейцитом. В центре фото — включения металлического железа в герцините. Образец Ирт-1-1. Фото в отраженных электронах

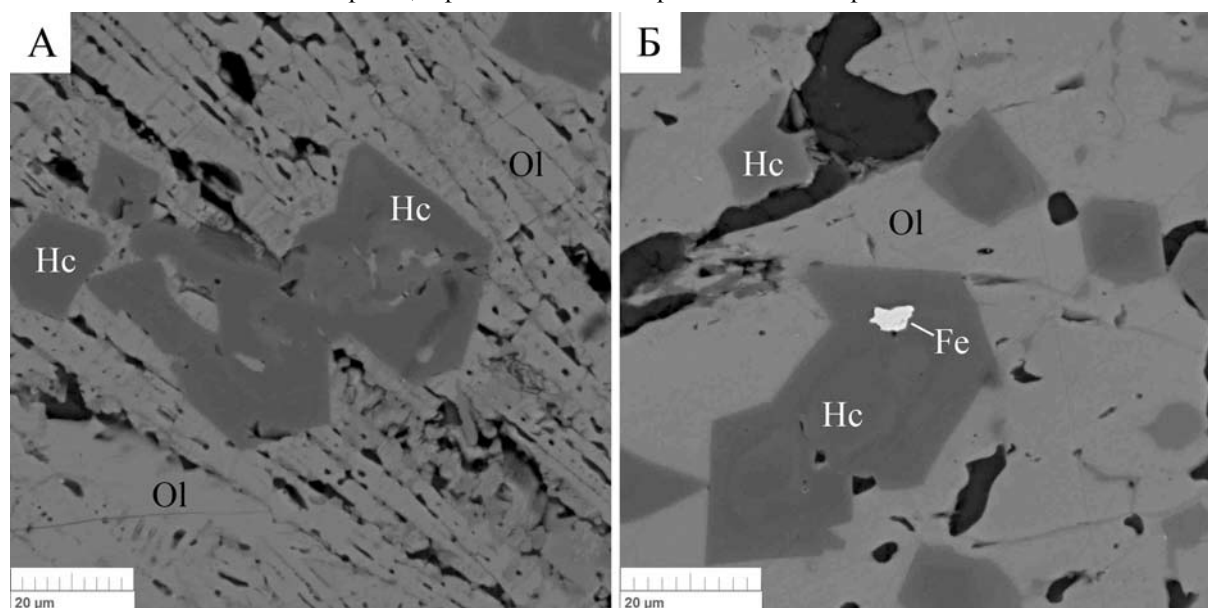

Таблица 4

Состав герцинита из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	Al ₂ O ₃	FeO	MgO	TiO ₂	MnO	Cr ₂ O ₃	V ₂ O ₅	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	БГ-1-1	16120c	50,23	46,54	0,51	0,51	1,13	—	0,31	99,23	(Fe ²⁺ _{0,97} Mg _{0,02}) _{0,99} (Al _{1,78} Fe ³⁺ _{0,19} Mn _{0,03} Ti _{0,01} V _{0,01}) ₂ O ₄
2		16120i	47,28	48,79	—	3,16	0,77	—	—	100,00	Fe ²⁺ _{0,96} (Al _{1,68} Fe ³⁺ _{0,23} Mn _{0,02} Ti _{0,07}) ₂ O ₄
3		16120o	48,19	48,69	—	2,23	0,89	—	—	100,00	Fe ²⁺ _{0,98} (Al _{1,71} Fe ³⁺ _{0,22} Mn _{0,02} Ti _{0,05}) ₂ O ₄
4	БГ-2	16121c	48,47	49,85	0,53	0,65	0,50	—	—	100,00	(Fe ²⁺ _{0,97} Mg _{0,02}) _{0,99} (Al _{1,72} Fe ³⁺ _{0,26} Mn _{0,01} Ti _{0,01}) ₂ O ₄
5		16121e	49,52	48,15	0,73	0,72	0,52	0,35	—	100,00	(Fe ²⁺ _{0,96} Mg _{0,03}) _{0,99} (Al _{1,74} Fe ³⁺ _{0,22} Mn _{0,01} Ti _{0,02} Cr _{0,01}) ₂ O ₄
6		16121g	45,81	51,54	—	1,21	1,04	—	—	99,61	Fe ²⁺ _{0,99} (Al _{1,65} Fe ³⁺ _{0,3} Mn _{0,03} Ti _{0,03}) ₂ O ₄
7	Ирт-1-1	16146d	52,96	43,84	1,80	0,31	1,31	—	—	100,24	(Fe ²⁺ _{0,92} Mg _{0,08})(Al _{1,83} Fe ³⁺ _{0,14} Mn _{0,03} Ti _{0,01}) ₂ O ₄
8	Ирт-2-1	16145c	51,27	42,28	2,23	0,56	1,97	1,07	0,63	100,00	(Fe ²⁺ _{0,87} Mg _{0,1}) _{0,97} (Al _{1,77} Fe ³⁺ _{0,14} Mn _{0,05} Cr _{0,02} Ti _{0,01} V _{0,01}) ₂ O ₄
9		16145g	49,51	47,81	1,04	0,61	0,78	0,24	—	100,00	(Fe ²⁺ _{0,95} Mg _{0,5})(Al _{1,74} Fe ³⁺ _{0,22} Mn _{0,02} Cr _{0,01} Ti _{0,01}) ₂ O ₄
10		16145h	53,55	40,54	2,29	0,42	2,01	0,62	0,57	100,00	(Fe ²⁺ _{0,89} Mg _{0,1}) _{0,99} (Al _{1,84} Fe ³⁺ _{0,08} Mn _{0,05} Cr _{0,01} Ti _{0,01} V _{0,01}) ₂ O ₄
11		16145j	51,23	43,26	1,35	0,69	1,19	1,56	0,72	100,00	(Fe ²⁺ _{0,93} Mg _{0,06}) _{0,99} (Al _{1,78} Fe ³⁺ _{0,12} Mn _{0,03} Cr _{0,04} Ti _{0,02} V _{0,02}) ₂ O ₄
12		16145n	52,56	43,32	1,75	0,67	1,16	0,18	0,36	100,00	(Fe ²⁺ _{0,92} Mg _{0,08})(Al _{1,82} Fe ³⁺ _{0,13} Mn _{0,03} Ti _{0,01} V _{0,01}) ₂ O ₄
13		16145o	52,09	41,04	2,61	0,35	1,91	1,30	0,70	100,00	(Fe ²⁺ _{0,88} Mg _{0,11}) _{0,99} (Al _{1,79} Fe ³⁺ _{0,1} Mn _{0,05} Cr _{0,03} V _{0,02} Ti _{0,01}) ₂ O ₄

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов); прочерк — компонент не обнаружен.

Вюстит широко распространен в шлаках. Образует скелетные кристаллы размером до 100 мкм, мелкие ксеноморфные каплевидные агрегаты (рис. 5, А). Скелетные кристаллы вюстита зачастую развиваются под прямым углом друг к другу. Вюстит встречается также в виде мелких субмикронных вростков в стекле и симплектитов в цепочечных кристаллах оливина. Минерал весьма стехиометричен (табл. 5). Химический состав вюстита (мас. %): Al₂O₃ — 0–0,6; FeO — 97–98; MnO — 0,5–1,5; TiO₂ — 0,3–1.

Рис. 5. А — включение металлического железа и каплевидные агрегаты вюстита в шлаке. Образец Ирт-1-1; Б — включение металлического железа на границе скелетного кристалла герцинита. Образец Ирт-2-1. Фото в отраженных электронах

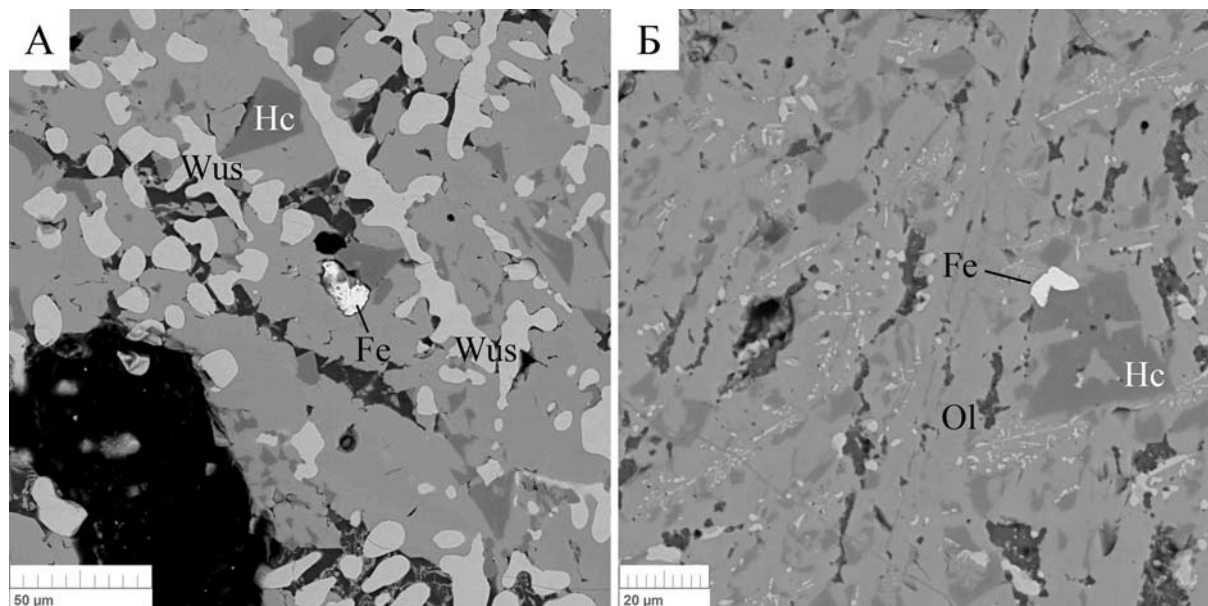

Таблица 5

Состав вюститита из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	FeO	MnO	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Сумма	Кристаллохимическая формула
1	БГ-1-1	16120a	98,09	0,48	0,60	0,56	99,73	(Fe _{0,97} Ti _{0,01}) _{0,98} O
2		16120j	97,69	0,83	0,92	0,43	99,87	(Fe _{0,97} Mn _{0,01} Ti _{0,01}) _{0,99} O
3		16120n	96,84	1,01	0,95	0,29	99,10	(Fe _{0,97} Mn _{0,01} Ti _{0,01}) _{0,99} O
4	БГ-2	16121a	97,35	0,85	0,36	0,50	99,06	(Fe _{0,97} Mn _{0,01}) _{0,98} O
5		16121i	98,15	0,81	0,60	0,43	100,00	(Fe _{0,97} Mn _{0,01} Ti _{0,01}) _{0,99} O
6	Ирт-1-1	16146b	98,32	1,39	0,29	—	100,00	(Fe _{0,98} Mn _{0,01}) _{0,99} O
7		16146h	98,48	1,12	0,40	—	100,00	(Fe _{0,98} Mn _{0,01}) _{0,99} O
8	Ирт-2-1	16145a	97,68	1,52	0,42	—	99,63	(Fe _{0,98} Mn _{0,02})O

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов); прочерк — компонент не обнаружен.

Железо — металлический компонент в шлаках. Образует небольшие расплавные включения разнообразной формы, размером до 20 мкм (рис. 5). Встречаются образцы шлаков, совсем не содержащие включений металлического железа. По химическому составу металлическое железо является почти чистым, иногда присутствует примесь Mn — до 0,24 мас. % (табл. 6). Металлическое железо в шлаках однородно, кайм иного состава, микровключений не обнаружено.

Таблица 6

Состав металлического железа из железных шлаков поселений иткульской культуры

№ п/п	Образец	Анализ	Fe	Mn	Сумма
1	Ирт-1-1	16146a	100,33	—	100,33
2		16146f	99,81	0,24	100,05
3		16146g	99,06	—	99,06
4	Ирт-2-1	16145b	99,76	0,24	100,00
5		16145m	99,78	0,22	100,00

Примечание: анализы выполнены на электронном микроскопе Tescan Vega 3 с ЭДС Oxford Instruments X-act (аналитик И. А. Блинов); прочерк — компонент не обнаружен.

Сравнение с аналогами. Железные шлаки поселения Кент (Центральный Казахстан), относящиеся ко второй половине II тыс. до н. э.— X в. до н. э., характеризуются похожими на шлаки Иртышских городищ структурно-текстурными особенностями, основной минеральный состав также представлен фаялитом с примесями Mg, Ca и Mn, вюститом, стеклом и металлическим железом (Варфоломеев и др., 2016). Однако присутствуют и значительные различия. Шлаки Иртышских городищ характеризуются более выдержанным минеральным составом, а также равномерным соотношением минералов. В железоплавильных шлаках поселения Кент фиксируются отдельные зоны, обогащенные и обедненные железом и вюститом. В шлаках Иртышских городищ фиксируется большее количество Na₂O и K₂O, что приводит к образованию лейцита и нефелина либо стекла нефелинового состава. В шлаках Кента эти компоненты присутствуют только в стекле. Этот факт может свидетельствовать об использовании на иткульских поселениях щелочных флюсов для облегчения плавки и, соответственно, более прогрессивного подхода в металлургическом процессе. Существенным отличием является присутствие новообразованного герцинита в иткульских шлаках. Количество металлического железа в шлаках поселения Кент на порядок выше, чем в шлаках иткульского металлургического очага, что говорит о малых потерях полезного металлического компонента при переделе руд. Извлечение полезного компонента — железа — в более ранних шлаках Кента было существенно ниже. Потери железа в иткульской металлургии были ничтожны.

В железных шлаках Лузатии (Германия, VIII в. до н. э.— IV в. н. э.) (Heimann et al., 2011) также можно наблюдать обогащение Ca и P вплоть до образования ламелей фосфатов

кальция и железа в общей массе фаялита. Минеральный состав шлаков Лузатии и Иткуля во многом схож. В них также присутствует большое количество фаялита, вюстит (встречается в виде вростков в стекле), присутствуют идиоморфные кристаллы минералов ряда магнетит-герцинит.

Оценку температур образования шлака можно получить, основываясь на температурах преобразования и кристаллизации отдельных минералов. Герцинит является наиболее высоко-температурным минералом в шлаке. Температуру кристаллизации герцинита можно оценить в 1275–1250 °С. Температура солидуса оливинов ряда форстерит-фаялит и тефроит-фаялит (основные компоненты Mg–Fe и Mn–Fe) оценивается в 1205–1215 °С. Калиевый полевой шпат при температурах выше 1200 °С начинает превращаться в лейцит и стекло. Порядок кристаллизации минералов в шлаках Иртышских городищ иткульской культуры можно представить в виде цепочки (с уменьшением температуры): герцинит — лейцит — фаялит — вюстит — закалка стекол. В целом температуру шлакового расплава можно грубо оценивать в промежутке 1250–1300 °С.

Типы металлургического сырья. Установление источника железных руд является сложным, так как, скорее всего, древними металлургами и горняками использовались экзогенные мелкие месторождения и рудопоявления. Наиболее вероятным источником железных руд представляются гидрогетитовые и лимонитовые оолитовые озерно-болотные месторождения или месторождения болотных руд (Рудные... 1978) — например, рудник Иртыш-9. Месторождения являются поверхностными, что определяло возможность их разработки в древности. В настоящее время, из-за низких содержаний железа в рудах и небольших запасов такие месторождения не представляют промышленного значения.

Список литературы

- Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Варфоломеев В. В., Анкушев М. Н., Блинов И. А. Металлургические шлаки из поселения Кент (к проблеме начала получения железа на территории Казахстана) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2016. Т. 16, № 2. С. 6–12.
- Гаврилюк А. Г., Наумов А. М. Иртышские городища // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. С. 35–41.
- Наумов А. М. Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей, 2016. С. 188–318.
- Рудные месторождения СССР : в 3 т. Т. 1 / под ред. акад. В. И. Смирнова. Изд. 2-е. М. : Недра, 1978. 352 с.
- Heimann R.B., Kreiher U., Spazier I., Wetzel G. Mineralogical and chemical investigations of bloomery slags from prehistoric (8th century BC to 4th century AD) iron production sites in Upper and Lower Lusatia, Germany // Archaeometry 43. 2001. No. 2. Pp. 227–252.

IRON SLAGS MINERALOGY FROM THE IRTYASH FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE ITKUL CULTURE

M.N. Ankushev, I.A. Blinov, A.M. Naumov

The work presents mineralogical peculiarities of iron slags from the Irtyash fortified settlements of the Itkul culture. Slags consist of olivine, leucite, nepheline, wuestite, hercinite, iron, and glass. The slags were compared with similar ones from archaeological monuments of Kazakhstan and Germany. According to the main mineral assemblages, the supposed temperature of slag melting was set. The most likely source of iron ores for the metallurgical production of the Irtyashsky fortified settlements are limonite oolitic lake-marsh or marsh ore deposits.

Keywords: *iron slags, Itkul culture, Irtyash fortified settlements, Early Iron Age.*

ХОЗЯЙСТВО НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (по материалам поселенческих памятников IV—I веков до нашей эры)¹

С. Л. Воробьева

Проанализированы поселенческие памятники кара-абызской культуры, на основе которых определен основной тип хозяйства носителей данной культуры в IV—I вв. до н. э. и видовой состав их стада. Памятники кара-абызской культуры расположены в среднем течении реки Белой, в лесостепи Южного Приуралья. Природно-географические особенности и климат территории способствовали формированию среди кара-абызского населения скотоводства, появившегося здесь с приходом кочевого населения (гафурийский культурный комплекс). Автором проанализирован видовой состав стада по данным остеологического материала поселений кара-абызской культуры и введены в оборот материалы раскопок Курмантаевского городища 2013 г. На основе этих данных показана однородность хозяйства носителей кара-абызской культуры: на памятниках, где преобладает гафурийская керамика, население занималось скотоводством, а на памятниках с преобладанием кара-абызской керамики оно вело более оседлый образ жизни.

Ключевые слова: кара-абызская культура, эпоха раннего железа, скотоводство, кочевники Южного Урала, хозяйство, культура курмантау, гафурийский культурный комплекс, ананьинская культура.

В эпоху раннего железа среднее течение реки Белой входило в ареал обитания носителей кара-абызской археологической культуры (V—IV вв. до н. э. — IV в. н. э.), которая сложилась, с одной стороны, на основе местного, ананьинского компонента, с другой — на основе пришлого, кочевнического компонента (так называемый гафурийский тип, или гафурийский культурный комплекс (Пшеничнюк, 1976. С. 126; Савельев, 2011. С. 56).

В связи с неоднородностью населения, оставившего памятники кара-абызской культуры на раннем этапе ее развития, возникают вопросы, связанные с определением основного типа хозяйства этого населения. Так, в недавно вышедшей работе А. С. Проценко и Р. М. Сатаева обсуждается вопрос об особенностях хозяйства носителей кара-абызской культуры и обосновывается наличие скотоводства у населения, жившего в городище Кара-Абыз в эпоху раннего железа (на основе анализа материала работ 2015 г.) (Проценко, Сатаев, 2016). В то же время они пишут, что «о реальном преобладании в рационе мяса МРС над мясом КРС можно говорить лишь тогда, когда количество первого больше, чем второго, не менее, чем в 5–6 раз (чего в обсуждаемых остеологических коллекциях не наблюдается)» (Проценко, Сатаев, 2016. С. 128). Еще в работе Г. В. Юсупова 1959 г. по материалам раскопок поселений Гафурийского района Республики Башкортостан говорится о том, что «характер хозяйства обитателей городищ (кара-абызской культуры. — С. В.) (преобладание скотоводства) существенно отличает эти поселения от ананьинских» (Юсупов, 1959. С. 87). В 1973 г. А. Х. Пшеничнюк также выделил скотоводство как один из видов занятий кара-абызцев (Пшеничнюк, 1973. С. 210–213). При этом наличие земледелия у кара-абызского населения никак не подтверждается — нет четко определенных орудий труда, нет результатов споро-пыльцевого анализа, подтверждающего выращивание тех или иных культур.

В данной работе проанализированы поселенческие памятники кара-абызской культуры, на основе которых определены основной тип хозяйства в IV—I вв. до н. э. и видовой состав стада.

Ареал обитания носителей кара-абызской культуры в ландшафтном отношении приурочен к лесостепи Южного Приуралья и примыкает непосредственно к горнолесной зоне Южного Урала. Обширные выровненные поверхности, сложенные рыхлыми отложениями, прослеживаются вдоль речных долин и нижних частей пологих северных склонов водоразделов на абсолютных высотах до 200–500 м. Основными геоморфологическими элементами в их пределах являются поймы, первая и вторая надпойменные террасы. Вершинные поверхности увалов над прилегающими равнинами образуют две ступени высот с абсолютными отметками

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ФФИ АН РБ проект 17-11-02001 «а(р)».

280–320 и 470–530 м. Речная сеть представлена нижними и средними течениями рек Белая и Сим и их притоков. Реки обладают значительной водностью, для их режима характерны весенне-летнее половодье и летне-осенние паводки (Физико-географическое районирование... 1964. С. 66–67).

Климат середины и конца I тыс. до н. э. на данной территории отличался несколько повышенной влажностью и значительной прохладой. Леса продвинулись к югу, степные участки были вкраплены в лесные ландшафты. На рубеже VI–V вв. до н. э. в Северной, Центральной и Восточной Европе произошло резкое похолодание — среднегодовая температура снизилась на два-три градуса по сравнению с современной, а количество осадков увеличилось (Аськеев и др., 2009. С. 64–65). По биостратиграфическим данным Биктимировского городища (северный памятник кара-абызской культуры IV–II вв. до н. э.), во время накопления нижней части отложений культурного слоя существовали сосново-березово-липовые леса, затем доля открытых луговых пространств увеличилась (преобладает пыльца травянистых). Во время накопления отложений верхней части слоя были распространены березово-липовые леса с примесью хвойных и открытые пространства, занятые разнотравьем (Данукалова и др., 2004. С. 195–196). Подобную картину показали и результаты спорово-пыльцевого анализа отложений разреза на археологическом памятнике Курмантау-8/9 (раскопки автора 2014 г., материалы находятся в обработке), проведенные научным сотрудником Института геологии Уфимского научного центра РАН кандидатом биологических наук Р. Г. Курмановым. По данным исследователя, все полученные спектры характеризуют опушку мелколиственно-широколиственного леса, но отмечено, что в период формирования отложений из верхних слоев увеличивались площади открытых луговых пространств. Верхние слои памятника также датируются IV–III вв. до н. э. Эти данные, как и результаты работ В. Н. Кудеярова с соавторами (Кудеяров и др., 2009. С. 131) и В. А. Демкина с соавторами по степям Заволжья (Демкин и др., 2013. С. 140), данные по Месягутовской лесостепи (Савельев, 2007. С. 37) говорят о том, что в IV–III вв. до н. э. на всей территории Южного Урала и Приуралья произошло осушение климата (аридизация), что в свою очередь привело к увеличению доли степных ландшафтов. Эти природно-географические особенности и климат территории способствовали формированию среди кара-абызского населения скотоводства, появившегося здесь с приходом кочевого населения. К началу I тыс. н. э. ситуация меняется — в начале позднего голоцена происходит похолодание и увлажнение климата, о чем свидетельствует увеличение облесенности верхнего течения реки Белая, судя по материалам раскопок Ташмуруновского грота (Косинцев, 2003. С. 161).

По данным А. Г. Петренко, основным продуктом питания кара-абызского населения были говядина и конина. Лошади были некрупные, выделены две формы: 124–130 см в холке и более высокие — 132–141 см. Значительную часть лошадей забивали в возрасте до двух лет (Петренко, 1984. С. 84; 2007. С. 82). Р. М. Сатаев, проанализировав костные материалы Шиповского городища, в свою очередь, приходит к выводу о том, что первое место в питании его жителей занимала говядина, а главное место в стаде — лошадь. Возраст забиваемых животных (КРС, лошадь — до четырех лет, МРС и свинья — до трех лет) свидетельствует о мясном направлении коневодства, овцеводства и свиноводства и мясомолочном разведении КРС (Савельев, 2009. С. 138).

Для анализа характеристики хозяйства населения, оставившего памятники кара-абызской культуры, нами взяты все данные, которые имеются по поселенческим памятникам этой культуры и относятся хронологически к IV–I вв. до н. э. (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение костных остатков по видовому составу
на памятниках кара-абызской культуры (слои IV–I веков до нашей эры)**

Памятник	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья	Рыба	Пушные звери (бобр, медведь, заяц, сурок)	Общее количество определимых костей
	%						
Биктимировское городище ¹	8	20,8	22,9	18,3	0,4	26	1527
Биктимировское городище ²	11	30	26	33	—	—	—
Кара-Абыз, городище ⁴	16,5	54,8	12,9	15,8	—	—	108
II Охлебининское городище ¹	9,1	3,5	32,7	8,9	1,1	10	965

Окончание табл. 1

Памятник	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья	Рыба	Пушные звери (бобр, медведь, заяц, сурок)	Общее количество определимых костей
	%						
II Охлебининское городище ²	11	41	38	10	—	—	—
Шиповское городище ¹	8,6	18	29	3,7	—	3	627
Шиповское городище ³	19	30	47	4	—	—	—
Касьяновское городище ²	12	60	22	3	—	—	—
Воскресенское городище ²	12	30	55	3	—	—	—
Селище Курма-Тау ²	10	72	13	5	—	—	—
Курмантаевское городище ³	16	38	39	4	—	—	—
Курмантаевское городище ⁵	2,8	65,5	—	10,7	8,5	6,4	362
Ташмуруновский грот ⁶ (имеется керамика гафурийского типа)	0,25				—	99,75	—

¹ Петренко, 1971. С. 114.² Пшеничнюк, 1973. Табл. 6. С. 212.³ Пшеничнюк, 1973. С. 212.⁴ Проценко, Сатаев, 2016. С. 131.⁵ Данные автора статьи по материалам раскопок 2013 г. (Воробьева, 2014).⁶ Котов, Савельев, 2003. С. 133.

Данные, представленные в таблице 1, подтверждают выводы И. Г. Петренко и Р. М. Сатаева о неоднородности распределения костей животных по видовому составу (Пшеничнюк, 1973. С. 212; Петренко, 1971. С. 114; Савельев, 2009. С. 139). На Биктимировском, Шиповском и Курмантаевском городищах кости МРС преобладают над костями КРС. Причем материалы 2013 г. на Курмантаевском городище показывают превышение более чем в 30 раз. На этих памятниках кости лошади представлены столь же значительно, что и кости МРС. Практически отсутствуют кости рыб, исключение составляют лишь результаты работ на Курмантаевском городище 2013 г., где в верхних слоях найдено значительное количество остатков рыб (нахождение здесь в большом количестве костей мелких рыб связано с использованием сита с размером ячеек 55 мм). Кости пушных животных в большом количестве найдены только на Биктимировском городище, на остальных памятниках их доля незначительна. На указанных поселениях значительную часть керамического материала составляют сосуды гафурийского типа, которые соотносятся с пришлым кочевническим (зауральским) компонентом кара-абызской культуры.

На Касьяновском, Воскресенском, Кара-Абыз, II Охлебининском городищах, селище Курман-Тау количество костей МРС превышает количество костей КРС, но не более чем в 4–5 раз. Исключение составляет лишь селище Курман-Тау, где количество костей МРС в семь раз больше, чем костей КРС. На всех памятниках кости лошади встречены в значительном количестве. Кости диких пушных животных встречены лишь на II Охлебининском городище и селище Курман-Тау. На этих памятниках значительную долю керамического материала составляет типичная кара-абызская керамика.

Распределение костей животных по слоям можно проследить на основе анализа материалов раскопок Курмантаевского городища 2013 г., где в шурфе размером 1×2 м найдено 2983 фрагмента костей (табл. 2). Датировка Курмантаевского городища по материалам 2013 г. определяется в пределах IV–III вв. до н. э. Отличительная особенность этого памятника заключается в том, что здесь выделяется несколько этапов освоения площадки городища. Раскопки велись условными горизонтами (зачистками) толщиной до 0,05 м до материкового основания (горизонты 1–13). Грунт просеивался через сито с ячейками 55 мм. Весь материал распределен по горизонтам, объединенным в три этапа освоения площадки городища (горизонты 10–13 — нижний слой, 5–9 — средний слой, дерн, 1–4 — верхний слой). По размерам фрагментов костей животных выделяются мелкие, средние и крупные кости¹.

¹ За мелкие кости приняты фрагменты размером до 2×2 см, за средние — до 10×10 см, за крупные — 10 см и более.

Таблица 2

Распределение костей животных по горизонтам и скоплениям

Местонахождение костей	Количество костей, шт.			
	мелких	средних	крупных	общее
Нижний слой (горизонты 10–13)	—	339	100	439
Средний слой (горизонты 5–9)	818	996	179	1993
Верхний слой (дерн, горизонты 1–4)	155	224	86	465
Итого	973	1559	365	2983

Остеологический анализ сделан научным сотрудником отдела археологии Республиканского историко-культурного музея-заповедника «Древняя Уфа» А. А. Романовым, остатки костей рыб определены ассистентом кафедры физиологии человека и зоологии Башкирского государственного университета А. М. Шевченко.

Всего были определены до вида или рода 324 фрагмента костей млекопитающих. Кости принадлежат трем видам домашних (КРС, МРС, лошадь) и пяти видам диких млекопитающих (сурок, медведь, бобр, заяц, мышевидный грызун), а так же птицам. На дикие виды в совокупности приходится чуть более 12 % остатков (табл. 3), что говорит о незначительной доле охоты в хозяйстве населения, оставившего памятник.

Таблица 3

Видовой и количественный состав остатков животных

Вид	Количество остатков	Доля в определимых остатках, %	Минимальное количество особей
<i>Домашние млекопитающие</i>			
КРС	10	3,09	3
МРС	236	72,84	14
Лошадь	39	12,04	7
<i>Дикие млекопитающие</i>			
Сурок	5	1,54	3
Бурый медведь	5	1,54	4
Бобр	13	4,01	4
Заяц	4	1,24	1
Мышевидный грызун	12	3,70	3
<i>Птица</i>			
Птица	6	—	—

Четырнадцать костных фрагментов имеют следы воздействия открытого огня, которые, как правило, затрагивают не всю кость. Это говорит о том, что они образовались при приготовлении пищи, а не в результате сжигания костных отходов в очаге.

Зубы несут на себе следы механических повреждений (разрубы). Разрубы отделяют коронку зуба от корня и расположены на разной высоте. Большая часть находится значительно ниже альвеолярного края челюстей. По мнению А. А. Романова, разрубы, вероятно, образовались при разделке туши животного и отделении мяса от костей.

При разборе остеологического материала выделено 52 экземпляра различных костей рыб и их фрагментов. Из всего количества до рода и вида определено 9 экземпляров (17,31 %), 17 костей (32,69 %) идентифицированы только до семейства, 26 экземпляров определены как принадлежащие группе костистых рыб — *Teleostei* sp. Таксономический состав рыб представлен в табл. 4.

Таблица 4

Таксономическая принадлежность костей рыб

Таксон	Количество костных остатков	Доля в общем количестве остатков, %
Стерлядь — <i>Acipenser ruthenus</i> L.	2	3,85
Щука — <i>Esox lucius</i> L.	3	5,77
Сем. Карповые — <i>Cyprinidae</i> sp.	17	32,69
Сом — <i>Silurus glanis</i> L.	1	1,92
Окунь — <i>Perca fluviatilis</i> L.	3	5,77
Костистые рыбы — <i>Teleostei</i> sp.	26	50,00

Всего обнаружены кости рыб, принадлежащих к пяти отрядам и пяти семействам. Все обнаруженные виды рыб являются типичными представителями современного ихтиоценоза среднего течения реки Белой. Как мы видим, среди найденных костей присутствуют остатки ценных промысловых видов, таких как стерлядь, щука и сом, из которых только экземпляр сома отличался довольно крупными размерами. Присутствие в коллекции костей рыб свидетельствует о том, что рыболовство играло определенную роль в быту населения городища (А. М. Шевченко).

Видовой состав костей животных, как и их размер, стратиграфически распределены неравномерно (табл. 2): на нижних горизонтах (10–13) преобладают кости МРС среднего и крупного размера, в то время как мелкие кости (до 2 см) здесь полностью отсутствуют. На горизонтах 5–9 увеличивается доля костей МРС, как и резко возрастает количество мелких костей. Та же тенденция наблюдается в верхних слоях (горизонты 1–4). Доля мелких костей преобладает на горизонтах 5–9, крупных — на горизонтах 10–13. В процентном соотношении количество костей лошади сокращается при переходе от нижнего горизонта к верхнему. Основное количество костей рыб приходится на верхние слои (горизонты 1–4). Распределение керамического материала по горизонтам на городище, как и данные остеологического анализа, говорят о том, что на начальном этапе функционирования площадки памятника (горизонты 10–13) здесь обитали носители «гафурийской керамики», основой хозяйства которых было скотоводство: в их рационе питания значительную долю составляло мясо МРС (кости КРС отсутствуют). По характеру костных останков (крупные и средние фрагменты преобладают) можно говорить о том, что население не испытывало дефицита в мясе. Вспомогательную роль в хозяйстве играла охота на пушных зверей. Следы рыболовства не зафиксированы.

Позднее (горизонты 5–9) основным типом хозяйства жителей Курмантаевского городища оставалось скотоводство: в рационе питания значительную долю составляло мясо МРС и лошади, доля мяса КРС невелика. Судя по характеру костных останков, можно говорить, что население испытывало дефицит в мясе. Вспомогательную роль в хозяйстве играли охота на пушных зверей и рыболовство, о чем свидетельствуют кости рыб и каменное грузило, которое могло использоваться в рыбной ловле.

На последней стадии функционирования городища (горизонты 1–4) на площадку выбрасывался мусор из очага — зола с костями животных, сломанная посуда, мелкие очажные камни, использованные орудия. Вся керамика представлена сосудами гафурийского типа, преобладают средние и мелкие фрагменты костей, что также свидетельствует о мясном дефиците.

Таким образом, на поселениях, где значительную часть жителей составляло пришлое кочевническое население, появившееся в лесостепи Южного Приуралья в IV в. до н. э., основной формой хозяйства было скотоводство, в рационе преобладало мясо МРС, для разведения которого именно в это время сформировались благоприятные климатические условия — аридизация степи привела к появлению широких пастбищных угодий. Значительную долю в рационе питания составляла конина.

На поселениях археологического микрорайона горы Курман-Тау, где основное население состояло из местного ананьинского компонента (Касьяновское, Воскресенское городища, селище Курман-Тау), рацион питания жителей включал мясо КРС, лошади и свиньи. Мясо МРС присутствовало в рационе, но не составляло его основу. Охота на пушных зверей была незначительной. Материалы раскопок стоянки им. М. И. Касьянова на территории этого археологического микрорайона (памятник предшествующего археологического этапа — культура курмантау эпохи поздней бронзы — раннего железа) показывают, что в более раннее время основой хозяйства ее населения являлось молочно-мясное скотоводство: мясо КРС, лошади и свиньи было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса МРС (Васильев и др. 1985. С. 39). О преемственности и, возможно, непрерывности носителей культуры курмантау и кара-абызского населения говорит еще и тот факт, что для памятников

обоих культур на указанной территории одним из главных занятий было бронзолитейное производство, о чем можно судить по материалам селищ Курмантау и стоянки им. М. И. Касьянова. Об этом свидетельствуют и материалы раскопок Ташмуруновского грота в верхнем течении реки Белой, где видовой состав животных на горизонтах с керамикой культуры курмантау и гафурийского типа принципиально ничем не отличается — грот в это время использовался в качестве кратковременной промысловой стоянки (Котов, Савельев, 2003. С. 134).

Изменение образа жизни людей, оставивших эти памятники, которое, по всей видимости, произошло в IV в. до н. э., было обусловлено природно-географическими факторами (аридизация) и связано с приходом сюда кочевников — носителей гафурийской керамики.

По материалам остеологического анализа с поселений кара-абызской культуры на памятниках IV—I вв. до н. э. выявлена неоднородность хозяйства носителей кара-абызской культуры: на памятниках, где преобладает гафурийская керамика, население занималось скотоводством, а на памятниках с преобладанием кара-абызской керамики оно вело более оседлый образ жизни.

Список литературы

Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Приуралье (поздний палеолит — средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности : сб. науч. ст., посвящ. 75-летию д-ра ист. наук Евгения Петровича Казакова. Казань : Фэн, 2009. С. 32–112.

Васильев И. Б., Иванов В. А., Обыденнов М. Ф. Итоги исследований стоянки им. М. И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : Башк. пед. ин-т, 1985. С. 21–40.

Воробьева С. Л. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Нац. музей Республики Башкортостан. Уфа, 2014. 237 с.

Данукалова Г. А., Яковлев А. Г., Алимбекова Л. И., Морозова Е. М. Биктимировское городище: характеристика природной среды времени формирования культурного слоя // УАВ. Вып. 5. 2004. С. 192–196.

Демкин В. А. и др. Подкуранные палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволж. археология. 2013. № 2 (4). С. 126–142.

Косинцев П. А. Археозоологические материалы из раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // УАВ. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 148–162.

Котов В. Г., Савельев Н. С. Промысловая стоянка Ташмуруновский грот в верховьях реки Белой // УАВ. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 124–147.

Кудеяров В. Н. и др. Глобальные изменения климата и почвенный покров // Почвоведение. 2009. № 9. С. 1027–1042.

Петренко А. Г. Остеологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа на территории Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 4 / под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова. Уфа : БФАН СССР, 1971. С. 113–116.

Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.

Петренко А. Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань, 2007. 114 с.

Проценко А. С., Сатаев Р. М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 6 (44). С. 125–133.

Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. 5 / под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева, Н. А. Мажитова. Уфа : БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–149.

Савельев Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа : Гилем, 2007. 260 с.

Савельев Н. С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 127–140.

Савельев Н. С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // Рос. археология. 2011. № 2. С. 56–66.

Физико-географическое районирование Башкирской АССР: ученые зап. Сер. географ. Т. 16, № 1. Уфа, 1964.

Юсупов Г. В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 58–87.

**ECONOMY OF CARRIERS OF THE KARA-ABYZ ARCHAEOLOGICAL CULTURE
OF THE EARLY IRON AGE
(ON THE MATERIALS OF THE SETTLEMENT MONUMENTS IV–I CENTURIES BC)**

S.L. Vorob'yova

The article analyzes the settlement monuments of the Kara-Abyz culture. According to these data, the main type of economy in the IV–I centuries BC and species composition of the herd was revealed. Settlements of the Kara-Abyz culture are located in the middle of the Belaya River, in the forest-steppe zone of the Southern Urals. Natural and geographical features and climate of the territory contributed to the formation among the Kara-Abyz population of cattle breeding, which appeared here with the arrival of a nomadic population (the Gafuriy cultural complex). The author of the article analyzed the species composition of animals and introduced excavated materials from the Kurmantaevsky ancient settlement of 2013. Osteological analysis of the IV–I centuries BC monuments from the settlements the Kara-Abyz culture reveals the homogeneity of the Kara-Abyz economy. On monuments where the Gafurian ceramics predominate, the population engaged in cattle breeding, and on the monuments with the predominance the Kara-Abyz ceramics, the population led a more sedentary lifestyle.

Keywords: *the Kara-Abyz culture, Early Iron Age, cattle breeding, nomads of the Southern Urals, farming, the Kurmantau cultures, the Gafuriy cultural complex, the Ananyin culture.*

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЛЕКСКОГО ЛОКАЛЬНОГО МИКРОРАЙОНА (предварительное сообщение)¹

М. Н. Дуйсенгали, А. А. Бисембаев, А. М. Мамедов

Статья посвящена последним исследованиям памятников ранних кочевников в Илекском локальном микрорайоне Приаральско-Мугалжарского региона, находившихся под угрозой разрушения. При исследовании отрабатывались новые методы фиксации материала. Полученные данные приобретают важное значение при сравнительном анализе с памятниками соседних территорий.

Ключевые слова: *Приаральско-Мугалжарский регион, Илекский локальный микрорайон, Шпаки, Кураша, сарматы.*

Актюбинская область, оконтуренная с севера крупной магистральной рекой Урал и расчлененная с юга на север самым крупным левобережным ее притоком — рекой Илек, в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Обширная территория между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской — на юго-востоке, Устьуртом на юге и долиной реки Урал на севере имеет последовательно три сменяющие друг друга ландшафтные зоны — лесостепную, степную, полупустынную. Зона пустыни — пески Большие и Малые Барсуки — находится в Северном Приаралье. Лесостепь, небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, занимает северную часть рассматриваемого региона. Реликтовое урочище Уркаш (Оркаш) с сосредоточением лесных колков уходит глубоко в степь в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев, 1987. С. 86–103).

К Актюбинской области в географическом аспекте применимо понятие «Приаральско-Мугалжарский регион» протяженностью в широтном и меридиональном направлении почти 500 км, с разветвленной гидросетью, горной системой Мугалжар (Мугоджар), реликтовыми песками Оркаш, Баркын, массивами Больших и Малых Барсуков, Нуринскими разливами. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается как обнаруженными и исследованными, так и малоизученными памятниками, информация о которых поступает со случайными находками и сборами. Отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к рекам — основному аспекту жизнеобеспечения в раннем железном веке и средневековье. Реки также являлись факторами разграничения кочевий, в какой-то мере оконтуривая этнические и политические объединения. Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинской области) Илек с его притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал. Бассейн Илека с притоками является самостоятельным локальным микрорайоном, так же как и Темиро-Эмбенский, Уило-Кобдинский и Орь-Иргизский микрорайоны (Ахатов, Бисембаев, 2015. С. 503–505).

Природно-географические условия рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Становление природно-климатических условий, близких современным, отразилось на хозяйственных занятиях населения и привело к формированию пастбищно-кочевой системы (Акишев, 1972. С. 31) — основы экономики кочевых обществ.

Наибольшее количество памятников раннего железного века приурочено к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиции природно-географических особенностей. Илек — магистральный левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану и, таким образом, максимально комфортный для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и имеет многоводные притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

В 2015 г. в Илекском локальном микрорайоне осуществлялись исследования кургана Кураша I, находящегося на территории Мартукского района Актюбинской области Республики

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона», грант № 2985/ГФ4.

Казахстан. Вокруг погребальной площадки на расстоянии 6,53 м от условного центра кургана находился вал. Средняя ширина вала составляла 3 м. Под курганной насыпью было обнаружено два погребения. Погребение 2, являвшееся основным, находилось в центральной части погребальной площадки.

Захоронение было совершено в могильной яме с дромосом. Скелет человека плохой сохранности (предположительно, в результате деятельности грызунов) находился на дне в юго-западной части погребальной камеры на глубине 2,4 м. У правой руки погребенного расчищен железный акинак. Кроме того, в могильной яме были обнаружены золотые накладки, бронзовое зеркало (рис. 1, 4) и бронзовые наконечники стрел (183 штук). К наиболее интересным артефактам относятся каменный алтарь на трех зооморфных ножках, железная обойма, обтянутая золотым листом, и крупная курильница (рис. 1, 1–3).

Каменный жертвенник-алтарь округлой формы на трех зооморфных ножках находился в центральной части погребальной камеры. Он, по всей видимости, был преднамеренно расколот. Реконструированный диаметр алтаря составил 34 см, высота — 23,5 см (рис. 1, 1). Жертвенник оформлен в зверином стиле, по его бортику идут изображения голов птиц, чередующиеся с изображениями головы хищника (волка?). Ножки представляют собой такие же головы хищников, что и на бортике, но более детализированные. Головы птиц имеют определенную схожесть с изображением головы грифона на алтарике из погребения 2 кургана 1 могильника Биш-Уба I (Васильев, 1998. Рис. 7, 8). Курашинский экземпляр отличается от других жертвенников, найденных в Илекском микрорайоне, внушительными размерами, материалом, стилистическими особенностями исполнения и общим обликом.

Оригинальная железная обойма была обнаружена справа от костяка. Рядом находились фрагменты железного ножа плохой сохранности, железные поясные пряжки, покрытые желтым металлом. Обойма представляла собой изделие подквадратной формы размерами 60×65 мм. Ее лицевая сторона была плакирована изображением в зверином стиле, вырезанном из золотого листа (рис. 1, 3). Данные предметы являются достаточно редкими на территории Южного Приуралья и могут выступать в качестве хронологически диагностирующих, позволяющих выделить реперные погребения с узкой датировкой. Первичная интерпретация описываемой обоймы дана участниками полевых исследований (Серик, Амелин, 2016. С. 182–184). Курильница введена в научный оборот Л. А. Краевой (Краева, 2016. С. 176–180).

Изображение курашинского оленя, своеобразно представлено с триксловыми орнаментами. Животное лежит с подогнутыми ногами, голова находится на одном уровне с туловищем, морда опущена вниз. Бедро оленя отмечено рельефным узором — завитком. Акцентирована область головы и рогов. На лицевой стороне изделия прослеживается еще одно изображение — предположительно, уменьшенная копия основной композиции, разрушенная сильно коррозией железной основной обоймы. Голова оленя просматривается ясно, остальная часть включает несколько зооморфных образов, в частности, завершение отростков рогов птичьими головками. По утверждению Е. Ф. Корольковой, такой феномен характерен для скифо-сибирского звериного стиля, особенно в V в. до н. э. (Королькова, 2006. С. 44).

Изображение оленя — центральный мотив в оформлении художественных изделий из могильника Филипповка (Пшеничнюк, 1989. С. 31). У оленя под нижней челюстью наблюдается какой-то «завиток», а плечо и бедро отмечены рельефной орнаментацией, варьирующей мотив «запятой» (Королькова, 2006. С. 40). Подобные стилистические моменты имеются и у изображения из кургана Кураша.

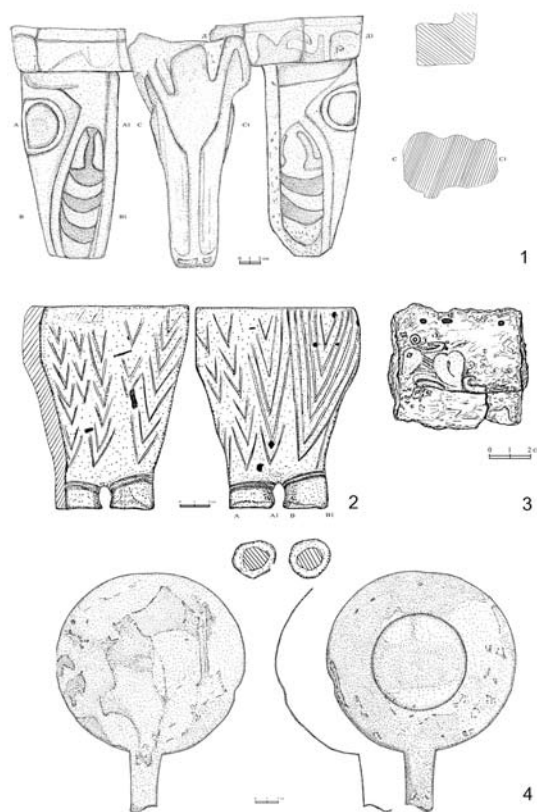

Рис. 1. Курган Кураша I, погребение № 2.
Инвентарь: 1 — каменный жертвенник;
2 — керамическая курильница;
3 — железная обойма с золотой аппликацией;
4 — бронзовое зеркало

В 2016 г. в Илекском локальном микрорайоне проводились исследования могильника Шпаки II, расположенного в Каргалинском районе Актюбинской области, ближе к землям Родниковского сельского округа Мартукского района. Памятник выявлен в 1977 г. археологической экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея под руководством В. В. Родионова. Могильник подвергается систематической распашке. С момента его обнаружения общая высота насыпей уменьшилась почти вдвое. В связи с этим было принято решение провести аварийно-спасательные археологические исследования курганов 3 и 4, максимально пострадавших от антропогенного воздействия.

Курганы 3 и 4 располагались в центральной части могильника. При исследовании их насыпей первоначально закладывались радиальные шурфы — для обнаружения краев подкурганных конструкций.

Курган 3 имел округлую насыпь диаметром 22 м и высотой 0,92 м. Под нею выявлено и исследовано два погребения. Для фиксации стратиграфии оставлены две параллельные бровки, идущие по направлению С—Ю. Семь шурфов, охвативших весь периметр кургана, выявили один из главных элементов конструкции — глиняный вал (рис. 2, 1).

В процессе раскопок сделана попытка применения специализированных программ, используемых в фотограмметрии, для обработки фотоснимков и получения цифровой модели кургана 3 с целью создания его трехмерной модели. Для этого производились постоянная подробная фотофиксация по кругу и снятие меток лазерным теодолитом. Насыпь кургана в конечном итоге была снята полностью (включая грунт бровок), грунт из погребений вынесен в сторону. Оставлен земляной вал овальной формы диаметром 14,5 м. Максимальная ширина вала зафиксирована в северо-западной части — 2,3 м. Наиболее узким вал был в южной части — 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка.

Погребение № 1 было врезано в основное погребение (№ 2), находящееся в центральной части кургана (в 50 см к западу от условного центра). На поверхности прослеживалось сложенное из камня надмогильное сооружение прямоугольной формы со скругленными углами. На дне могильной ямы погребения № 1 был расчищен скелет взрослого человека. Погребенный был уложен на спину с вытянутыми вдоль тела руками, головой на юг-юго-запад. Сопроводительный инвентарь весьма скуден и представлен фрагментом железного изделия, разрушенным сосудом, фрагментом железного изделия и акинаком.

Погребение № 2 находилось в центральной части кургана и являлось основным. Общие размеры могильной ямы 3,8×3,1 м, глубина 1,5 м. Над ней зафиксированы остатки деревянного перекрытия. На дне ямы зачищены хорошо сохранившиеся скелеты двух мужчин, ориентированных головой на восток (рис. 2, 2).

В северной части могильной ямы у стенки обнаружено большое количество костей мелкого рогатого скота и лошади. После тщательного исследования дна ямы под костями найден фрагмент железного предмета плохой сохранности. На дне ямы, вдоль ее восточной стенки, расчищены кости лошади, между которыми находились два керамических лепных сосуда. Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Высота его 10,7 см, диаметр венчика 8 см, донца — 7,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) — 11,2 см. Второй сосуд был разрушен при завале могильной ямы.

Очень близкие по форме и размерам сосуды находились между вторым скелетом человека и костями мелкого рогатого скота, лежащими вдоль подножия юго-восточной стенки могильной ямы.

Из погребения № 2 происходят костяная игла, железный нож, железная ворворка, колчаные наборы из наконечников стрел (26 и 40 штук), массивный железный колчанный крюк. Наборы наконечников представляют собой совокупность различных их видов: трехлопастные с выступающей втулкой, трехлопастные с внутренней втулкой, с выступающими шипами, трех- и четырехгранные втульчатые.

На тазовых костях второго скелета находился амулет из кабаньего клыка со следами полировки. У кисти руки найден костяной предмет, выполненный в зооморфном стиле, длиной 29,5 см, диаметром в сечении 1,8 см. На его концах прослеживаются скульптурные изображения морды волка с оскаленной пастью. На одном из концов видны следы сильной потери (рис. 3, 1).

На тазовых костях обоих костяков лежали короткие акинаки хорошей сохранности с бабочковидными перекрестиями и брусковидными навершиями, имитирующие стандартное расположение в ножнах. Длина их чуть меньше 30 см. Акинаки имеют небольшое различие в размерах, но в остальном весьма близки.

Курган 4 находился в 60 м к востоку от кургана 3. Его диаметр 28 м, высота 0,73 м. В центральной траншее обнаружены фрагменты лепных сосудов, керамическое пряслице, кости мелкого рогатого скота. Помимо костей животных в насыпи фиксировались и кости человека. Исследовано три погребения различной степени сохранности. Центральное погребение

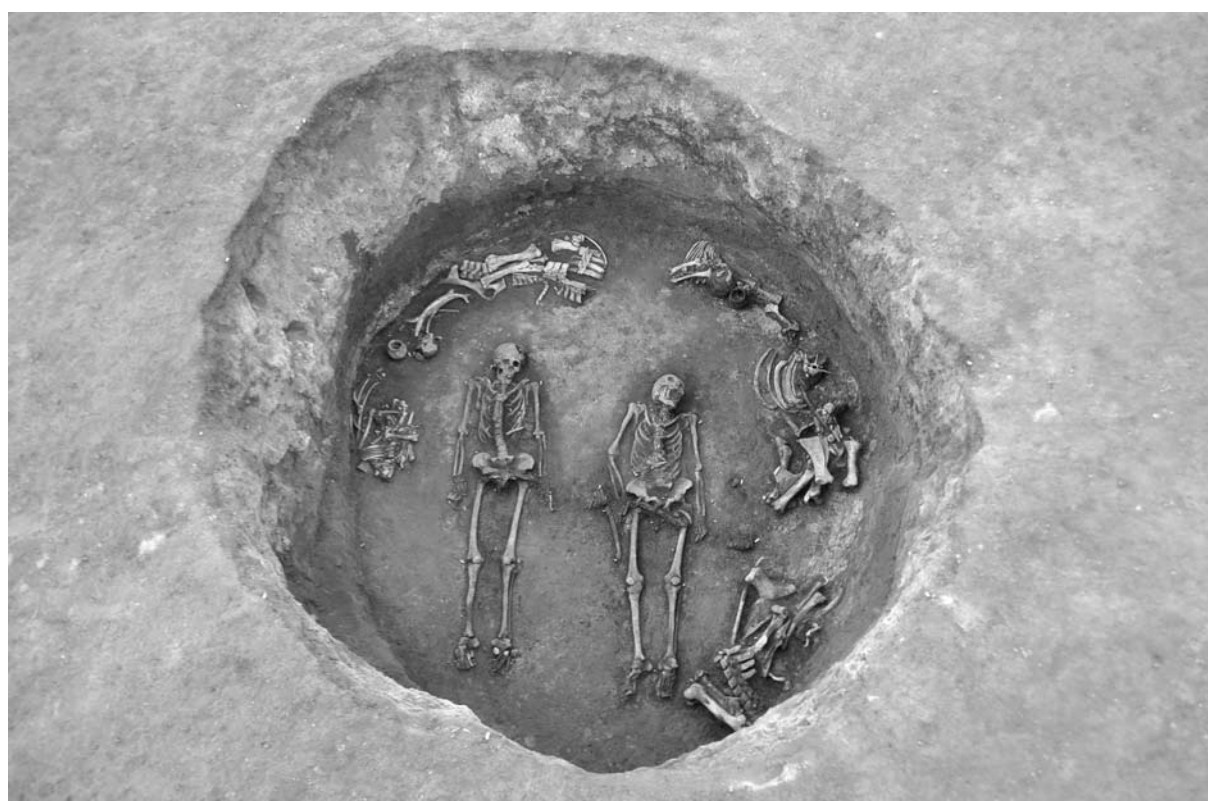

Рис. 2. Могильник Шпаки II, курган 3: 1 — общий вид кургана после выноса грунта с оставшимся валом; 2 — общий вид погребения, подготовленного под фотограмметрическую съемку

бение в могильной яме с дромосом (№ 3) было ограблено. По форме яма была четырехугольной, со скругленными углами, размером 4,6×2,96 м. Глубина 1,99 м. От южной стенки ямы отходил дромос длиной 1,8 м, шириной 0,82 м и максимальной глубиной 0,5 м. У входа в яму, в северо-восточной части дромоса, на глубине 0,5 м от уровня материка был обнаружен

керамический сосуд с яйцевидным туловом и округлым дном, слегка уплощенным по центру.

Погребение № 1 находилось в 3 м к северу от погребения № 3. Оно было совершено в прямоугольной яме размерами 2,3×1,72 м и глубиной 0,83 м, длинной осью ориентированной по линии З–В. При вскрытии могильной ямы на глубине 83 см от уровня поверхности материка под остатками деревянного перекрытия расчищен скелет женщины, лежащий головой на запад. Левая рука погребенной была вытянута, а правая, согнутая в локте, огибала каменный жертвенник, находившийся между рукой и телом усопшей. Алтарь, выполненный из камня серого оттенка, имеет подпрямоугольную форму и две цилиндрические ножки, его длин 18 см, ширина 10 см (рис. 3, 2). Из этого погребения также происходят небольшое бронзовое зеркало, раковина *Grifea*, гадальные камни, выложенные в пирамидку. В районе шеи усопшей обнаружены бусины. Слева от скелета находились кости мелкого рогатого скота.

Погребение № 2 находилось в 4 м к югу от условного центра кургана. В плане могила имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длина ее 3,7 м, ширина 3,0 м, глубина 1,95 м. При вскрытии могильной ямы обнаружена обожженная деревянная конструкция длиной 5,2 м и шириной 3,2 м. На юго-западном краю конструкции на уровне материка найден фрагмент каменного жертвенника. Сохранившаяся длина его чаши — 11 см, ширина — 13 см. Ножки цилиндрической формы длиной 3,0–3,9 см, диаметром 5,0 см (рис. 3, 3). На глубине 1,9 м находился хорошо сохранившийся скелет мужчины, лежавший вытянуто на спине, головой на запад, с левой ногой, согнута в колене.

Схожие со шпаковскими дромосные погребения на Южном Урале распространяются с конца VI — V в. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 144–145). Л. Т. Яблонский связывает их появление с приходом элитарных групп кочевых объединений с территорий лесостепного и степного Зауралья и Средней Азии (Яблонский, 2011. С. 238). Следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений датируется в пределах конца V — IV в. до н. э.

Расположение данного археологического объекта — могильника, приуроченного к бассейну среднего течения Илека, магистрального притока р. Урал — отражается на культурно-хронологической позиции исследованных курганов. Илекский локальный микрорайон на сегодняшний день имеет наибольшее число изученных археологических памятников середины I тысячелетия до н. э. (Ахатов, Бисембаев, 2015. С. 503–513).

Время функционирования могильников Кураша I и Шпаки II может быть определено в пределах конца VI — V в. до н. э. Об этом свидетельствует сопутствующий инвентарный комплекс, в частности, мечи «савроматского» типа. Их бабочковидное перекрестие и брусковидное навершие находят аналогии в материалах курганов Акжарского и Ново-Кумакского могильников, расположенных под Актобе и Орском. Автор исследований относит эти комплексы к VI–V вв. до н. э. Акжарские и новокумакские лучники часто использовали наконечники стрел, аналогичные шпаковским, в VI–IV вв. до н. э. Причем в их колчанах преобладали стрелы, у которых лопасти четко отделялись от втулки, возвышаясь над ней, а края лопастей заострялись в шипы (Смирнов, 1961. С. 15, 46–47).

Другим предметом, свидетельствующим о времени функционирования могильника Шпаки 2, является костяное изделие с нарезкой в зооморфном стиле. Иконография предмета имеет аналогии с рукоятью нагайки, происходящей из кургана Черная Гора у с. Абрамовка

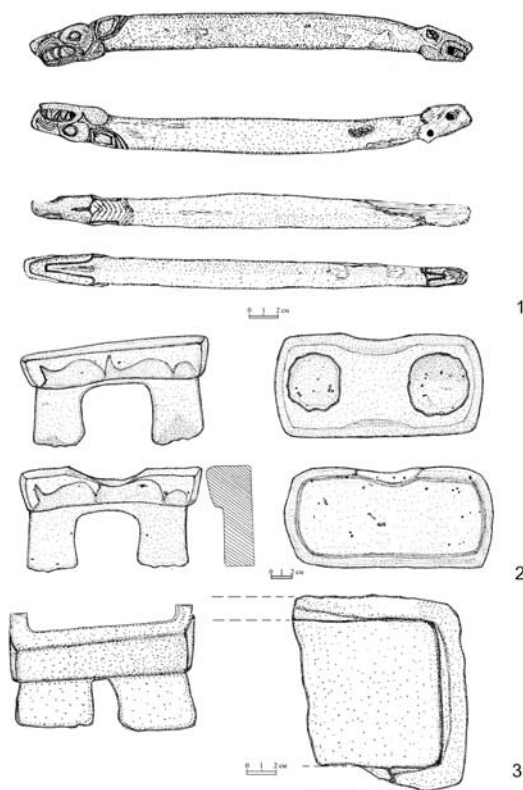

Рис. 3. Могильник Шпаки II. Инвентарь:
1 — костяной предмет (рукоять нагайки)
из погребения № 2 кургана 3; 2 — каменный
жертвенник из погребения № 1 кургана 4;
3 — обломок каменного жертвенника
из погребения № 2 кургана 4

(Оренбургская область), который К. Ф. Смирнов датирует VI в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 97).

Публикуемые материалы подтверждают вывод о том, что территория Илекского локального микрорайона (в пределах Актюбинской области) насыщена памятниками ранних кочевников широкого хронологического диапазона, особенно VI–IV вв. до н. э., когда сооружались крупные могильники по обоим берегам в среднем течении Илека.

Список литературы

Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1972. С. 31–46.

Ахатов Г. А., Бисембаев А. А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории : сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казах. ханства. Алматы, 2015. С. 503–513.

Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфим. археолог. вестн. Вып. 1. Уфа : НМ РБ, 1998. С. 25–43.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербург. востоковедение, 2006. 272 с.

Краева Л. А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Кадырбаевские чтения — 2016 : материалы V Междунар. науч. конф., г. Актобе, 6–7 окт. 2016 г. Актобе, 2016. С. 176–179.

Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале : препр. докл. Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1989. 32 с.

Серик Г. С., Амелин В. А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // VIII Оразбаевские чтения : материалы Междунар. науч.-метод. конф. Алматы : Казах университеті, 2016. С. 182–184.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 170 с.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Изд-во Башк. ун-та, 1988. С. 141–159.

Чибилев А. А. Река Урал. Л., 1987. 168 с.

Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы и исследования по археологии юга России. Вып. 3. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 235–240.

THE NEW MONUMENTS OF EARLY NOMADS OF ILEKSKY DISTRICT (PRELIMINARY REPORT)

M.N. Duysengali, A.A. Bisembaev, A.M. Mamedov

The article is dedicated to the latest research of early nomad mounds in Ileksky district of the Aral-Mugalzhar region, threatened with demolition. These artefacts were studied with a new technique of material preservation. Comparative analysis of regions' mounds gives significant importance to the information received from the studies.

Keywords: *Aral-Mugalzhar region, Ileksky district, Shpaki, Kurasha, the Sarmatians.*

СОСТАВ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I (ЮЖНЫЙ УРАЛ)¹

В. В. Зайков, А. Д. Таиров, Е. В. Зайкова

Рассмотрены результаты исследования состава золотых изделий из могильника Кичигино, расположенного близ Южноуральска. В кургане 3 (первая половина IV в. до н. э.) большинство предметов изготовлены из золота следующего состава (мас. %): Au 77–85, Ag 11–22, Cu 3–4. В браслете выявлено микровключение осмия иридиево-рутениевого. Изделия из кургана 5 (вторая половина VII в. до н. э.) выполнены из высокопробного золота и содержат микровключения рутения осмиевого. Сделан вывод, что на протяжении двух веков золото поступало из россыпей.

Ключевые слова: курганы, золотые изделия, древность, могильник Кичигино, состав, пробность, осмий, рутений, гривна, браслет, кольцо, височная подвеска, фольга, россыпи.

Могильник Кичигино I находится на северном берегу Южноуральского водохранилища на реке Увельке, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области. Состоит из 10 курганов, вытянутых вдоль общей направленности склона возвышенности (ЗСЗ–ВЮВ). Диаметр грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при высоте 0,1–1,5 м.

Угроза полного исчезновения курганов вследствие распахивки заставила начать в 2006 г. планомерное исследование могильника, в котором приняли участие Южно-Уральский государственный университет, Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинский научный центр УрО РАН и Челябинский областной краеведческий музей.

В 2007 г. исследован курган 3, датированный концом V — серединой IV вв. до н. э. Диаметр его земляной насыпи составлял 30 м, высота насыпи над современной поверхностью не превышала 0,5 м. На распаханной вершине насыпи отмечались пятна прокала интенсивно красного цвета. В результате исследований получен уникальный для Южного Зауралья материал в виде золотых изделий. Исследования были продолжены в 2008 г. на кургане 5, отнесенном к VII в. до н. э. Краткая характеристика золотых изделий дана в работах (Таиров и др., 2008; Зайков и др., 2009).

Исследование состава предметов проведено в Институте минералогии УрО РАН на электронном микроскопе РЭММА-202М (аналитик В. А. Котляров) и рентгенофлуоресцентным методом на приборе INNOV-X α -4000 (аналитик П. В. Хворов). Характеристика состава изделий дается на основе пробности — отношения содержаний золота к сумме всех металлов (Au, Ag, Cu), и измеряется в промилле — ‰ (Петровская, 1973). С некоторыми коррективами приняты следующие границы для групп составов (‰): 1000–970 — весьма высокопробное (I группа); 969–900 — высокопробное (II группа); 899–800 — среднепробное (III группа); 799–650 — низкопробное (IV группа); 649–400 — пробности электрума (V группа). Это примерно соответствует границам содержаний золота (‰): 100–90, 89–80, 79–65, 64–50.

Курган 3. В западном, южном и восточном секторах подкурганной площадки выявлено пять могильных ям, впущенных в уже существующую насыпь. Располагались они полукольцом вокруг центрального погребального сооружения.

Особенно интересным оказалось захоронение женщины в могильной яме 5. Рукава и верх ее платья были расшиты мелким бисером, а обшлаг правого рукава — еще и листочками тонкой золотой фольги. Запястья обеих рук украшали браслеты в 1,5 оборота, бронзовая основа которых обложена золотым листом, и низки бус. На безымянный палец правой руки было надето спиральное многовитковое кольцо из золотой круглой в сечении проволоки. На месте левой кисти находился, вероятно, протез из органического материала, на палец которого тоже было надето аналогичное кольцо. На шее женщины находилась гривна с зооморфными окончаниями. Основу ее составляет гладкое полукольцо, изготовленное путем обкладки золотым листом бронзовой круглой в сечении проволоки. На концы полукольца надеты спаянные из двух половин окончания с бронзовой основой между ними.

Все вводные погребения в кургане 3 совершены в течение первой половины IV в. до н. э.

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке Правительства РФ (Постановление от 16.03.2013 г. № 211, соглашение № 02.А03.21.0011), Министерства образования и науки РФ (государственное задание 33.5494.2017/Б) и в рамках гранта РФФИ № 15-05-0031.

Курган 5 является самым крупным в западной группе. Диаметр его насыпи 35 м, высота 1,5 м. Раскопки показали, что первоначально земляная конструкция кургана была покрыта «панцирем» из 1–3 слоев камня средних и крупных размеров. В центре подкурганной площадки находилась погребальная камера с захоронением мужчины. Слева от него был расположен горит, украшенный по краю пятью рельефными золотыми бляшками в виде лежащего хищника из породы кошачьих. На груди погребенного найдена рельефная золотая бляшка, аналогичная бляшкам горита, но чуть более крупная. Головной убор мужчины был украшен двумя золотыми ажурными пластинами со сложным орнаментом. В северо-восточном углу погребальной камеры находились остатки деревянного сосуда, украшенного тремя золотыми овальными обкладками, крепившимися к нему с помощью золотых гвоздиков.

По конструкции погребения и характеру инвентаря курган 5 относится к сакскому времени и датируется второй половиной VII в. до н. э. (Таиров, Боталов, 2010; Таиров, 2015).

Состав изделий из курганов 3 и 5 показан в таблице. Из могильной ямы 5 кургана 3 микрозондовым анализом исследован состав девяти предметов, в числе которых гривна, браслет, кольцо, височная подвеска, фольга. Выделяются три группы анализов золота. Четыре предмета из золота средней пробности (пробы имеют одинаковый состав (мас. %): Au 82–84, Ag 12–14, Cu 3,4–4,4. Покрытие браслета изготовлено из низкопробного золота следующего состава (мас. %): Au 72–73, Ag 23–24, Cu 3–4. Сложный состав имеет фольга (пробы К-1-7, К-2-7). При микрогеохимическом картировании установлено, что в краевой части фольги повышается содержание золота (с 65 до 77 %) и, соответственно, уменьшается содержание серебра (с 32 до 21 %) и меди (с 3,0 до 0,4 %). Фольга пробы К-3-7 из этой же могильной ямы вообще изготовлена из золота состава кюстелита (мас. %): Au 34,84, Ag 59,98, Cu 3,08. Практически все изделия сделаны из легированного медью металла (содержания Cu 2–4 %).

Большинство из 29 предметов кургана 5, изученных микрозондовым и рентгенофлуоресцентными методами, изготовлены из весьма высокопробного и высокопробного золота состава (мас. %): Au 91–96, Ag 4–6 (таблица). Обкладка деревянного предмета, оковка деревянного сосуда, накладки на такой же сосуд (пробы 5-К, 8-К, 9-К, 11-К) выполнены из золота средней пробности и имеют содержание (мас. %): Au 81–86; Ag 10–14; Cu 3–6. Единственным предметом, изготовленным из низкопробного золота, в этом комплексе является оковка деревянного сосуда в виде стилизованной головы хищной птицы (проба 7-К), состав которой (мас. %): Au 71, Ag 24, Cu 4. Вторая, большая по размеру оковка этого сосуда, также выполненная в виде стилизованной головы хищной птицы (проба 8-К), изготовлена из золота средней пробности состава (мас. %): Au 81,84; Ag 14,29; Cu 3,68. Содержания Cu — преимущественно десятые доли процента.

Состав золотых изделий из курганов 3 и 5 иллюстрируется рис. 1, на котором четко видны их различия. Для кургана 3 модалное значение пробности 800–860 ‰, для кургана 5 — 940–980 ‰.

Включения осмия выявлены в золотом браслете (курган 3) и золотой фольге обкладки деревянного сосуда (курган 5). Состав золота обоих предметов близок (мас. %): Au 71,20–73,76; Ag 21,96–24,83; Cu 3,15–4,84.

В фольге, покрывающей браслет, установлено три включения минералов группы осмия. Первое размером 45×20 мкм имеет состав (мас. %): Os 48,14–51,51; Ir 34,89–37,63; Ru 13,07–14,42. Два примыкающих зерна очень малы (3–5 мкм) и содержат больше иридия и рутения, чем осмия. Четвертое зерно выявлено в фольге обкладки деревянного сосуда. Размеры его 54×20 мкм, состав (мас. %): Os 43,30–50,58; Ir 11,19–12,37; Ru 36,64–44,98.

Сравнение состава включений показывает, что они очень разнородны. В зерне № 1 преобладает осмий иридиевый. Зерно № 2 характеризуется резким преобладанием иридия и минимальным содержанием осмия, оно относится к иридию рутениевому. В зернах № 3 и 4 преобладает рутений, в первом случае это рутений иридиевый, во втором — рутений осмиевый. Такая разнородность типична для платиноидов из россыпей, в которые поступали разнородные минералы платиновой группы.

Источники металла. Оценим вероятные источники золота, из которых были выполнены изделия могильника Кичигино I, исходя из гистограмм (рис. 1). В кургане 3 платиноиды содержатся в золоте состава 72 ‰ (рис. 1, А). Для золота кургана 5 характерен металл двух составов: меньшая часть имеет состав 72–90 ‰ и также содержит включения платиноидов в золоте состава 72 ‰ (рис. 1, Б). Включения платиноидов относятся к системе Os–Ru–Ir. Аналогичные минералы в большом количестве содержатся в золоте средней пробности из россыпей зоны Главного Уральского разлома (рис. 1, В), расположенных в 70–100 км к востоку и северо-востоку от Кичигино. Можно полагать, что и в VII в. до н. э., и в IV в. до н. э. такой металл добывался на этой территории. Большая часть золота из кургана 5 имеет преобладающий состав 90–99 ‰, соответствующий россыпям в зоне Восточно-Уральского разлома непосредственно в районе археологического памятника Кичигино I (рис. 1, Г). В этих

Результаты рентгеноспектрального анализа артефактов из могильника Кичигино I

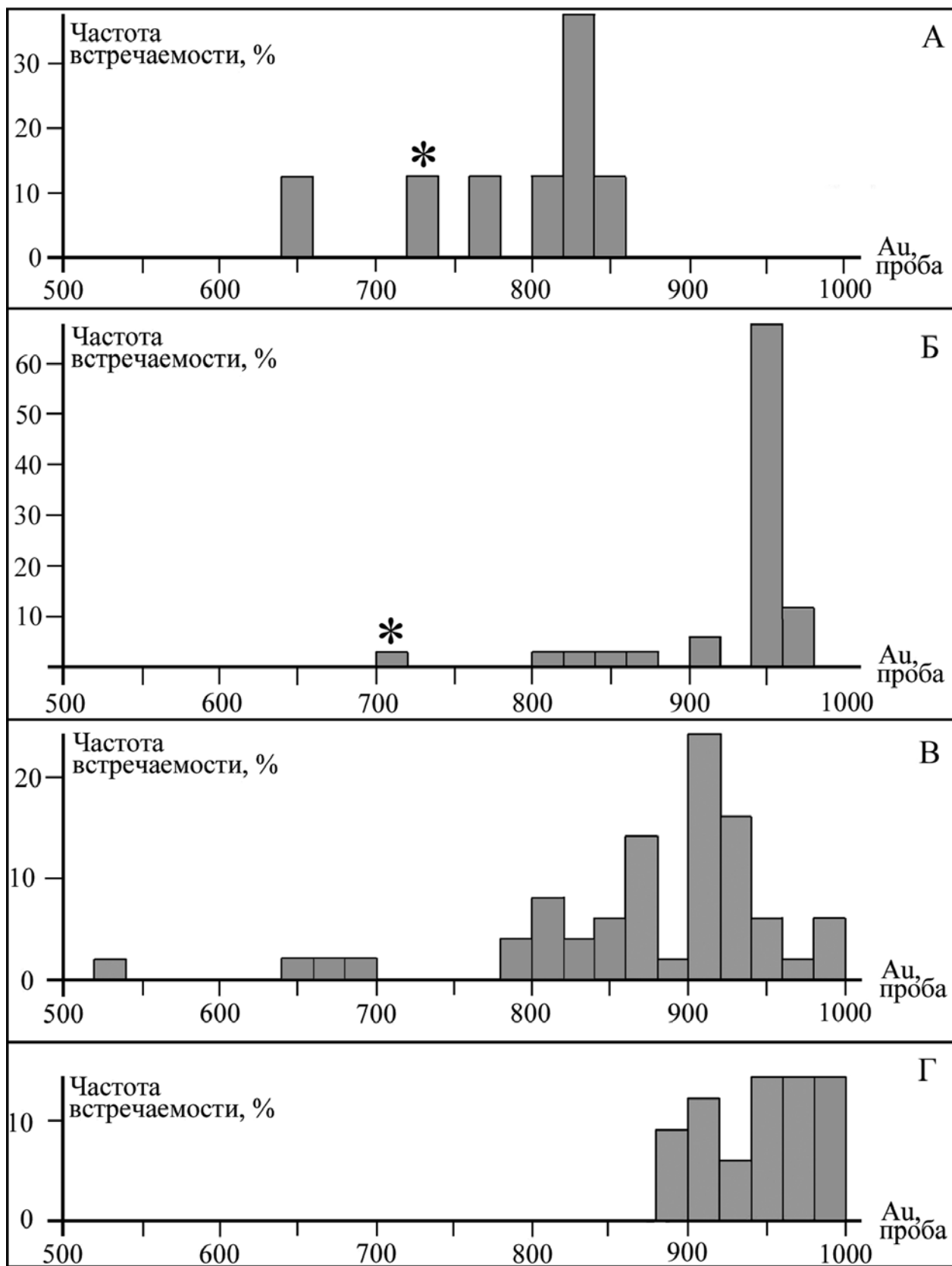
№ п/п	Изделие	Могильная яма	Номер пробы	Кол-во анализов	Au	Ag	Cu	Сумма	Проба	Группа, тип Au
<i>Курган 3</i>										
1	Подвеска височная	3	К-9	7	82,03	13,99	3,45	99,47	825	III — Л
2	Подвеска височная, основная часть	4	К-2	4	15,16	84,01	2,46	101,62	Ag _{0,87} Au _{0,09} Cu _{0,04}	
3	Подвеска височная, подвесная спираль		К-3	6	—	97,88	1,82	99,71	Ag _{0,97} Cu _{0,03}	
4	Гривна серебряная		К-12	7	—	96,88	2,92	99,80	Ag _{0,95} Cu _{0,05}	
5	Гривна серебряная		18-1	2	8,66	80,58	5,62	99,47	Ag _{0,85} Cu _{0,10} Au _{0,05}	
6	Она же с хлоридами Ag (Cl 13 %, Br 2-4 %)	3	18-2	4	7,76	73,61	1,60	99,98	Ag _{0,91} Au _{0,05} Cu _{0,04}	
7	Гривна золотая	5	К-4а, б	10	84,95	11,18	3,56	99,70	852	III — Л
8	Фрагмент изделия		К-1	4	82,80	13,22	4,33	100,35	825	III — Л
9	Браслет		К3-К5-1	10	72,01	24,34	3,28	99,62	723	IV — Л
10	Фольга-1		К-1-7	9	64,63	32,43	3,02	100,08	646	V — Л
11	Фольга-2	6	К-2-7	3	77,46	21,79	0,43	99,68	777	IV — С
12	Фольга-3		К-3-7	6	34,84	59,98	3,08	97,90	Ag _{0,71} Au _{0,23} Cu _{0,06}	
13	Кольцо спиральное		К-8	6	81,84	14,30	3,77	99,93	819	III — Л
14	Бляшка, фрагмент		К-11	10	83,39	11,85	4,47	99,74	836	III — Л
15	Ворворка	6	ОФ-6623 67	2	—	98,61	1,17	99,78	Ag _{0,98} Cu _{0,02}	
<i>Курган 5</i>										
16	Ворворка малая № 3	1	1-К	6	94,07	4,84	0	98,91	951	II — С
17	Ворворка малая № 1		2-К	6	91,92	4,30	3,84	100,06	919	II — Л
18	Ворворка большая		3-К	6	94,56	4,51	0	99,07	954	II — С
19	Фрагмент пластины		6	4	93,86	4,72	0	98,58	952	II — С
20	Пластина ажурная большая		6-1-К	12	94,89	4,70	0,24	99,83	951	II — С
21	Пластина ажурная малая		4	6	94,34	5,41	—	99,75	946	II — С
22	Оковка сосуда малая в виде стилизованной головы птицы		К5-7-К	4	71,52	24,37	3,79	99,68	717	IV — Л
23			7-К-1	5	97,28	2,38	0,13	99,79	975	I — С
24			7-К-2	8	93,99	4,78	0,74	99,51	945	II — С
25	Оковка сосуда большая в виде стилизованной головы птицы		8-К	6	81,84	14,29	3,68	99,81	820	III — Л
26	Обкладка малая № 1		5-К	24	81,38	13,27	5,22	99,88	815	III — Л
27			5-4-К	4	92,03	4,43	—	96,46	954	II — С

Окончание табл.

№ п/п	Изделие	Могильная яма	Номер пробы	Кол-во анализов	Au	Ag	Cu	Сумма	Проба	Группа, тип Au
28	Обкладка большая	1	13-К	5	96,51	2,77	0,41	99,69	968	II — С
29	Обкладка крюка		12-К	15	94,95	4,81	0,04	99,80	951	II — С
30	Обкладка древка стрелы		19-К	6	91,97	4,65	3,56	100,18	918	II — Л
31	Обкладка древка стрелы		20-К-1	5	95,06	5,35	—	100,42	947	II — С
32	Обкладка древка стрелы № 1		20-К-2	2	94,7	5,02	—	99,72	950	II — С
33	Обкладка древка стрелы № 2		20-К-3	2	95,59	4,41	—	100,00	956	II — С
34	Обкладка древка стрелы № 3		20-К-4	2	89,46	4,8	—	94,26	949	II — С
35	Обкладка древка стрелы № 4		20-К-5	2	95,00	5,00	—	100,00	950	II — С
36	Обкладка древка стрелы № 5	1	20-К-6	2	94,70	5,04	—	99,74	949	II — С
37	Обкладка древка стрелы № 6		20-К-7	2	94,78	5,01	—	99,79	950	II — С
38	Накладка на сосуд № 1		10-К	2	93,41	5,17	0	98,58	948	II — С
39	Накладка на сосуд № 2		11-К	5	85,28	10,17	4,41	99,86	854	III — Л
40			11-К	4	94,01	5,19	0	99,20	948	II — С
41	Накладка на сосуд № 3		9-К-1	3	86,58	9,88	3,36	99,82	867	III — Л
42			9-К-2	4	94,60	4,77	0	99,37	952	II — С
43	Серьга		18-2-К	7	94,72	4,98	0,08	99,78	949	II — С
44	Бляшка (№ 1) в виде лежащего льва с горита	I	22-2-К	8	95,92	3,02	0,62	99,56	963	II — С
45	Бляшка (№ 2) в виде лежащего льва с горита		20	10	94,71	4,68	0,44	99,83	949	II — С
46	Бляшка (№ 3) в виде лежащего льва с горита		21	10	94,52	4,79	0,49	99,80	947	II — С
47	Бляшка (№ 4) в виде лежащего льва с горита		22	10	94,39	4,93	0,48	99,80	946	II — С
48	Бляшка (№ 5) в виде лежащего льва с горита		14-16-К	18	95,68	2,96	0,99	99,62	960	II — С
49	Бляшка в виде лежащего льва с груди погребенного		17-К	6	94,29	5,25	—	99,54	947	II — С

Примечания:

1. Анализы 1–14 выполнены на приборах: JEOL JXA 733 (аналитик Е. И. Чурин), 15–49 — РЭММА 202М (аналитик В. А. Котляров).
2. Раскопки А. Д. Таирова.
3. Жирным курсивом выделены пробы, содержащие платиноиды.
4. Группы золота по пробности (‰): I — 1000–970, II — 969–900, III — 899–800, IV — 799–650, V — 649–400.
5. Типы золота: С — самородное, Л — легированное.

Гистограммы золота. А, Б — золотые изделия из могильника Кичигино I: А — из кургана 3 (8 значений), Б — из кургана 5 (34 значения); В, Г — по россыпям: В — зоны Главного Уральского разлома (50 значений), Г — зоны Восточно-Уральского разлома (33 значения).

Звездочками обозначена позиция микровключений платиноидов

россыпях установлены лишь единичные зерна платиноидов в Северо-Светлинской россыпи, перекрытой наносами мощностью до 30 м, недоступной в древности. Это позволяет считать, что высокопробное золото в IV в. до н. э. добывалось в россыпях восточных зон Урала.

Авторы благодарны за помощь и консультации А. М. Юминову, Е. И. Чуринову, Г. Г. Михайлову, О. В. Самойловой, Н. П. Сафиной.

Список литературы

Зайков В. В., Таиров А. Д., Котляров В. А., Зайкова Е. В. Включения осмия в золотых изделиях из Кичигинских курганов (Южный Урал) // Минералы и минералообразование в природных и техногенных процессах. Уфа : ИГ УНЦ РАН, 2009. С. 33–37.

Королькова Е. Ф. О возможности атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1995. Вып. 32. С. 77–89.

Петровская Н. В. Самородное золото. М. : Наука, 1973. 345 с.

Пшеничнюк А. Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2003. С. 9–12.

Таиров А. Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2015. С. 300–319.

Таиров А. Д., Боталов С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС, 2010. С. 339–354.

Таиров А. Д., Боталов С. Г., Плешанов М. Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139–145.

COMPOSITION OF THE EARLY IRON AGE GOLD PRODUCTS FROM THE KICHIGINO I BURIAL GROUND (SOUTH URALS)

V.V. Zaykov, A.D. Tairov, E.V. Zaykova

Results of a research of gold products composition from Kichigino I burial mound, located near Southern Uralsk town are considered. In tumulus No. 3 (the first half of the 4th century BC) most of the objects are made of gold composition (mas. %): Au 77–85, Ag 11–22, Cu 3–4. In the bracelet, iridium-ruthenium osmium microinclusion has been revealed. Products from tumulus No. 5 (second half of the 7th century BC) are made of high-grade gold and contain micro-inclusions of ruthenium osmic. It was concluded that throughout two centuries gold arrived from gold placers.

Keywords: *burial mounds, gold products, antiquity, Kichigino burial mound, composition, fineness, osmium, ruthenium, torque, bracelet, ring, temporal pendant, foil, placers.*

АРХЕОЛОГИЯ САРМАТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРУ ЛЕСНЫХ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО УРАЛА: ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

В. А. Иванов

Рассматривается проблема контактов населения лесостепи Южного Урала с ранними кочевниками региона в том ее виде, как она решается современными археологами. Сопоставляя выводы коллег с имеющимися археологическими источниками, автор приходит к выводу, что роль ранних кочевников (савроматов, сарматов) в этно- и культурогенезе лесостепного населения предшественниками была явно преувеличена. Археологические источники указывают на то, что в этих процессах решающую роль играли угорские племена Зауралья и Западной Сибири.

Ключевые слова: *ананьинская культура, кара-абызская культура, пьяноборская культура, сарматы, гафурийский тип, убаларский тип, симбиоз, ксения.*

Автором этой статьи ровно 37 лет назад была опубликована статья, посвященная культурным связям оседлых племен Приуралья раннего железного века с кочевниками степной Евразии, с подзаголовком «к постановке проблемы» (Иванов, 1980). В той статье по результатам статистических показателей распространения в материальной культуре ананьинских, пьяноборских и кара-абызских племен вещей — предметов вооружения и конской сбруи, некоторых типов украшений и деталей убранства костюма — был сделан вывод «о наличии устойчивых культурно-торговых связей между финно-угорскими племенами лесного Приуралья и кочевниками степей юга Восточной Европы. Причем связи эти, вероятно, регулировались колебаниями политической ситуации в регионе, что археологически может документироваться зависимостью между территориальной близостью кочевников и лесных оседлых племен и удельным весом импортных изделий и типов в вещевом комплексе последних. Исходя из этих показателей, можно сказать, что в Приуралье наиболее интенсивные связи лесных племен с югом наблюдаются именно для тех периодов, когда между ними и кочевниками не фиксируется территориальная близость (ранние ананьинцы и скифо-сарматский мир, пьяноборцы, кара-абызцы и сарматы-сусловцы). Усиление связей с востоком (Западная и Южная Сибирь) наблюдается только однажды и то в период заметного западно-сибирского этнического импульса в лице носителей керамики “гафурийского типа”...» (Иванов, 1980. С. 82).

За прошедшие без малого сорок лет в подходах и понимании проблемы взаимодействия оседлых племен Приуралья с кочевниками многое изменилось. Заметно расширилась источниковая база: открыты, исследованы и введены в научный оборот новые памятники, как кочевнические, так и ананьинские (Оханский, Першинский, Залазинский могильники, исследованные С. Н. Коренюком в 1990-е гг.) и пьяноборские (пьяноборская часть Тарасовского могильника, открытая и исследованная Р. Д. Голдиной и ее коллегами в 1990-е гг.), полностью опубликованы материалы Уфимского и новые материалы раскопок 1978–1994 гг. Шиповского могильников кара-абызской культуры (Овсянников, Яминов, 2003. С. 16–57; Овсянников и др., 2007), открыт и исследуется курганно-грунтовый могильник пьяноборского времени Кипчаковский I (Зубов, 2007) и др.

Расширение источниковой базы по археологии раннего железного века Южного Урала и Приуралья подвигло исследователей вновь обратиться к проблеме культурного взаимодействия кочевого и оседлого населения региона а ргіоі уже на качественно новом уровне.

В конце первого — начале второго десятилетия текущего века выходит серия статей, авторы которых так или иначе рассматривают проблему взаимодействия кочевого и оседлого населения Прикамья и Приуралья, используя для этого различные методические приемы. Так, В. В. Овсянников, фактически используя те же методы источниковедческого анализа, что и автор этих строк в свое время, в истории контактов оседлых племен региона с ранними кочевниками выделяет пять хронологических этапов их развития и два района, где они происходили — ареалы пьяноборской и кара-абызской культур. Механизм этих контактов в раннем железном веке (VI–V вв. до н. э.— IV–V вв. н. э.) исследователь трактует как последовательную трансформацию возникающих в регионе симбиозов в ксении: прохоровско-кара-абызский →

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века», проект № 16-31-00010.

гафурийско-кара-абызская ксения (IV–III вв. до н. э.); позднепрохоровско-зауральско-кара-абызский → пьяноборская ксения (III–II вв. до н. э.); кара-абызско-гафурийско-убаларский → кара-абызско-убаларская ксения (II в. до н. э. – I в. н. э.) (Овсянников, 2009. С. 145–146).

В названии своей статьи В. В. Овсянников не «ангажирует» савромато-сарматские приоритеты в рассматриваемых процессах¹. В контексте же данной статьи использование этнокультурных определений необходимо. По моему мнению, использование биологических терминов типа «симбиоз» или «ксения» применительно к этно- и культурогенетическим процессам нуждается в более развернутой аргументации и пояснении. Следовательно, если биологический симбиоз — это «длительное тесное сожительство двух организмов разных видов, при котором они приносят друг другу взаимную пользу», а биологическая ксения — это «следствие влияния пыльцы высших цветковых растений на признаки эндосперма опыляемого растения (напр., наличие в одном початке кукурузы по-разному окрашенных зерен)» (Большой энциклопедический словарь...), то в нашем случае первое — это либо сосуществование на одной территории нескольких различающихся между собой археологических культур, либо наличие синкретичных археологических памятников. Для IV–III вв. до н. э. «прохоровско-кара-абызский симбиоз» представляется довольно относительным, поскольку между микрорайонами прохоровских курганов в верховьях Демы или Ашкадара и раннекара-абызскими городищами Гафурийского района просматривается «мертвая зона (более 100 км)» (Овсянников, 2009. С. 145, 149. Рис. 2).

Если перейти от дискурсной формы освещения проблемы к источниковедческой, то участие собственно сарматов-прохоровцев в культурогенезе раннего кара-абыза прослеживается по единичным находкам бронзовых наконечников стрел, подвески-колокольчика с прорезями, накладки в виде фигуры льва, подвески в виде лука, кольцевидной пряжки в Шиповских I курганах. Причем большинство из них происходит из кургана 5 (Пшеничнюк, 1976. С. 40–46; Овсянников, 2009. С. 151. Рис. 4). Поэтому «гафурийско-кара-абызская ксения», вероятнее всего, формировалась при самом минимальном участии сарматов. Скорее всего, они вообще в этом процессе не участвовали, подобно тому как в Зауральской лесостепи савроматы-сарматы, хотя и контактировали с носителями иткульской культуры, но на таком уровне, что их взаимоотношения «не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения» (Таиров, 2016. С. 448). К аналогичному выводу о слабом участии ранних кочевников в формировании кара-абызской культуры пришли и Н. С. Савельев и Л. Т. Яблонский (Савельев, Яблонский, 2014. С. 492).

О раннекара-абызском компоненте рассматриваемой «ксении» говорить пока сложно из-за отсутствия предмета как такового². Что касается «гафурийского» компонента, то его связь с саргатско-гороховским (угорским) миром лесостепного Зауралья современными исследователями не оспаривается (Пшеничнюк, 1988; Зубов, 2007. С. 87; Таиров, 2016. С. 459). Следовательно, «кара-абызско-гафурийская ксения» в этническом отношении, вероятнее всего, являлась продуктом смешения угорских и восточно-финских мигрантов в Предуралье.

Аналогичное явление представляет собой и «пьяноборская ксения» (III–II вв. до н. э.), наиболее ярко представленная материалами Кипчаковского курганно-грунтового могильника. По мнению С. Э. Зубова, погребальный обряд этого памятника обнаруживает выраженные параллели с обрядом саргатских, гороховских и «гафурийских» могильников. То есть «уводит нас на восток в Зауралье», в ту же этнокультурную среду зауральско-западносибирских угров (Зубов, 2007. С. 87). Исследователь предполагает, что «какая-то группа с зауральскими элементами (гороховские, гафурийские, убаларские?) продвинулась еще дальше на запад, в среду раннепьяноборского населения, где и оставила столь необычный для пьяноборья памятник (Кипчаковский могильник.— В. И.)» (Зубов, 2007. С. 87).

В ареале кара-абызской культуры, по мнению В. В. Овсянникова, в это время складывается «симбиоз» «кара-абызцев» и внедрившихся в их среду кочевников (Овсянников, 2009. С. 146). Кто были эти кочевники, автор не поясняет. Если исходить из приведенной им археологической карты, это могли быть сарматы-прохоровцы, чьи могильники —

¹ Он вообще обходит какие-либо этнические составляющие рассматриваемых им процессов.

² Три погребения ананьинского времени на Старшем Шиповском могильнике (Пшеничнюк, 1983), сколько-то погребений Ново-Уфимского могильника (полностью раскопано лишь одно (Ахмеров, 1959) и одно погребение V–IV вв. до н. э. на Охлебининском могильнике (Воробьева, 2015) позволяют говорить о кара-абызском компоненте «ксении» только гипотетически. Связывать их с какими-то мифическими «прикамскими ананьинцами», якобы проникшими в район устья реки Сим где-то в VI в. до н. э. (Овсянников и др., 2007. С. 80) — это явный анахронизм. Что же касается того раннего кара-абыза, который известен по материалам поселений, то современные исследователи так и не отвергли предложенную мною почти сорок лет назад трактовку раннекара-абызских памятников правобережья среднего течения реки Белой как результат продвижения на эту территорию средневожско-нижнекамских «ананьинцев» (носителей аказинской / ахмыловской и постмаклашеевской культур) (Иванов, 2010. С. 210–211).

Старо-Киишкинский, Бишунгаровский, Леканды — расположены через реку от кара-абызских городищ и могильников Средней Белой (Овсянников, 2009. С. 150. Рис. 3). Однако, исходя из реальных археологических источников, на роль такого кочевнического компонента в кара-абызско-кочевническом симбиозе III–II вв. до н. э. в ареале кара-абызской культуры может претендовать только население, оставившее Шиповские, Акбердинские и Нагаевские курганы. Но, сопоставив погребальный обряд ранних кара-абызских (Шиповские курганы) и раннесарматских (Бишунгаровские и Старокиишкинские курганы) могильников по трем категориям морфологических признаков — топографии могильников, структуре курганных насыпей и следам поминальных обрядов и тризн, — исследователь делает вывод, что и «кара-абызцы», и сарматы представляли собой две группы населения, состоявшие в дальнем родстве, а потому жившие мирно и контактировавшие на уровне брачных связей (Овсянников, 2014. С. 177). О степени этого «родства» можно только догадываться, но, судя по маршруту миграции от южной границы Месягутовской лесостепи до устья реки Сим, «курганные шиповцы» должны быть потомками тех «месягутовцев», которые, по мнению Н. С. Савельева, составляли часть единого зауральского лесостепного мира (Савельев, 2007. С. 156). По результатам сравнительно-статистического анализа погребального обряда могильников Месягутовской лесостепи с синхронными зауральскими могильниками исследователь делает вывод об их высоком типологическом сходстве на уровне принадлежности к одному народу (Савельев, 2007. С. 156, 166–173). В интерпретации А. Д. Таирова этим народом были носители гороховской культуры — угры, возможно (по Н. П. Матвеевой), составившие ядро образовавшейся на Южном Урале прамадьярской общности (Таиров, 2016. С. 460). То есть и в данном случае мы имеем дело с угорским этнокультурным «выплеском» в Предуралье.

Далее у В. В. Овсянникова следует тезис об образовании «кара-абызско-убаларской ксении» (Овсянников, 2009. С. 146). Если относительно кара-абызской составляющей этой «ксении» можно более-менее уверенно говорить, что она была восточнофинско-угорской¹, то происхождение ее убаларского компонента до конца не ясно (Овсянников, 2009. С. 146). В своем археологическом выражении «кара-абызско-убаларская ксения» представлена погребениями Охлебининского могильника, содержащими сосуды убаларского типа. По данным А. Х. Пшеничнюка, в погребениях Охлебининского могильника найдено в общей сложности 252 сосуда убаларского типа (сосуды III и IV хронологических групп). Судя по публикациям исследователя, они встречаются по всей площади могильника (в раскопах I–III 1965 г. и в более поздних раскопах (погр. 131, 133, 252, 267, 395 и др.), причем в погребениях всех возрастных групп — мужских, женских и детских (Пшеничнюк, 1968. С. 93–104; 2004. С. 190–191). То есть, исходя из имеющегося археологического материала, мы можем говорить о том, что «кара-абызско-убаларская ксения» — это убаларские сосуды в кара-абызских погребениях.

Но как и почему они там появились? В. В. Овсянников этот вопрос оставляет открытым, но допускает наличие между «кара-абызцами» и «убаларцами» семейно-брачных связей (Овсянников, 2009. С. 146). Следовательно, будет логичным считать, что последние — это уже сложившаяся этнокультурная группа.

Судя по реакции исследователя на высказывания предшественников по данному вопросу (отсутствие реакции), они его не убеждают. Хотя в свое время Г. И. Матвеева появление в регионе памятников «типа убалар» трактовала как результат «взаимодействия культуры кара-абызских и гафурийских племен в южной части кара-абызской территории» (Матвеева, 1973. С. 249). Близкой (по своей сути) точки зрения придерживался А. Х. Пшеничнюк. Отмечая полное преобладание в погребениях кара-абызской культуры керамики гафурийского и убаларского типов, исследователь полагал, что этот факт может быть объяснен тем, что «ведущую роль в сложении кара-абызской культуры, особенно на ее раннем этапе, сыграло не местное ананьинское население, а пришлые гафурийские племена» (Пшеничнюк, 2004. С. 191).

Но, в сущности, вопрос о появлении «убалара» действительно «висит в воздухе». Причина очевидна — никто всерьез сравнительно-типологическим анализом убаларского, гафурийского и кара-абызского керамических комплексов на предмет их генетической связи не занимался. Хотя источниковая база для подобной работы вполне репрезентативна. Сам эпонимный памятник — Убаларское селище — более не существует. Последний из уцелевших от распахки холмов у лесоучастка Убалар был исследован Г. И. Матвеевой в 1968 г. (Матвеева, 1969. С. 139). Однако, по данным того же исследователя, коллекция убаларской керамики насчитывает более 2000 фрагментов только с поселений. Более двух сотен происходят из погребений. Причем, как отмечал А. Х. Пшеничнюк, погребальная керамика убаларского типа по своим технологическим параметрам абсолютно не функциональна: готовить пищу в ней нельзя (Пшеничнюк, 2004. С. 191). То есть это сугубо сакральная, можно даже сказать, votивная посуда. Ну а как она типологически соотносится с обычной бытовой посудой? Вопрос остается пока без ответа.

¹ Кто там сыграл роль доминирующей «пыльцы», сейчас судить пока сложно.

С несколько иной методикой к рассмотрению проблемы взаимодействия носителей культур ананьинской культурно-исторической общности (АКИО) с ранними кочевниками подошли Н. С. Савельев и Л. Т. Яблонский. Этнокультурные процессы в Южном Приуралье в раннем железном веке авторы освещают в контексте культурно-исторической области (КИОБ) и культурно-хронологических горизонтов (КХГ) (Савельев, Яблонский, 2014. С. 478).

Ранний железный век в Южном Приуралье (вторая половина I тыс. до н. э.) авторы разделяют на четыре фазы (А–D), которые по своей абсолютной хронологии отличаются от этапов, выделенных В. В. Овсянниковым. Так, фазы А и В у Н. С. Савельева и Л. Т. Яблонского (вторая половина VI — середина V в. до н. э. и вторая половина V — середина IV в. до н. э. соответственно) — это «подготовительный этап» в развитии этнокультурных контактов оседлого населения региона с кочевниками по В. В. Овсянникову. Фаза С (середина IV — III в. до н. э.) соответствует первому этапу по В. В. Овсянникову. Фаза D (вторая половина III в. до н. э. — рубеж эр) совпадает со вторым и третьим этапами названного автора (ср.: Савельев, Яблонский, 2014. С. 478 и Овсянников, 2009. С. 144–147). Принципиальность этим, на первый взгляд, незначительным расхождениям в периодизации рассматриваемых процессов придает то обстоятельство, что названные исследователи каждый из этапов (фаз) наполняют своим этнокультурным содержанием. Если вторая половина VI — середина V в. до н. э., по мнению В. В. Овсянникова, характеризуется отсутствием каких-либо заметных контактов между кочевым и оседлым населением региона, то по мнению Н. С. Савельева и Л. Т. Яблонского, археологический материал из памятников Предуралья¹ свидетельствует не только о проникновении кочевников далеко на север в лесостепь, но и об их воздействии на духовную культуру лесостепного населения. Более того, в конце фазы В (вторая половина V — середина IV в. до н. э.) фиксируется оседание части кочевников на правобережье среднего течения реки Белой (городища Гафурийского района Башкирии) (Овсянников, 2009. С. 144; Савельев, Яблонский, 2014. С. 484).

Первый этап / «фаза С» (середина IV — III в. до н. э.) — время кара-абызско-прохоровского «симбиоза» (по В. В. Овсянникову), или время максимального проникновения кочевников в лесостепь и появления смешанных гафурийско-раннесарматских погребальных памятников (Шиповские курганы на правобережье среднего течения Белой) (Савельев, Яблонский, 2014. С. 499).

Фаза D (у В. В. Овсянникова — второй и третий этапы) (вторая половина III в. до н. э. — рубеж эр) в представлении Н. С. Савельева и Л. Т. Яблонского — время постепенно нарастающего разрыва прямых связей между оседлым кара-абызским населением и кочевниками (Савельев, Яблонский, 2014. С. 501). В представлении В. В. Овсянникова уровень контактов между оседлым и кочевым населением в начале этого периода резко возрастает, что автор связывает с вынужденным переселением какой-то части кочевников в Среднее Прибелье, а к концу I тыс. до н. э. резко же ослабевает (Овсянников, 2009. С. 146).

Слабость подобных контактов наглядно демонстрирует в одном из своих исследований С. Л. Воробьева, правда, сама того, по-видимому, не желая. Присутствие на кара-абызских могильниках 25 костюмных комплексов, в которых встречены вещи кочевнических типов², автор объясняет «установлением южными группами носителей ананьинской культуры прямых контактов с раннепрохоровским населением (выделено мной. — В. И.), осваивавшим в это время южную часть Приуральской лесостепи» (Воробьева, 2014. С. 63). Заданный объем статьи не позволяет дискутировать по поводу «южных групп носителей ананьинской культуры». Ограничусь повторением того, что это — анахронизм, причем, как мне кажется, культивируемый уже искусственно (Иванов, 2016).

Резюме. При всей красоте предлагаемых исследователями схем контактов между оседлым и кочевым населением Южного Приуралья в раннем железном веке у них есть один недостаток — отсутствие эмпирической статистики. В качестве иллюстраций подобных контактов приводятся «эксклюзивные» для памятников лесостепной полосы вещи, имеющие аналоги или прототипы в кочевнических древностях. Формально они могут указывать на наличие контактов, но ничего не говорят о характере и интенсивности последних. Исключение составляют поясные накладки S-видной формы — «этнографический маркер» кара-абызской культуры, — которые сейчас трактуются уже как накладки с изображением грифонов. Их появлению в Приуралье посвящены статьи С. Л. Воробьевой и В. Н. Васильева. Оба автора единодушны во мнении о том, что формирование материальной культуры «кара-абызцев» происходило под влиянием восточного (центральноазиатского) импульса, механизм которого (торговый обмен, миграции, «ксении») они не раскрывают (Воробьева, 2010. С. 62; Васильев, 2014. С. 46).

¹ Ножка савроматского каменного жертвенника со стоянки Кюнь II в низовьях реки Белой и Чуракраинский курган в среднем течении реки Демы.

² Что составляет 1,7 % от 1435 известных сейчас кара-абызских погребений.

Что касается участия сарматов в этнокультурных процессах населения приуральской лесостепи, то на археологическом материале оно не прослеживается. Недостаток эмпирических данных открывает простор для исследовательских фантазий, подчас самых буйных¹. Что же касается имеющихся археологических источников, то они пока указывают на решающую роль зауральско-западносибирских угров в этно- и культурогенезе населения региона в течение всего раннего железного века.

Список литературы

- Ахмеров Р. Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 гг.) // СА. 1959. № 1. С. 156–167.
- Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/bes/k/ksenii.html>
- Васильев В. Н. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // УАВ. Вып. 14. Уфа : Наследие, 2014. С. 40–47.
- Воробьева С. Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. Вып. 10. Уфа : Гилем, 2010. С. 56–63.
- Воробьева С. Л. Взаимоотношения населения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н. э. // УАВ. Вып. 14. Уфа : Наследие, 2014. С. 54–65.
- Воробьева С. Л. К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебининского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 208–221.
- Зубов С. Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа : Гилем, 2007. С. 72–88.
- Иванов В. А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюз. археолог. конф. Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 1980. С. 74–84.
- Иванов В. А. Этнокультурная специфика населения среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС, 2010. С. 207–217.
- Иванов В. А. Орнаментика керамики стоянки им. М. И. Касьянова (Касьяновской) как эталон для памятников типа курмантау на Южном Урале // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н. Г. Рутто. Уфа : Диалог, 2016. С. 107–116.
- Корепанов К. И., Обыденнов М. Ф. История культуры и искусства древних и средневековых народов Среднего Поволжья и Урала. Казань : Познание, 2014. 376 с.
- Матвеева Г. И. Исследования в центральной Башкирии // АО-1968. М. : Наука, 1969. С. 137–139.
- Матвеева Г. И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. 5. Уфа, 1973. С. 244–252.
- Овсянников В. В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую время // УАВ. Вып. 9. Уфа : Гилем, 2009. С. 144–156.
- Овсянников В. В. Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Приуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишшинских и Бишунгаровских курганов) // УАВ. Вып. 14. Уфа : Наследие, 2014. С. 168–177.
- Овсянников В. В. и др. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа : Гилем, 2007. 166 с.
- Овсянников В. В., Яминов А. Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 16–57.
- Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. 3. Уфа, 1968. С. 59–104.
- Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
- Пшеничнюк А. Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа : БФАН СССР, 1982. С. 94–105.
- Пшеничнюк А. Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 5–9.
- Пшеничнюк А. Х. Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 5. Уфа : Гилем, 2004. С. 189–191.
- Савельев Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа : Гилем, 2007. 200 с.
- Савельев Н. С., Яблонский Л. Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Урала // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Вып. 20. Казань : Отечество, 2014. С. 478–504.
- Таиров А. Д. Взаимодействия населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II веках до н. э. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей, 2016. С. 443–468.

¹ К. И. Корепанов и М. Ф. Обыденнов вообще выдвигают фантазмагорическую идею: «...в V–IV вв. до н. э. начинается воздействие ананьинского «звериного» стиля (которого не существовало, — В. И. (Ivanov, 2016)) на другие регионы евразийского «звериного» стиля. Наиболее отчетливо это влияние прослеживается в искусстве савроматов Приуралья» (Корепанов, Обыденнов, 2014. С. 151).

Ivanov V.A. The specifics of the “animal style” in the decorative and applied art of the forest Kama and Ural population in the Early Iron Epoch // *Annales d’Université Valahia Targoviste. Section d’Archéologie et d’Histoire*. 2016. T. 18. No. 1. Pp. 27–32.

ARCHEOLOGY OF SARMATIAN INFLUENCE ON CULTURE OF FOREST TRIBES OF SOUTH URAL: THE ORIGIN AND THE INTERPRETATION

V.A. Ivanov

The article is devoted to the problem of contacts between population of South Ural’s forest-steppe zone and nomads of early period, and its solution by modern archaeologists. By the colleagues’ withdrawals from available archeological sources, the author comes to conclusion that the role of the early nomads (savromats and sarmatians) in the ethno and culturogenesis of the forest-steppe population was evidently exaggerated by his predecessors. Archaeological sources shows that the Ugric Tribes of the Trans-Urals and Western Siberia played had a crucial part in these processes.

Keywords: *Ananyino culture, Kara-Abyz culture, Pianobor cultures, Sarmatins. Gafurian type, Ubalar type, symbiosis, xenia.*

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛИТНЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ¹

М. В. Кривошеев

Реконструкция социальной структуры общества на основе данных погребального обряда довольно сложна. Анализ признаков, отличающих комплексы знати от рядовых погребений, позволяет выделить некоторые общественные группы, которые можно интерпретировать как предводителей, профессиональных воинов, знатных людей. Для элитных погребений характерны высокие курганные насыпи, сложные подкурганые и внутримогильные конструкции, глубокие и обширные могильные ямы. Среди погребального инвентаря встречаются вооружение, конская узда, наборы металлической посуды, вещи импортного происхождения.

Ключевые слова: *сарматы, позднесарматская культура, элита, погребальный обряд, курганы, социальная структура.*

Кочевнические позднесарматские памятники в период формирования культуры охватили территорию от Зауралья до Нижнего Дона. С середины II в. н. э. культуuroобразующими признаками стали северная ориентировка могильных ям, деформация черепов, узкие прямоугольные ямы и подбои, определенные категории и типы инвентаря. В наиболее чистом виде все эти черты отразились в памятниках Южного Приуралья, где практически отсутствовало население предшествующего этапа (Мошкова, 2004; Малашев, 2013. С. 2). Господствующими здесь являются небольшие насыпи над основными индивидуальными погребениями. Ведущим типом ямы является узкая прямоугольная. Северная ориентировка достигает 97 %. Деформация черепов — до 70 % (Малашев, 2013. С. 28).

В других регионах с разной степенью интенсивности проявилось культурное взаимодействие с оставшимся среднесарматским населением. В Нижнем Поволжье традиции среднесарматской культуры существуют достаточно долгое время, до первой половины III в. н. э., постепенно вытесняясь позднесарматскими (Кривошеев, Скрипкин, 2006; Кривошеев, 2010). На Нижнем Дону среднесарматский компонент также оказал влияние на формирование новой культуры.

Для всей территории распространения позднесарматской культуры состав погребального инвентаря близок и связан большей частью с бытовыми прижизненными функциями. Различия в вещах между мужскими и женскими погребениями устойчивые (Балабанова и др., 2015. С. 84–115).

В середине II в. н. э. происходит распространение позднесарматских памятников в Южном Приуралье и трансформация культурного облика в регионах, где позднесарматская культура приходит на смену среднесарматской, что говорит в пользу миграционного характера позднесарматской культуры.

В середине II — первой половине III в. н. э. происходит формирование элиты позднесарматского общества. Длительное сохранение среднесарматских традиций в волго-донских степях указывает на то, что предшествующее население не было полностью уничтожено и вошло в состав новых племенных объединений, возглавляемых пришлыми позднесарматскими кочевниками.

Оперируя лишь данными погребальных традиций, сложно выделять социальные ступени, тем более для кочевых сообществ. Зачастую наши представления о смысле признаков, которые заложены в семантику погребальных традиций древних кочевников, могут не совпадать с тем, что вкладывали в них современники. Мы лишь пытаемся дешифровать символы тех или иных вещей или элементов обряда. В попытке реконструкции социальной структуры позднесарматского общества и выделения погребений элиты необходимо сопоставлять признаки и фиксировать черты, отличающие те или иные комплексы от массовых обрядовых черт.

Говорить об элитных комплексах возможно на фоне их отличий от массового материала. В позднесарматских традициях, где господствуют индивидуальные насыпи, одним из критериев отнесения комплекса к элитным могут служить размеры кургана. Трудозатраты на строительство погребальной конструкции традиционно связывают с социальной значимостью

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Элиты сарматского общества Волго-Донского региона (проблемы выделения и социальной интерпретации)», грант № 17-11-34009a(p).

погребенного. Оспаривать этот тезис невозможно, имея примеры царских скифских курганов. В позднесарматской культуре этот признак выражен не столь ярко — самые большие позднесарматские курганы редко превышают в высоту 2 м. Однако на фоне распространения в это время насыпей высотой около 0,4–0,5 м курганы более 1 метра можно рассматривать как элитные.

Нередко к признакам элитности относят дополнительные сооружения над могилой, внутри насыпей. Среди позднесарматских памятников такие случаи единичны и встречаются к востоку от Волги. Это ритуальные площадки из глины под насыпями, использование грунтовых блоков (Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 101). Все случаи обнаружения таких сооружений связаны с большими курганами.

Отражением высокого социального ранга в сарматских погребениях служат размеры самих могильных ям. Господствующими типами для позднесарматской культуры являются подбой и узкие прямоугольные ямы (Мошкова, 2009. С. 87. Табл. 1, 10). Именно эти конструкции показывают наибольшую корреляцию с иными признаками позднесарматской культуры, в том числе такими, как северная ориентировка погребенных и деформация черепа. Для Южного Приуралья наиболее значимые захоронения совершены в широких прямоугольных ямах (Малашев, 2013. С. 35). В пользу высокого социального статуса погребенных могут свидетельствовать глубина могилы (для позднесарматского времени это часто более 2 м) и обширные камеры подбоев. Крупные размеры насыпей нередко сочетаются с глубокими могилами.

Исследователями уже отмечалось такое уникальное для позднесарматской культуры явление, которое встречается в Южном Приуралье, как использование столбовых и других деревянных конструкций в элитных погребениях (Багриков, Сенигова, 1968; Малашев, 2013. С. 34).

Не отмечено различий в позах погребенных в могиле для отражения их социального статуса. Традиционное положение для сарматов «вытянуто на спине» встречается как в рядовых захоронениях, так и в погребениях знати.

Несомненно, маркером для отнесения к высокостатусным захоронениям являются вещи, которые клали в могилы. Традиционные наборы сопроводительного погребального инвентаря, который встречается в большинстве позднесарматских захоронений, состоят из керамических изделий (кувшины, горшки, миски), костей барана, предметов бытового назначения и деталей костюмов. Как и в любом обществе, предметы, которые отличаются от обычных, несут в себе нагрузку статусности. Среди них могут быть украшения, предметы импортного происхождения, некие вещи, которые указывают на принадлежность к какой-либо социальной группе.

Так важным атрибутом мужских погребений являются предметы вооружения. Чаще всего это клинковое оружие (Безуглов, 2000; Кривошеев, 2007). Крайне редко с традиционными позднесарматскими мечами без металлических наконечников и перекрестий встречаются в качестве украшений нефритовые или халцедоновые наконечники и скобы (Безуглов, 2000). Эта традиция имеет восточное происхождение, и, вероятно, такие украшения не только ценились ввиду своей уникальности, но и являлись маркером принадлежности к определенной социальной группе.

Помимо каменных наконечников и скоб среди воинской экипировки появляются оселки крупных размеров — длиной до 63 см. Они сопровождают погребения с мечами.

Продолжая рассматривать особую роль воинских атрибутов в погребениях позднесарматского времени, нельзя не упомянуть детали сбруи. В подавляющем большинстве случаев детали узды встречаются в захоронениях с оружием. Однако в целом среди комплексов с вооружением находки конской упряжи встречаются всего в 20 % случаев. Богатые уздечные наборы достаточно редки.

С начала III в. н. э. распространяются изделия из серебра. В первую очередь из него стали делать престижные вещи: детали ременной гарнитуры, конской узды (Кривошеев, 2013). Этот факт может свидетельствовать о высоком статусе всадников, которые могли себе позволить приобретать сбруи с украшениями из серебра.

Редкие и, вероятно, дорогие вещи импортного производства, поступающие с запада, также встречаются в могилах людей высокого социального ранга. В позднесарматских комплексах чаще других престижных импортных вещей встречается металлическая посуда римского производства. Обычно это наборы определенных сосудов или отдельные сосуды (ковши, тазы, кувшины, педилки, амфоры, кованные котелки) (Кривошеев, 2014). Найдены такой посуды, как правило, маркируют комплексы, которые также несут в себе признаки элитности, о которых говорилось выше.

Несомненно, к знатным относятся комплексы, в которых присутствуют украшения, выполненные из золота и серебра. Золотые бляшки, ожерелья, подвески, использованные в качестве украшений костюмов, часто встречаются в погребениях, отличающихся элементами оформления насыпей и могил или наборами богатого инвентаря вместе с металлической и

стеклянной посудой импортного производства. Золотые украшения находят как у женщин, так и у мужчин.

Описанные выше особенности погребального обряда и категории вещей характеризуют серию захоронений, отличных от общей массы рядовых погребений позднесарматской культуры, что позволяет отнести их к захоронениям социальной элиты позднесарматского общества. Анализ этих признаков позволяет выделить некоторые особые социальные группы в позднесарматском обществе.

На данный момент известно всего несколько комплексов, которые можно отнести к захоронениям высшей позднесарматской знати. Это комплексы, сочетающие курганные насыпи крупных размеров, сложные погребальные конструкции, богатый погребальный инвентарь, включающий вещи импортного происхождения. Такие погребения обнаружены в Зауралье (Магнитный, к. 21), Южном Приуралье (Лебедевка, к. 1, 2), Нижнем Поволжье (Суслянка), на Нижнем Дону (Валовый, к. 25). В мужских погребениях встречаются разнообразное вооружение, многочисленные клинки, копья, конская сбруя, крупные оселки, деревянная и металлическая посуда (кованые котелки, импортные римские сосуды). Женские комплексы отличаются отсутствием предметов вооружения. Примечательны находки во всех упомянутых комплексах ложечек из кости, железа, серебра. Наиболее четко признаки различных социальных слоев в погребальном обряде формируются к первой половине III в. н. э. Упомянутые выше комплексы датируются именно этим временем.

Еще одной социальной группой, которая четко выделяется погребальным обрядом, являются профессиональные военные «дружины». В позднесарматской культуре существует диспропорция мужских и женских захоронений. Мужских погребений в два раза больше, чем женских (Балабанова, 2013. С. 83, 84). Возможность существования в позднесарматском обществе мужских воинских союзов, «дружин» давно обсуждается в научной литературе (Балабанова, 2013; Безуглов, 2010; Яценко, Вдовченков, 2015). Действительно, в позднесарматской культуре известны мужские воинские комплексы, которые по характеристикам погребальных сооружений могут относиться к высшим слоям знати (Таксай I, к. 4; Новоалександровка, к. 20, п. 2). Размеры курганов и могил, их сложность говорят в пользу высокого статуса погребенных. Однако их отличает бедность погребального инвентаря. Практически все сопутствующие вещи связаны с воинскими атрибутами: наборы клинкового вооружения, уздечные наборы и ременная гарнитура. Вероятно, такие комплексы могли принадлежать предводителям крупных профессиональных воинских подразделений.

Существует серия воинских погребений, которые по наборам инвентаря схожи с погребениями предводителей. В них нередко присутствуют богато украшенные наборы вооружения и узды, но захоронения совершены в небольших курганах, а иногда и впущены в более ранние насыпи (Центральный VI, к. 16, п. 8; Четыре Брата, к. 3, п. 6; Ковалевка, к. 7, п. 1). Возможно, такие погребения с наборами клинкового вооружения, каменными украшениями мечей и ножен, богатыми уздечными наборами могли принадлежать рядовым участникам профессиональных воинских коллективов. В качестве примера можно привести два воинских комплекса, в которых наборы вооружения практически идентичны. Один открыт в Южном Приуралье (Таксай I, к. 4) в кургане высотой более 2 м (Кривошеев, Лукпанова, 2015), второй — в междуречье Волги и Дона. Погребение совершено в неглубокой яме, впущенной в курган более раннего времени (Ковалевка, к. 7, п. 1) (Кривошеев, Дьяченко, 2014). Различия этих комплексов заключаются только в объеме трудовых затрат на сооружение погребальной конструкции и наличии кованого котелка в таксайском погребении. Возможно, в условиях существования профессиональных «дружин» были выработаны внешние атрибуты этой социальной группы, выразившиеся в единстве стилистики оформления и наборе вооружения, общих канонах погребальных традиций (аскетичных в вещевом плане), которые должны были соблюдаться как предводителями воинских сообществ, так и рядовыми участниками. В раннесарматское время уже наблюдались явления, когда воинские элиты сознательно придерживались аскетичности в погребальном обряде, ограничиваясь предметами вооружения (Клепиков, 2016. С. 107). Судить о значимости профессиональных воинских коллективов в позднесарматском обществе сложно, но погребения их представителей встречаются на всей территории распространения культуры.

Говорить о выделении каких-либо еще элитных социальных групп в позднесарматском обществе в рамках данной работы пока преждевременно. На мой взгляд, отражение социальных различий в позднесарматских погребениях, которые не отличаются особым богатством и разнообразием инвентаря, связано в большей степени с особенностями самого обряда и сочетанием вещей ритуального и бытового назначения. Импортные вещи, безусловно, маркируют элитные комплексы. Но вещи собственно сарматского круга, используемые в погребальной обрядности, помогут более точно восстановить социальную структуру общества в этот период. Это требует дальнейшего исследования.

Список литературы

Балабанова М. А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья : дис. ... д-ра ист. наук : в 2 т. Волгоград, 2013. Т. 1. 427 с.

Балабанова М. А. и др. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.

Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 2. С. 71–89.

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра, 2000. С. 169–193.

Безуглов С. И. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов : сб. науч. ст. Вып. 3. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2010. С. 93–116.

Клепиков В. М. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 104–109.

Кривошеев М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2010. С. 57–92.

Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // Рос. археология. 2006. № 1. С. 124–136.

Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 65–70.

Кривошеев М. В. Серебряные изделия как хроноиндикатор в позднесарматских комплексах // Нижневож. археол. вестн. 2013. Вып. 13. С. 132–135.

Кривошеев М. В., Дьяченко А. Н. Погребение воина позднесарматского времени в Волго-Донском междуречье // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2014. С. 42–49.

Кривошеев М. В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Проблемы сарматской археологии и истории : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) конф., г. Уфа, 12–15 мая 2014 г. Вып. 14. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Наследие, 2014. С. 105–112.

Кривошеев М. В., Лукпанова Я. А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2015. Сер. История. Регионоведение. Междунар. отношения. № 5 (35). С. 98–111.

Малашев В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 22–44.

Мошкова М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2009. 176 с.

Яценко С. А., Вдовченков Е. В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 171–182.

IDENTIFICATION CRITERIA FOR ELITE BURIAL COMPLEXES
OF LATE SARMATIAN PERIOD

M.V. Krivosheev

Reconstruction of the society's social structure based on the funeral rites evidence is rather complicated. Analysis of the signs that distinguish the complexes of the nobility from ordinary burials allows us to identify certain social groups that can be interpreted as leaders, professional soldiers, and noble people. Elite burials are characterized by high burial mounds, complex interior structures, deep and wide grave pits. Among the funeral inventory, there are weapons, horse bridle, metal vessel and things of imported origin.

Keywords: the Sarmatians, Late Sarmatian culture, elite, funeral rite, barrows, social structure.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА МОГИЛЬНИКЕ ЖАРТАС (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

А. И. Кукушкин, Е. А. Дмитриев

Исследованные на могильнике Жартас погребальные сооружения имеют сложную надмогильную конструкцию, сочетающую глиняное ограждение могилы и каменный кольцевой панцирь по основанию насыпи кургана. Сопроводительный инвентарь представлен двумя каменными орудиями и металлическим трехлопастным втульчатым наконечником стрелы. Аналоги внешней погребальной структуры и обнаруженных изделий позволяют отнести памятник к кругу поздне-тасмолинских и датировать VI–IV/III вв. до н. э.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, ранний железный век, тасмолинская культура.

Археологические исследования на памятнике были проведены в 2014 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е. А. Букетова. Могильник находится в Абайском районе Карагандинской области (Центральный Казахстан), в 40 км юго-западнее г. Караганда, в 1 км северо-восточнее Жартасского водохранилища. На погребальном поле визуально фиксируются пять курганов с земляными и каменно-земляными насыпями диаметром 11–20 м и высотой до 1,7 м, на вершине одного сооружения установлен триангуляционный знак. Планиграфически комплексы располагаются двумя небольшими компактными группами (рис. 1). Памятник обнаружен в 1985 г. разведочным отрядом под руководством В. Г. Ломана и Н. Б. Попова.

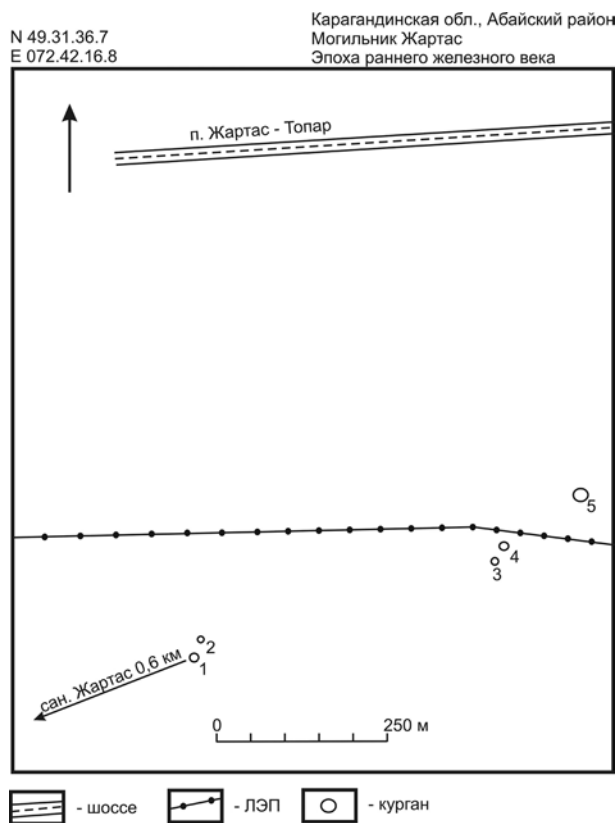
Курган 2 представлял собой оплывшую земляную насыпь диаметром 13 м и высотой до 0,75 м, которая имела некоторое возвышение в северной части. На объекте был разбит раскоп площадью 153,86 кв. м с оставлением контрольной бровки С–Ю. После снятия дернового слоя был выявлен кольцевой каменный панцирь шириной 1–3 м, сложенный из колотого мелкого камня. Размеры кольца по внешнему краю составили 13×12 м (рис. 2).

В методическом плане объект исследовался с полным сносом насыпи восточного сектора, а центральная часть вскрывалась прямоугольным раскопом до уровня материка. В процессе снятия насыпи зафиксирована глиняная ограда прямоугольной формы размерами 4,6×3,7 м, вытянутая длинной осью по линии СЗ–ЮВ.

Выявленная внутри глиняной конструкции грунтовая погребальная камера имела подпрямоугольную в плане форму размерами 2,5×1,25×1,0 м и была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ (рис. 3, 1). Разрушенное при проникновении в древности перекрытие частично завалилось внутрь могилы, а часть плит была выброшена наружу. Размеры некоторых из них составляли до 1,5×0,6×0,3 м.

При выборке заполнения могилы расчищены отдельные кости посткраниального скелета, а также метаподия и фрагмент нижней челюсти мелкого рогатого скота, зуб лошади. На глубине 70 см от верха могилы обнаружено изделие из камня, которое имеет подовальную в плане форму размерами 7,3×6,4 см. На одной из сторон орудия имеется некоторая уплощенная, слегка подшлифованная площадка, появившаяся в результате использования (рис. 4, 2).

Рис. 1. План могильника Жартас

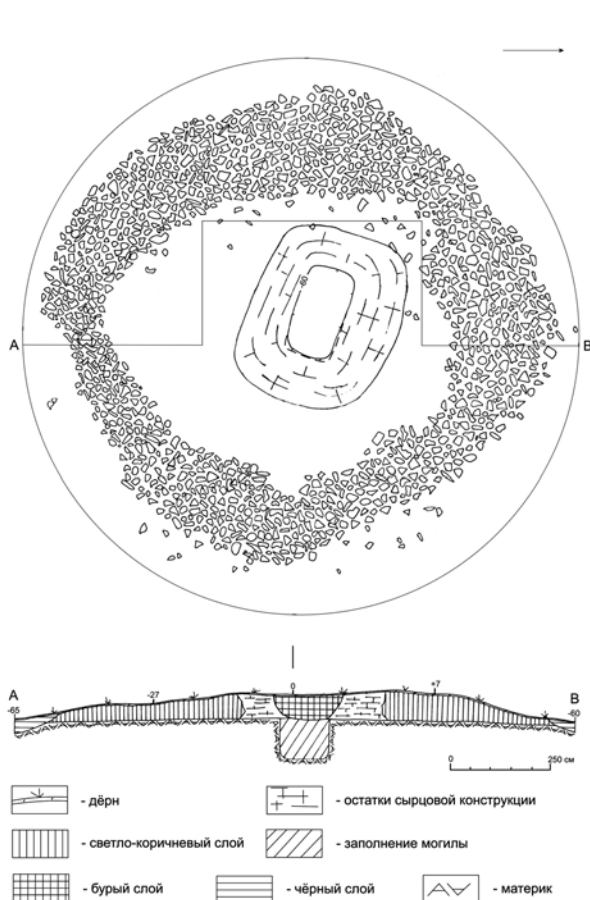

Рис. 2. План и профиль контрольной бровки сооружения 2

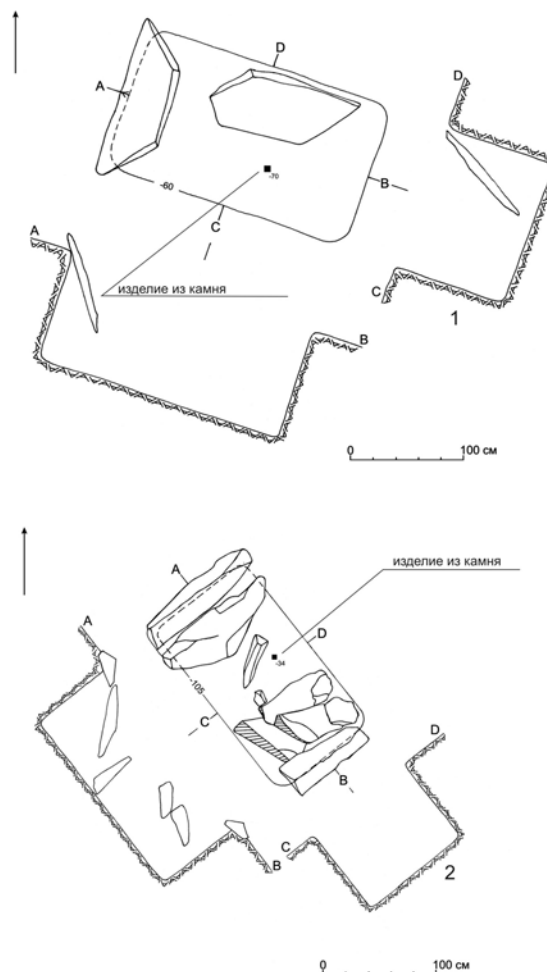

Рис. 3. Планы и разрезы погребальных камер

Сооружение 3 представляло собой оплывший курган диаметром 16 м и высотой 1,1 м. Насыпь была слегка задернована и имела некоторое возвышение с севера, северо-востока. На объекте был разбит раскоп площадью 200,96 кв. м с оставлением двух контрольных бровок, ориентированных по линиям С–Ю и 3–В.

После снятия дернового слоя по основанию насыпи был расчищен кольцевой панцирь шириной 0,7–2,5 м в виде набросанного на земляную подсыпку колотого камня (рис. 5).

В северо-западном секторе насыпи на глубине 10 см зафиксирован жертвенник, состоящий из костей трех особей мелкого рогатого скота и зуба лошади.

В юго-западном секторе, у панциря, обнаружен металлический трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Длина изделия составила 3,2 см, максимальная ширина — 0,9 см. Втулка открытая, диаметр в нижней части 0,7 см. Лопасты выступают над втулкой на 0,2 см (рис. 4, 1).

В центральной части на подкурганной площадке выявлены остатки глиняной конструкции в виде сильно скругленного прямоугольника размерами 6,5×5,5 м, ориентированного углами по сторонам света. Постройка была возведена из прямоугольных блоков методом строительной кладки в высоту до 1 м, шириной 1,5–2 м. Во внутреннем пространстве глиняного ограждения на уровне материка зафиксированы контуры погребальной камеры.

Грунтовая могила размерами 2,45×1,55×0,9 м имела подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами и ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ (рис. 3, 2). Перекрытие, сохранившееся в северо-западной части погребальной камеры, состояло из уложенных поперек каменных плит размерами до 1,4×0,5×0,4 м. При выборке заполнения могилы встречались разрозненные кости посткраниального скелета человека.

На глубине 34 см от уровня материка обнаружено изделие из камня неправильной подтрапециевидной формы длиной 9,3 см, шириной 8,6 см, толщиной до 5 см. На верхнем

и нижнем концах орудия имеются выбоины, появившиеся от использования. Размеры сработанных поверхностей 3,0×2,5 и 3,3×2,0 см (рис. 4, 3).

Исследованные погребальные комплексы могильника Жартас относятся к одному культурно-хронологическому горизонту, о чем свидетельствуют идентичная конструкция погребальных сооружений, ориентировка и тип могил.

Надмогильные постройки имеют довольно сложную структуру в виде глиняной ограды, во внутреннем пространстве которой устраивалась погребальная камера с перекрытием из массивных плит. После возведения грунтовой насыпи основание сооружения покрывали кольцевым каменным панцирем без крепиды.

Близкое по устройству подкурганное ограждение могилы, состоящее из грунтовых блоков, выявлено в кургане раннесакского времени на могильнике Серекты-1 (VII–VI вв. до н. э.). Насыпь сооружения также покрыта у основания каменным кольцевым панцирем (Бейсенов, 2016а. С. 120–121). Видимо, схожий с жартасским принцип оформления насыпи зафиксирован на могильнике Нуркен-2 (Бейсенов, 2016б. С. 78–79). Однако главное отличие раннетасмолинских памятников заключается в наличии дромоса, который отсутствовал в исследованных сооружениях Жартаса.

Как отмечает А. З. Бейсенов, оформление центральной части подкурганной площадки у «тасмолинцев» следует сравнивать с аналогичными по функциям, но деревянными постройками из других регионов (Семиречье, Северный Казахстан и др.) (Бейсенов, 1997. С. 12). Так, в Приишимье они устраивались преимущественно из дерева, часто имели вид клетки или сруба (Берлик, Кара-Оба, Кенес) высотой в 2–4 венца и для прочности обводились глиняным валиком. М. К. Хабдулина такие подкурганные сооружения, характеризующие первый хронологический период раннего железного века, относит преимущественно к VIII–V вв. до н.э. (Хабдулина, 1994. С. 18–25). Видимо, вариантом такого ограждения является перекрытая каменно-земляной насыпью каменная ограда подпрямоугольной формы, обнаруженная на могильнике Корболиха X (Алтай), материалы которой имеют сходство с майэмирской культурой Горного Алтая (Алехин, 2011. С. 85).

Вполне возможно, что истоки возведения грунтовых и глиняных ограждений следует искать в бегазы-дандыбаевских древностях позднебронзового века. Так, сырцовые ограды известны на могильниках Караоба (Прииртыше) (Мерц, 2013), Тагискент (Приаралье) (Итина, Яблонский, 2001. С. 104–105). Глиняно-песочная обваловка стен погребальной камеры зафиксирована в каражартасском мавзолее (Центральный Казахстан) (Кукушкин, Дмитриев, 2016. С. 78, 81). На сходство наземных сооружений раннесакского времени с бегазинскими мавзолеями указывают А. З. Бейсенов с коллегами (Бейсенов и др., 2014. С. 79–80).

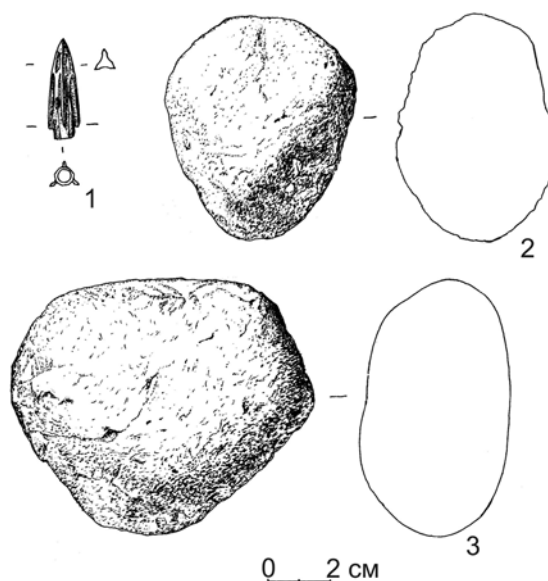

Рис. 4. Находки: 1 — бронза, 2–3 — камень

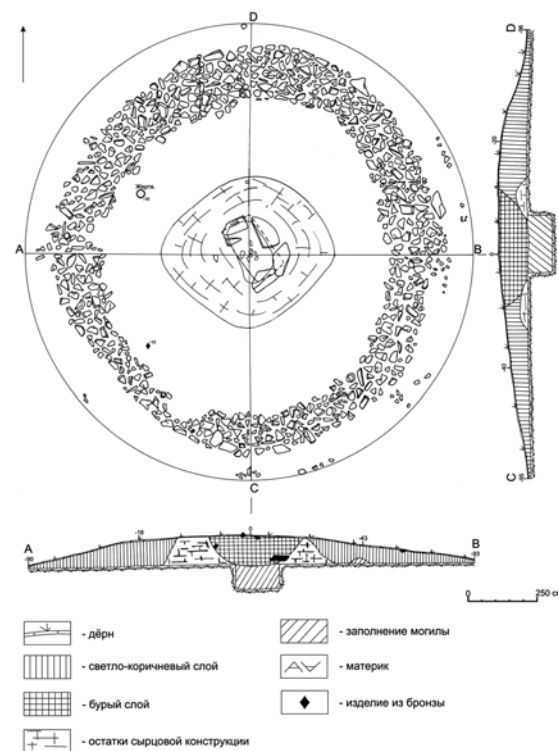

Рис. 5. План и профили контрольных бровок сооружения 3

В настоящее время можно констатировать, что периодизация и хронология раннего железного века со времени выделения тасмолинской культуры с двумя хронологическими этапами (Маргулан, Акишев, Кадарбаев, Оразбаев, 1966) претерпела изменения. Во-первых, несколько удревнена верхняя граница тасмолинских памятников (до VIII в. до н. э.), изменилось и сущностное содержание двух ее этапов. Так, по мнению А. З. Бейсенова, в Центральном Казахстане достоверно идентифицируемых тасмолинских памятников второго этапа не обнаружено. Вместо этого исследователем были выделены коргантасский (Бейсенов, 1996) и карамолинский (Бейсенов, 2014) типы памятников.

Датировка исследованных сооружений на Жартасе устанавливается благодаря привлечению аналогий обнаруженного в кургане 3 наконечника стрелы. В Центральном Казахстане трехлопастные втульчатые наконечники с треугольным очертанием пера появляются уже в VIII в. до н. э., но распространяются повсеместно с некоторым запозданием. Например, в Тыве они отмечены в конце раннескифского времени, не ранее начала VI в. до н. э. (Чугунов, 2011. С. 72). Тем самым значительно корректируется более ранняя схема, предложенная К. А. Акишевым, согласно которой во второй половине и конце VI в. до н. э. на смену двулопастным втульчатым и черешковым наконечникам приходит новая форма в виде трехлопастных втульчатых наконечников со скрытой и открытой втулками. К V–IV вв. до н. э. она становится господствующей по всему Казахстану. Ко второй половине V и в начале IV в. до н. э. они заменяются трехгранной черешковой формой (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966. С. 378–380).

Аналогичные жартасскому наконечники известны в материалах могильника Бесшатыр (курган 25) в Южном Казахстане, датированного V в. до н. э. (Акишев, Кушаев, 1963. С. 120. Рис. 65). Известны они в низовьях Сырдарьи в материалах памятников VI–V вв. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 137. Табл. V, 3; С. 145. Табл. XIII, 39) и в Нижнем Поволжье в раннесарматское время среди экземпляров IV в. до н. э. (Шинкарь, 2007. С. 115. Рис. 1). Показательно сходство формы ударной части с черешковыми экземплярами VII–VI вв. до н. э. из Южного Зауралья (Таиров, 2007. Рис. 42, 30).

Некоторые параллели наконечник из Жартаса имеет с экземплярами из сарматского погребения кургана 10 у с. Грушевское (Мирошина, 1985. С. 98. Рис. 3, 6), захоронение которого датировано IV–III вв. до н. э. (Мирошина, 1985. С. 99).

Учитывая параллели в конструкции с раннетасмолинскими курганами, а также приведенные аналоги наконечника стрелы, считаем возможным датировать исследованные сооружения на могильнике Жартас VI–IV/III вв. до н. э. Несмотря на несколько позднюю верхнюю границу, предлагаем включить исследованные комплексы, в виду несопоставимости основных характеристик с памятниками коргантасского и карамолинского типов (IV–II вв. до н. э.) Центрального Казахстана, в круг поздне-тасмолинских древностей.

Список литературы

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Аты : АН КазССР, 1963. 298 с.
- Алехин Ю. П. Восточный Казахстан и Рудный Алтай в раннескифское время // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганда : Technology of Imaging, 2011. С. 83–87.
- Бейсенов А. З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина — конец I тыс. до н. э.) // Этнокультурные процессы на территории Казахстана (древность, средневековье, современность). Алматы : Санат, 1996. С. 55–61.
- Бейсенов А. З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних nomadов Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 26 с.
- Бейсенов А. З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тысячелетия до новой эры) // Вестн. НГУ. 2014. Сер. История, филология. Т. 13, № 7. С. 68–79.
- Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Бейсенов А. З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2016а. Сер. История. № 1 (39). С. 119–126.
- Бейсенов А. З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. Самара, 2016б. № 3 (16). С. 77–86.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М. : Наука, 1973. 160 с.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М. : Вост. лит., 2001. 295 с.
- Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Казахстанская «пирамида» // Мәдени мұра. 2016. № 5 (68). С. 78–81.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1966. 436 с.

Мерц В. К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы : Бегазы-Тасмола, 2013. С. 270–282.

Мирошина Т. В. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 95–100.

Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск : ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Чугунов К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганда : Technology of Imaging, 2011. С. 69–77.

Шинкарь О. А. Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопр. истории и археологии Зап. Казахстана. 2007. № 1. С. 103–119.

RESULTS OF THE ZHARTAS BURIAL GROUND STUDY (CENTRAL KAZAKHSTAN)

A.I. Kukushkin, E.A. Dmitriev

Zhartas burial structures of the tomb have a complex design, combining an earthen fence of the grave and a stone circular shell at the base of the barrow. Two stone tools and a bronze three-bladed bushing arrowhead represent inventory. Analogy of external funerary structures and artifacts discovered make it possible to refer the monument to Late Tasmolinsky circle and date it to VI–IV / III centuries BC.

Keywords: *Central Kazakhstan, early Iron Age, Tasmolinsky culture.*

ПОГРЕБЕННЫЕ В МОГИЛЬНИКЕ СОЛЕННЫЙ ДОЛ: САРМАТЫ ИЛИ ГУННЫ?

И. Э. Любчанский

Могильник Солёный Дол входит в систему памятников зауральской группы кочевников эпохи поздней древности. В статье делается попытка определения этнического состава этой группы на основе материалов, полученных в процессе исследования могильника, и анализа архитектоники могильников Южного Зауралья и сопредельных территорий. Формулируется вывод о том, что население южно-зауральской степи находилось в стадии групповой консолидации и, возможно, ассимиляции пришлого и аборигенного населения.

Ключевые слова: археология, погребальный комплекс, поминальная архитектура, курганы, сооружения, святилища, сарматская культура, Южный Урал, Нижняя Волга, Казахстан, Солёный Дол, сарматы, гунны.

История археологического изучения древностей Южного Зауралья эпохи поздней древности насчитывает почти столетие. Начинается она с конца 1930-х — начала 1940-х гг. и связана с именем К. В. Сальникова, который опубликовал в первом выпуске «Материалов и исследований по археологии СССР» (1940) сведения о курганах, исследованных им близ Орска и Магнитогорска. С этого момента можно говорить о начальном этапе в процессе научного накопления массового археологического материала эпохи «поздней древности» Южного Зауралья.

Долгое время исследования на территории Южного Зауралья памятников этого периода не носили систематического характера. До конца 1960-х гг. столь эпизодический характер исследований территории был обусловлен отсутствием специалистов и археологических центров в южноуральском регионе. Однако уже с конца 1960-х гг. и особенно с середины 1980-х гг. начинается систематическое, по возможности комплексное исследование памятников эпохи поздней древности в степной и на южной границе лесостепной зон Южного Зауралья. Фундамент современных знаний заложен исследовательскими работами К. В. Сальникова, В. С. Стоколоса, В. Ф. Генинга, А. Х. Пшеничнюка, Н. А. Мажитова, В. П. Костюкова, С. Г. Боталова и других исследователей. Особый вклад в развитие знаний о материальной культуре кочевников этого периода, но уже большого Волго-Уральского региона, внесли М. Г. Мошкова, А. С. Скрипкин, А. П. Медведев, И. В. Сергацков, М. В. Кривошеев и др.

Накопленные за последние десятилетия материалы ставят на повестку дня вопрос о генезисе погребального обряда кочевников поздней древности как процесса отражения историко-культурных взаимодействий в степной и лесостепной зонах Южного Зауралья. По этому вопросу в настоящий момент существует две абсолютно противоположные точки зрения. Первая сентенция высказана более тридцати лет назад М. Г. Мошковой, которая связывает памятники поздней древности Южного Урала с лесостепным вариантом позднесарматской археологической культуры. Вторая точка зрения принадлежит С. Г. Боталову, который упорно, уже в течение десятилетия, отстаивает тезис о принадлежности памятников степной зоны Южного Зауралья к культуре населения, входящего в гуннский союз племен (Боталов, 2009; 2013).

Эти точки зрения имеют значительный научный потенциал, но все же уязвимы, так как существует определенный недостаток в археологическом материале, который бы отчетливо констатировал нижнюю хронологическую границу появления новых памятников в южноуральских степях. В сложившихся условиях представляем материалы пока самого восточного по расположению могильника, известного в степных районах Южного Зауралья и относящегося к эпохе поздней древности.

Однако прежде чем обратиться к материалам могильника, хотелось бы высказать суждение об архитектонике самих могильников поздней древности степной зоны Южного Зауралья.

Среди всего археологического наследия Южного Зауралья особо выделяются могильники, которые включают в свою структуру своеобразные культово-поминальные объекты в виде подквадратных и круглых оград, подкововидных сооружений-«святилищ», гантелевидных и простых длинных валообразных насыпей. В редких случаях встречаются грунтовые насыпи в виде «запятий», а также «комполитные» сооружения.

К настоящему времени мне известно более тридцати могильников, которые сосредоточены в южных районах Челябинской и восточных районах Оренбургской областей, включающие

разные виды культово-поминальных объектов. Как правило, могильники располагаются на ровных площадках высоких водоразделов, вершинах и склонах возвышенностей берегов малых рек и увалов Южного Зауралья.

Изучение планов могильников и результатов дешифрирования аэрофотоснимков, а также посещение памятников позволило выявить определенную закономерность в расположении сооружений в пространстве погребального поля. Сложилось впечатление, что каждый тип сооружений занимает строго отведенное ему место.

Все могильники Южного Зауралья эпохи поздней древности можно разделить на пять групп. В основу выделения положен признак взаимовстречаемости простых округлых насыпей курганов с различными типами сооружений (подковообразные «святилища», валообразные и гантелевидные насыпи).

Группу I составили могильники, в которых встречаются все виды погребально-поминальной архитектуры (земляные округлые курганы, подковообразные сооружения-«святилища», валообразные и гантелевидные насыпи). В нее вошли семь некрополей: Атпа I, Амамбайка III, Зингейский V, Утес, Магнитный, Новониколаевка, Тукова Мазарка. Внутри каждого могильника соотношение «поминальных» сооружений с погребальными различно. Но в целом их число не превышает 66 %, за исключением могильника Магнитный и Туковой Мазарки (табл. 1).

Таблица 1

Могильники группы I

Могильник	Количество			
	грунтовых насыпей	подковообразных сооружений	валообразных насыпей	гантелевидных насыпей
Атпа I	20	2	2	3
Амамбайка III	17	5	4	3
Зингейский V	15	2	4	5
Утес	11	1	1	1
Новониколаевка	4	4	1	2
Тукова Мазарка	3	4	4	3
Магнитный	6	17	1	2

Группу II составили могильники, в которых присутствуют грунтовые курганные насыпи, подковообразные сооружения-«святилища» и гантелевидные насыпи, при этом отсутствуют валообразные насыпи. В нее включено восемь могильников: Солёный Дол, Мандесарка, Атпа II, Атпа III, Кульминский, У Балки 23, Амамбайка I, Амамбайка II. Самым крупным некрополем группы является Солёный Дол. Соотношение «поминальных» сооружений для данной группы колеблется от 20 до 50 % от общего числа насыпей в могильнике (табл. 2).

Таблица 2

Могильники группы II

Могильник	Количество			
	грунтовых насыпей	подковообразных сооружений	валообразных насыпей	гантелевидных насыпей
Солёный Дол	20	7	—	3
Атпа III	14	2	—	1
Мандесарка 6	11	1	—	1
Атпа II	11	2	—	3
Кульминский	10	2	—	2
Амамбайка I	4	3	—	1
У Балки 23	3	2	—	2
Амамбайка II	3	2	—	1

Группу III составили могильники, в состав которых входили простые курганные насыпи, подковообразные сооружения-«святилища» и валообразные насыпи. Насыпи в виде гантелей на них не выявлены. К этой группе отнесено шесть некрополей, которые сосредоточены в Кизильском районе Челябинской области: Заря I, Зингейский I, Зингейский II, Кипчак I, Кипчак II, Мандесарка I. Соотношение между «поминальными» и погребальными сооружениями сохраняется такое же, что и в группе II — от 20 до 50 % (табл. 3).

Таблица 3

Могильники группы III

Могильник	Количество			
	грунтовых насыпей	подковообразных сооружений	валообразных насыпей	гантелевидных насыпей
Заря I	14	2	1	—
Зингейский I	13	1	1	—
Зингейский II	13	1	1	—
Кипчак I	10	3	5	—
Мандесарка I	9	1	1	—
Кипчак II	8	2	2	—

Интересна по сочетанию погребальных и «поминальных» сооружений группа IV, в которую включены только два известных могильника — Свет и Симбирский. На площадках этих могильников отсутствуют подковообразные сооружения-«святителища». Соотношение между курганными насыпями и «поминальными» сооружениями составляет 20 % (могильник Свет) и 25 % (Симбирский) (табл. 4).

Таблица 4

Могильники группы IV

Могильник	Количество			
	грунтовых насыпей	подковообразных сооружений	валообразных насыпей	гантелевидных насыпей
Свет	12	—	1	2
Симбирский	15	—	1	2

Группу V составили некрополи, в которых присутствует только одно из «поминальных» архитектурных сооружений — «святителище» (могильник Большекараганский, курган 16), «валообразная» насыпь (Зингейский III), либо гантелевидная насыпь (Кизильский).

Завершая общую характеристику некрополей поздней древности с погребально-поминальными архитектурными сооружениями, отмечу, что таких могильников, скорее всего, больше, и приведенная выборка не является полной. К тому же, мной специально не рассматривалась архитектура Лебедевских некрополей, так как сложно включить их в географическое понятие «Южное Зауралье».

Каким же образом организуется пространство могильника на выбранной площадке водоразделов, увалов или склонов возвышенностей? Все могильники поздней древности Южного Зауралья представляют собой цепочки (линии), состоящие из сочетаний сооружений погребально-поминальной архитектуры. Двадцать могильников, то есть большинство, состоят из одной цепочки-линии, в которой чередуются курганные насыпи и сооружения разных типов. Четыре могильника имеют две линии расположения погребальных и «поминальных» объектов. Два некрополя состоят из трех линий-цепочек. Все линии имеют практически широтное расположение. Два могильника (Свет, Амамбайка II) вытянуты по направлению СВ–ЮЗ, один (Кипчак II) ориентирован по линии СЗ–ЮВ.

На крупных могильниках, таких как Солёный Дол, Амамбайка III, Атпа II, устройство пространства погребальной площадки выглядит следующим образом: в западной, центральной и восточной частях цепочки сконцентрированы грунтовые курганные насыпи небольших размеров (диаметр 9–20 м). В центральной группе обязательно имеется один большой курган высотой до 1 м, окруженный рвом. Между этими тремя группами размещаются разные типы «поминальных» сооружений в следующих сочетаниях:

- 1) подковообразное сооружение-«святителище» + подковообразное сооружение-«святителище»;
- 2) подковообразное сооружение-«святителище» + валообразная насыпь;
- 3) подковообразное сооружение-«святителище» + гантелевидная насыпь.

Помимо указанных устойчивых сочетаний поминальных и погребальных объектов, которые, по всей видимости, были обязательными для создания погребального поля, у каждого могильника Южного Зауралья имеются и индивидуальные отличия, а именно: единичные «поминальные» сооружения могут отстоять от основной линии могильника на несколько десятков, а то и сотни метров (например, гантелевидная насыпь могильника Солёный Дол или подковообразное «святителище» на некрополе Кипчак II).

Если простые грунтовые курганные насыпи могильников Солёный Дол, Атпа I, Атпа II, Атпа III, Магнитный, Заря I, Мандесарка 6 исследовались постоянно, то культово-поминальные

объекты, такие как сооружения-«святые места» или гантелевидные насыпи,— редко. Так, на могильнике Солёный Дол исследовано одно сооружение-«святые места» и одна гантелевидная насыпь (Любчанский, 2013. С. 291. Рис. 11). На Магнитном исследовано одно сооружение, которое авторы интерпретируют как склеп (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 50–53). При исследовании сооружения на некрополе Солёный Дол на уровне древней поверхности был обнаружен развал неорнаментированного сосуда, а в гантелевидной насыпи кроме остатков деревянного плетня — один фрагмент стенки лепного сосуда. Отсутствие внутри конструкций реальных погребений (кроме «склепа» могильника Магнитный) позволяет предположить культовое или поминальное назначение данных архитектурных сооружений.

Поиск аналогичных структур могильников не дал реальных результатов. Для поздней древности такие погребальные и поминальные конструкции в границах одного могильника мы фиксируем только в степном Южном Зауралье. Исключение составляют могильники Лебедевского некрополя в Западном Казахстане. В IV–VI группах этого могильника насчитывается 28 оград-«сооружений» в виде валов, внутри которых кроме костей мелкого рогатого скота, развалов сосудов и фрагментов керамики ничего не было обнаружено (Мошкова, 1984. С. 196–201). Уверен, что могильники такого облика должны располагаться на восточных склонах Мугоджарского хребта. К тому же в районах Устюрта, на границах Хорезма известны поминально-погребальные поля, близкие по архитектонике, что не может не обнадеживать. Речь идет о памятниках на плато Чаш-Тепе (курганы 1 и 3, кольцевые валы), которые визуально напоминают поминальные комплексы Южного Зауралья и Лебедевского некрополя (Рапопорт, Трудновская, 1979. С. 154–155).

Следующее, что бросается в глаза,— это полное различие пространственного устройства могильников позднесарматской археологической культуры Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и предгорного Южного Зауралья. Почти столетнее исследование памятников этой культуры в Волго-Уральском регионе не оставляет сомнения в том, что курганы, относящиеся к последнему, шиповскому этапу сарматской культуры, располагаются на площадках более ранних погребальных полей — раннего железного века (могильник Покровка 10), бронзового века и эпохи энеолита (например, могильник Перегрузное I) (Мошкова, 1982. С. 80; Пшеничник, 1983. С. 120; Клепиков, Кривошеев, Дьяченко, 2014. С. 91. Рис. 2; Малашев, Яблонский, 2008. С. 129. Рис. 3). При этом на могильниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья шиповские памятники не составляют большинства среди курганов.

Такие существенные различия в организации погребально-поминального пространства наводят на мысль о том, что при видимой схожести погребального обряда и погребального инвентаря могильники Южного Зауралья могли быть оставлены новой кочевой группой. Она смогла интегрироваться в сарматский субстрат и инфильтрировать элементы новой, не характерной для сарматской среды материальной культуры.

Это суждение попробуем проиллюстрировать материалами могильника Солёный Дол.

Впервые могильник Солёный Дол был открыт при проведении аэрофотодешифровки фотоснимков 1976 и 1988 гг. И. М. Батаниной и Н. В. Левит. В 1996 г. площадка могильника была осмотрена Г. Б. Здановичем, И. М. Батаниной и Н. В. Левит. Мониторинг могильника осуществлялся постоянно вплоть до 2004 г. Раскопки проводились в 2006–2010 гг. За пять лет исследования могильника раскопано семь курганов, в том числе один гантелевидный, и одно «сооружение».

Могильник расположен на водоразделе правого берега реки Синташты, в 6 км к западу от пос. Мирного и в 10 км к ЮЮЗ от пос. Рымникского, в 8 км от районного центра пос. Бреды, на левом краю балки Солёный Дол. Этот край балки переходит в относительно высокий увал высотой 30–35 м над урезом воды. Наивысшей точкой увала является насыпь кургана № 1, на котором возведен триангуляционный знак (отметка 349,0 от уровня Балтийского моря). По данным дешифровки, могильник представляет собой цепочку, протянувшуюся на 860 м по линии СВ–ЮЗ, и состоит из 27 круглых земляных насыпей диаметром 10–25 м, из которых семь расположены на пашне. В основную систему могильника входят также пять кольцевидных сооружений диаметром 25–30 м, два подковообразных сооружения диаметром 25–35 м и три гантелевидных кургана длиной 30–50 м.

Полная публикация материалов о могильнике осуществлена автором раскопок в монографии «Курганный могильник Солёный Дол» (Любчанский, 2017).

Приведя материалы о могильнике Солёный Дол и рассуждая о времени II–III вв. в южноуральском регионе, можно констатировать, что в обозначенный период выделяются две территории, на которых формируются конгломерации археологических памятников кочевников. Статистическая обработка погребальных комплексов позволила выделить приуральскую группу курганных могильников, объединившихся вокруг эпонимного некрополя у с. Лебедевка. Вторая группа курганных могильников концентрируется в Южном Зауралье, плотность их в степных районах Челябинской области достаточно велика. Здесь, скорее все-

го, консолидирующими станут курганные могильники типа Солёного Дола и Магнитного II. Приуральская группа памятников включает в систему погребальной обрядности компоненты «восточного облика», которые носят ярко выраженный инновационный характер. Эти же самые элементы в зауральских могильниках уже приобрели черты стабильного, постоянного признака. В зауральских могильниках полностью отсутствуют традиционные для позднесарматской культуры Нижнего Поволжья северокавказские древности (миски, фляги, кувшины определенных типов). Зато достаточно часто встречаются центральноазиатские и в первую очередь среднеазиатские формы керамики или подражания им.

Погребальные комплексы II–III вв., вне всякого сомнения, связаны с общей культурной доминантой носителей сарматской культурной традиции, которая прослеживается на значительной части материалов могильников Солёный Дол (курганы 5, 22), Большекараганский (курган 8, 18, 19) и других погребальных комплексов. Но с середины III в. начинается снижение этой самой культурной доминанты. Погребальный обряд кочевников южноуральских степей фиксирует процесс эволюции материальной культуры. Появляются устойчивые признаки, которые ранее не были характерными и устойчивыми для шиповского этапа сарматской культуры Нижнего Поволжья: распространение в массовом порядке узких прямоугольных ям, наличие огня в насыпи курганных сооружений, подавляющее преобладание ориентировки костяков в северном направлении, наличие гробов и колод-долбленок, появление наборных поясов, отдельных категорий вооружения, «азиатский» импорт или подражания ему. Думается, что со второй половины III в. в южноуральских степях набирает обороты процесс формирования новой, хотя и близкой к позднесарматской, культурной традиции, которая тесным образом связана с миграцией новой кочевой волны из восточных районов степи в пределы Южного Урала.

Таким образом, исследованные курганы могильника Солёный Дол однозначно входят в круг памятников, которые оставлены этнически неоднородным кочевым населением Южного Зауралья поздней древности, погребальный обряд которого характеризует процесс формирования нового этнического коллектива в первой половине III в.

По всей видимости, некрополь возник единовременно и, скорее всего, относится к эпохе поздней древности (III в.). Материалы, полученные в ходе исследования, позволяют расширить наше представление о материальной культуре кочевого населения Южного Зауралья в обозначенную эпоху. Могильник Солёный Дол по своей архитектонике не выбивается из круга памятников типа Лебедевского курганного некрополя, только количественно намного меньше.

Все исследованные могилы некрополя находились под индивидуальными насыпями. Исключение составляет курган № 22, под насыпью которого было два отдельных погребения — женское (центральное) и младенческое (рядом). Все насыпи грунтовые, округлой формы и стандартных размеров. Для вновь выявленных могильников этого времени в Южном Зауралье характерно наличие насыпей гантелевидной формы, под которыми отсутствуют следы погребений, но явно прослеживаются элементы ритуального сооружения. В ряде случаев на уровне погребенной почвы (древнего горизонта) или в насыпи кургана были обнаружены фрагменты или развалы керамических сосудов.

Отдельную группу, расположенную с центральной части могильника, представляют подквадратные сооружения с проходами в северо-восточной и юго-восточной стороне. На могильнике исследовано одно такое сооружение, которое содержало в центральной части разрушенную норой кенатафную яму, на дне которой располагался фрагмент небольшого керамического сосуда. Весь же сосуд обнаружен в грунтовом заполнении норы над могильным пятном.

Погребальные сооружения могильника Солёный Дол представлены двумя основными типами — подбойными могилами и подпрямоугольными ямами со скругленными углами и ступеньками или заплечиками. Все погребения, расположенные под индивидуальными насыпями, ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Только яма в подквадратном сооружении имела ориентировку СВ–ЮЗ. Подобная ориентировка могильных ям несколько отличается от устойчивых меридиональных ориентировок уже известных могильников Южного Зауралья и Приуралья. Во всех могильных ямах зафиксированы остатки деревянных конструкций: гробовище, «лодочка», деревянный настил и, возможно, дощатое перекрытие погребенного. Погребенные укладывались вытянуто на спину, с руками вдоль туловища, головой в северо-западный сектор.

Единичность категорий предметов из могильника Солёный Дол потребовала индивидуального подхода к ним при анализе и выявлении аналогий. Безусловно, в первую очередь поиск аналогий был направлен на материалы из могильников позднесарматского круга с сопредельных территорий. В результате практически весь инвентарь нашел прямые аналогии в памятниках середины — второй половины III в. из Южного Приуралья, Заволжья и Нижнего Подонья. Все категории погребального инвентаря из погребений могильника Солёный Дол встречаются в могильниках Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи поздней древности (Магнитный II, Агаповские Горы, Большекараганский и др.), некрополях рубежа эр Центральной Азии (Тулхарский, Искандаровский III, Алтын-Асарский).

Определенную ясность в процесс сложения нового племенного формирования вносят и краниологические материалы, полученные из погребений могильника Солёный Дол. Исследования А. А. Хохлова и Е. П. Китова демонстрируют различия в антропологическом облике мужчин и женщин, захороненных в некрополе. Они склонны говорить о схожести мужских черепов, в то время как женские черепа полиморфны. Объединяет всю серию искусственная деформация черепов различной степени. «Это, видимо, свидетельствует о протекавшем на момент функционирования могильника процесса культурного, отчасти и биологического смешения местного населения с пришлым» (Китов, Хохлов, 2010. С. 130).

Таким образом, можно констатировать, что погребенные в могильнике Солёный Дол мужчины являются пришельцами, которые принесли новые элементы культуры, отраженные в погребальном обряде (прямоугольные ямы, гробы, колоды, мечи, пояс, узда, огонь в яме). Женщины определяются как уралоидные особи с признаками монголоидности. Именно в женских погребениях сконцентрирован классический набор материальных компонентов, характерных для шиповского этапа сарматской культуры (прясла, зеркала с центральной петелькой, мел, биконические прясла). Из этого комплекса выбиваются витые бронзовые серьги, которые более характерны для лесного населения Южного Урала. Учитывая все аргументы на данный момент, мы не можем предложить корректную этническую атрибуцию погребенных в могильнике.

Список литературы

- Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2009. 672 с.
- Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры европейских гуннов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 32–87.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 268 с. (Этногенез уральских народов).
- Китов Е. П., Хохлов А. А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. Уфа, 2010. С. 127–131.
- Клепиков В. М., Кривошеев М. В., Дьяченко А. Н. Археологические исследования курганного могильника Перегрузное I // Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарного исследования. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. С. 9–218.
- Любчанский И. Э. Курганный могильник Солёный Дол (результаты исследований 2006–2010 гг.). Челябинск : Абрис, 2017. 124 с.
- Любчанский И. Э. Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности» // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 280–297.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008. 365 с.
- Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 80–87.
- Мошкова М. Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 196–201.
- Пшеничнюк А. Х. Ранние кочевники Южного Урала. М. : Наука. 1983. 199 с.
- Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. М. : Наука, 1979. С. 151–166.

BURIED IN THE CEMETERY OF SALTY DALE: THE SARMATIANS OR THE HUNS?

I.E. Lyubchanskiy

Burial Salty Dale (*Solyonyy dol* in Russian) is part of the monuments of the Trans-Ural nomad group of the «late antiquity» era. The article is an attempt to define the ethnic composition of this group based on materials obtained from researches of the burial and analysis of the architectonics of the South Urals mounds and adjacent territories. We concluded that the population of the South Trans-Ural steppe was at the stage of group consolidation and, perhaps, assimilation of foreign and the indigenous population.

Keywords: *archaeology, burial site, funeral architecture, burial mounds, buildings, the sanctuary of the Sarmatian culture, southern Ural, Lower Volga, Kazakhstan, the Sarmatians, the Huns.*

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА МАНДЕСАРКА-6

М. Р. Макурова, Ю. С. Макуров, Е. О. Шиманский

Публикуются результаты археологических исследований курганного могильника Мандесарка-6, расположенного в Южном Зауралье. Дается описание погребальных сооружений и погребального инвентаря из пяти раскопанных курганов; приведены аналоги вещей, известные авторам по памятникам Волго-Уральского региона. Предложена датировка рассматриваемых комплексов — вторая половина II — III в. н. э.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, сарматы, позднесарматское время, эпоха поздней древности, искусственная деформация головы, биметаллический кинжал.*

В 2015–2016 гг. отрядом заповедника «Аркаим» и Челябинского госуниверситета было исследовано пять курганов могильника Мандесарка-6 в Кизильском районе Челябинской области (рис. 1, I)¹. Некрополь располагается в степной зоне на вершине водораздела рек Мандесарка и Кайрахта. Площадка памятника ровная, с небольшим уклоном к югу, в настоящее время окружена небольшими березовыми колками (рис. 1, II).

Погребальные сооружения (грунтовые насыпи) расположены однорядной цепочкой по линии З–В на протяжении 250 м. Зафиксировано 11 насыпей, девять из которых имеют круглую в плане форму, одно — овалыные очертания, еще одна насыпь — фигурную «гантелевидную» форму (две последние вытянуты по линии З–В). В центре памятника располагался самый большой курган некрополя (курган 1). Высота остальных насыпей варьировала в пределах 0,2–0,3 м, диаметры круглоплановых насыпей на момент обнаружения не превышали 12–13 м.

«Гантелевидные» сооружения, как и кольцевые и прямоугольные оградки-валы и их вариации, — яркая особенность организации погребально-поминального пространства некрополей кочевников Южного Урала второй половины II — III в. н. э. (Мошкова, 1989. С. 191; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 122–124; Любчанский, 2016). Традиционна для южноуральских могильников этого периода и организация сооружений некрополя в линейно ориентированную композицию, «вписанную» в широтную ландшафтную структуру. Предварительную датировку подтвердили и другие характеристики раскопанных погребальных сооружений: небольшого размера грунтовые круглоплановые надмогильные конструкции, основные погребения под индивидуальной насыпью, могильные камеры подбойной и простой прямоугольной формы, трупоположение усопших — одиночное, вытянуто на спине, головой в северный сектор (Скрипкин, 1984. С. 59, 60, 65; Мошкова, 2009. С. 163, 164).

Курган 1 (рис. 2). Диаметр 18 м, высота 0,65 м. В центральной части кургана под слоем дерна и гумуса располагался слой ярко-красной глины толщиной до 0,4–0,45 м, диаметром около 10 м. Нижние участки глиняного слоя прокалены. По всей площади прокал подстилался прослойкой угля и обугленной древесины (березовые и сосновые плахи толщиной до 12–15 см). Видимой системы в расположении плах не прослеживалось. В северной части подкурганной площадки между прослойкой обугленных плах и погребенной почвой зафиксирован выкид из могильной ямы в виде тонкого слоя бело-желтой глины (мощность 1–3 см). Материковая основа располагалась на глубине —95 м от вершины кургана. Все описанные слои прорезались в центральной части грабительским вкопом, задернованная воронка которого была видна еще до начала вскрытия насыпи.

Насыпь кургана содержала две находки. В северо-восточном секторе — неорнаментированный фрагмент стенки керамического сосуда. Черепок плотный, цвет внешней поверхности светло-коричневый, внутренней — темно-серый. (рис. 5, IV). Под южной бровкой — бронзовая пластина (3,4×1,2×0,1 см) со сквозным отверстием (диаметр 0,25 см), которая сохранила фрагменты серебряного покрытия и остаток железного крепления (гвоздика?) (рис. 6, II).

Зачистка по материке выявила в центре подкурганной площадки очертания могильной и примыкающей к ней грабительской ям. Могильная яма (яма 1а) имела неровные подпрямоугольные очертания (2,65×0,95 м) и была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Вкоп для ограбления могилы (яма 1б) примыкал к яме 1а с юга. У юго-восточного края ямы 1б на уровне материка были расчищены сваленные в кучу кости человека: позвонки, лопатка,

¹ Авторы выражают глубокую благодарность кандидату исторических наук И. Э. Любчанскому за научное консультирование в процессе исследований.

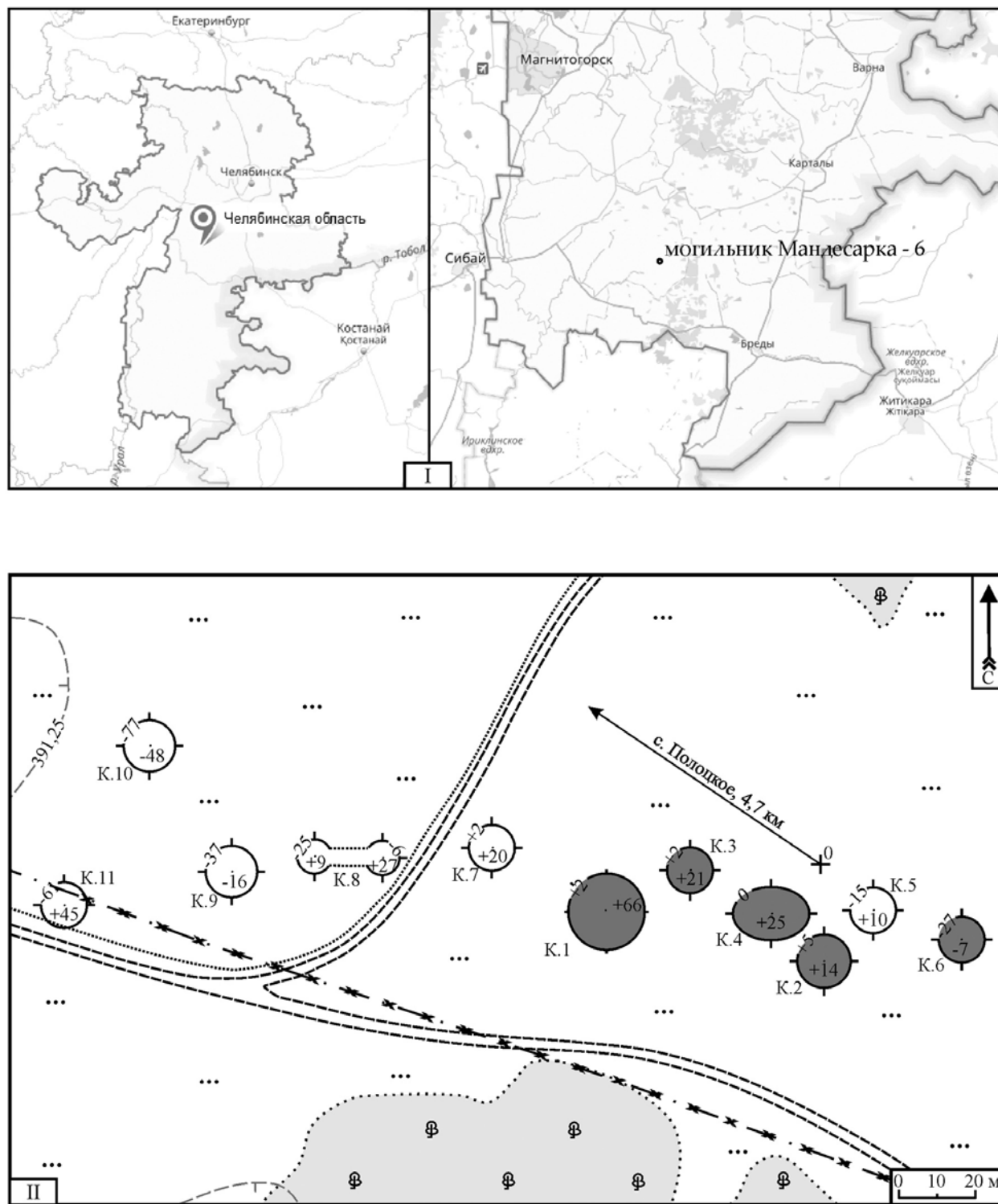

Рис. 1. Моги́льник Мандесарка-6: I — расположение моги́льника на карте Челябинской области; II — план моги́льника. Серым цветом выделены курганы, исследованные в 2015 г., штриховкой — курганы, раскопанные в 2016 г.

берцовые и тазовые кости, фаланги пальцев и фрагменты черепа. Полевое определение останков: мужчина в возрасте более 40 лет. Моги́льная камера имела почти вертикальные стенки, ее глубина от материка $-0,95$ м. В центральной и южной частях ямы, на ее дне и в придонном заполнении, обнаружены кости человека: ребра, нижняя челюсть, позвонки, фаланги пальцев и фрагмент бедренной кости. Все они были перемешаны, за исключением лежащих на дне нескольких костей стоп (пяточных и фаланг), что косвенно указывает на изначальную

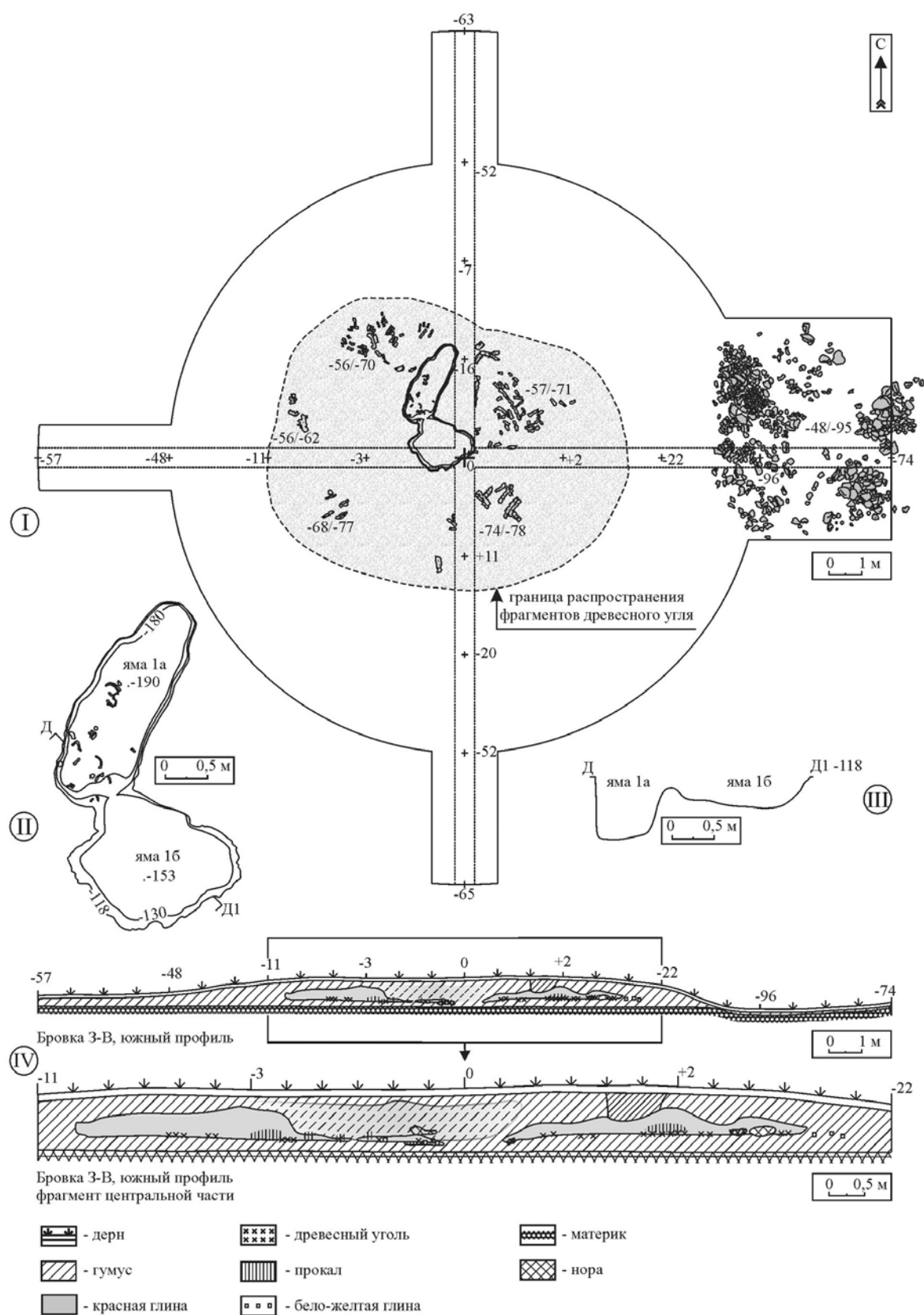

Рис. 2. Могилище Мандесарка-6, курган № 1: I — план кургана; II — план могильной ямы 1; III — разрез могильной ямы 1; IV — бровка запад-восток, южный профиль

ориентировку погребенного — ногами в южном направлении. Под описанными костями зафиксированы небольшие фрагменты органического тлена.

У южного торца могильной камеры среди костей найдено шесть коррозированных железных изделий (рис. 6, *Л*). Три из них имеют наибольшую сохранность и представляют собой неглубокие округлые чаши с бортами-закраинами (4×4×2 см). От одной из сторон изделий отходят широкие (2,5 см) пластины, окончания которых не сохранились. Фрагменты имеют следы крепления с органическим материалом (предположительно — кожей) с помощью железных штифтов. Еще один фрагмент изделия — тонкая прямоугольная железная пластина, к которой с одной стороны с помощью бронзового штифта прикреплена полоска кожи. Предметы, вероятно, являлись деталями сбруйного набора. Аналогичные железные бляхи-подвески, обтянутые золотой фольгой, известны среди материалов из погребения 1 кургана 19 Сладковского могильника (Максименко, Безуглов, 1987. С. 184. Рис. 2, 4, 5). Отметим, что чаще всего аналогичные бляшки сделаны из бронзы. Небольшая бронзовая пластинка — вероятно, наконечник-подвеска (из-за разграбленности комплекса не ясно, одно- или двухчастная). Отсутствие расширения в нижней части бронзового наконечника-подвески, форма железных подвесок и отсутствие фасетировки на изделиях позволяют датировать комплекс не ранее второй половины II в. н. э., верхняя граница не заходит далее середины III в. (Малашев, 2000. С. 199).

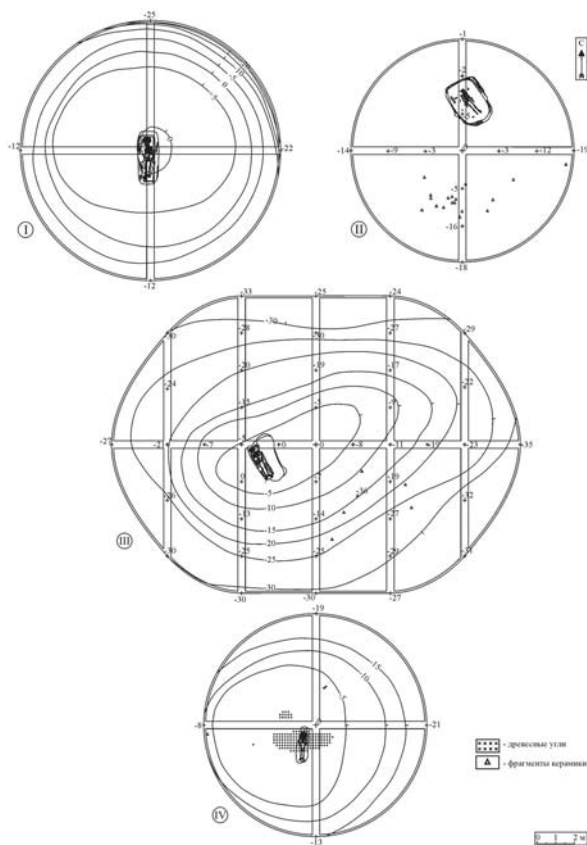
Курган 2 (рис. 3, *Л*). Высота от современной поверхности 0,2 м, диаметр 14 м. В центре насыпи — небольшая впадина глубиной 0,1 м (следствие проседания грунта над могильной ямой). Над могильной ямой была сооружена площадка из красно-оранжевого суглинка (по фактуре совпадает с материковой основой) мощностью 5–17 см, ее приблизительный диаметр 2,6 м. Над суглинистой площадкой зафиксированы фрагментарные следы разведения огня в виде тонких слоев прокаленного гумуса и вкраплений угля.

В центре кургана, с небольшим смещением к югу, на уровне зачистки по матерiku обнаружено пятно могильной ямы (рис. 4, *Л*). Входные очертания прямоугольной формы, размеры 2,8×1,2 м, длинная ось ориентирована по линии С–Ю. Дно ямы — на глубине 0,8 м от уровня зачистки. На дне камеры по всему периметру прослежена плохо сохранившаяся рамчатая деревянная конструкция. Короткие торцевые плахи лежали поверх длинных продольных (толщина от 5 до 15 см), при этом последние незначительно выходили за пределы прямоугольных очертаний, образуя нечто наподобие рукоятей. За пределами продольных плах и несколько выше их (от 2 до 10 см) у стенок камеры также найдены продольные тонкие (до 5 см) жерди в сильно фрагментированном состоянии. В могильной камере зафиксированы остатки органического тлена нескольких типов, расположенного как под, так и над погребенным.

В могильной камере находился один костяк, лежащий вытянуто на спине, головой на север. Руки вытянуты вдоль тела, ноги лежали прямо, череп раздавлен грунтом. Погребенный — мужчина в возрасте 20–25 лет. Череп типологически близок южным вариантам европеоидной расы (Нечвалода, 2016. С. 46).

Погребальный инвентарь найден в пределах деревянной рамы. За черепом находился развал керамического сосуда (рис. 5, *III*) — двуручного плоскодонного кувшина, изготовленного из плохо отмученной глины со значительной примесью кварца и толченой раковины. Внешняя поверхность покрыта ангобом зеленого цвета. Кувшин является центральнокавказским импортом, ближайшие аналогии ему известны в кургане 9 могильника Покровка II, который датируется по сопутствующей ремненной гарнитуре серединой — второй половиной III в. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 49).

Рис. 3. Могильник Мандесарка-6, планы исследованных курганов: *I* — курган № 2; *II* — курган № 3; *III* — курган № 4; *IV* — курган № 6

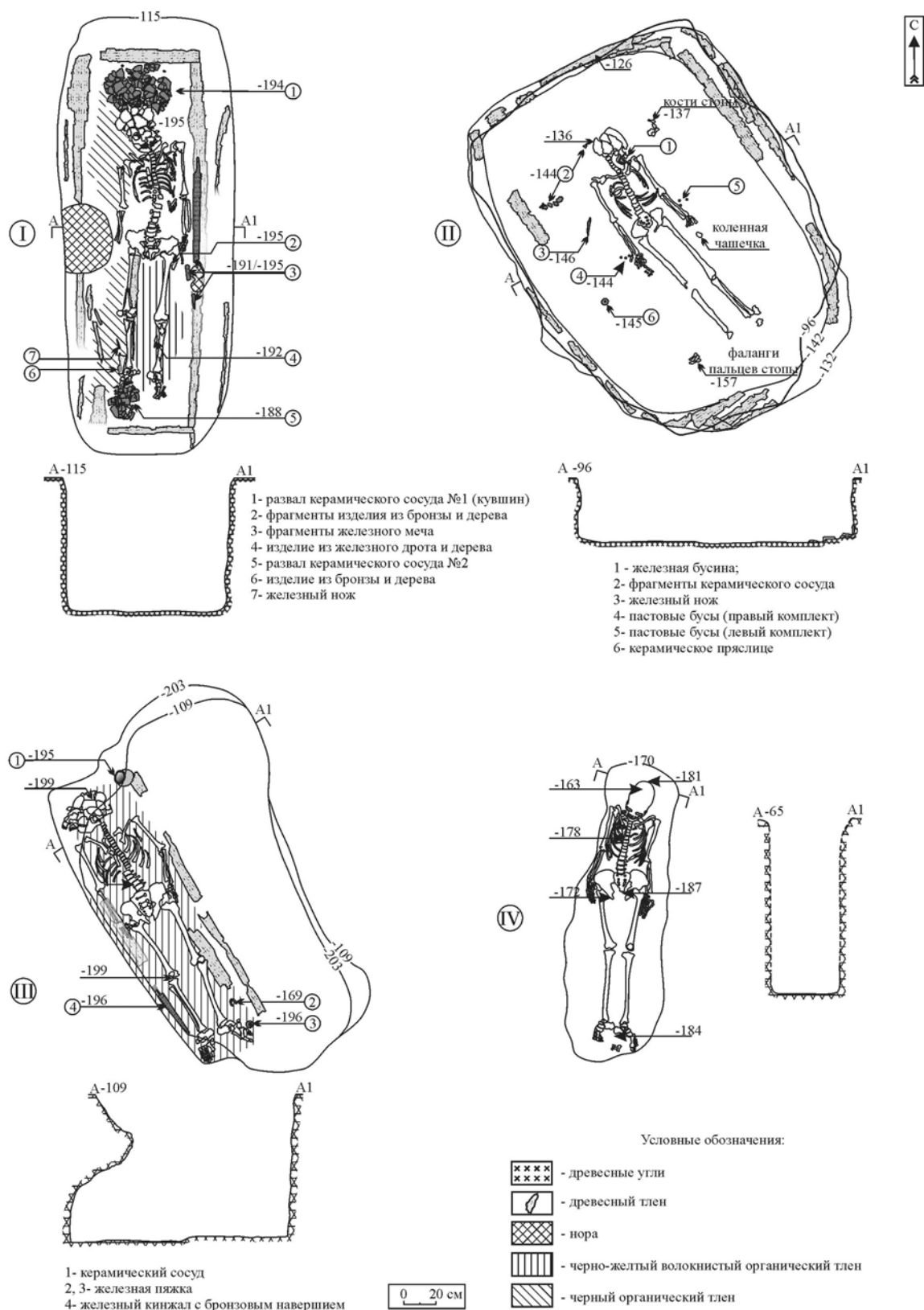

Рис. 4. Могильник Мандесарка-6, планы погребений: I — курган № 2; II — курган № 3; III — курган № 4; IV — курган № 6

Слева от погребенного, от середины плечевой кости до колена, лежал острием к ступням железный меч без перекрестья и навершия (рис. 6, VII). Общая длина меча 74 см, длина рукояти 7 см. По обеим сторонам его поверхности — фрагменты дерева (вероятно, остатки ножен

и рукояти). Такой тип клинкового вооружения получил широкое распространение в погребениях номадов со II в. н. э., эти мечи традиционно считаются одной из диагностирующих категорий инвентаря для позднесарматского времени (Скрипкин, 1984. С. 84–85).

К югу от левой ступни погребенного был поставлен черноглиняный лепной керамический плоскодонный сосуд горшечной формы (рис. 5, VI). Черепок плотный, буро-красного цвета. В. Ю. Малашев и Л. Т. Яблонский по материалам могильника Покровка 10 датировали подобные горшки серединой — второй половиной III в. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 66–67).

С внешней стороны правой берцовой кости лежал железный однолезвийный нож (рис. 6, VI).

В погребении были найдены также предметы неясного назначения. Между ног погребенного лежало изделие из круглого в сечении железного дрота (длина 3 см, диаметр 3 мм) к концу которого была прикреплена сильно истлевшая деревянная деталь. С внешней стороны головки левого бедра — фрагменты изделия из дерева (7×3 см) с примыкающей к ним полностью развалившейся бронзовой частью. С внешней стороны левой берцовой кости и у левой ступни найден фрагмент истлевшего дерева неправильной формы (12×5 см), под ним — скопление (4×4 см) фрагментированных бронзовых чешуек. Среди них — бронзовый гвоздик длиной 0,8 см и фрагменты узкой пластинчатой накладки. Форма изделия не восстанавливается.

Курган 3 (рис. 3, II). Диаметр насыпи 12 м, высота 0,2 м. Стратиграфия проста: на погребенной почве — выкид красной глины из могильной ямы, над ним — гумусный слой насыпи, перекрытый дерном. В южной части насыпи кургана над выкидом найдены фрагменты керамики, вероятно, от одного сосуда (рис. 5, I). Часть фрагментов — стенки тулова — покрыты орнаментом в виде неглубоких прочерченных линий, округлых вдавлений диаметром 0,2 см и расходящихся под углом валиков. Один из фрагментов — неорнаментированный венчик с наплывом наружу, другой — овальная в сечении ручка. Разрозненность и малочисленность фрагментов не позволяют реконструировать сосуд. Специфический накольчатый орнамент встречается преимущественно среди приуральских комплексов и отражает культурные связи с населением лесостепных культур (Мошкова, 1989. С. 19).

Курган содержал одну могильную яму к северу от наивысшей точки насыпи (рис. 4, II). Яма широкой прямоугольной формы, дно камеры плоское, на глубине 0,5 м от уровня зачистки по матерiku, стенки отвесные. Длинной осью яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ, длина ее 2,6 м, ширина 2 м. По периметру камера была обложена обожженным деревом, максимальная толщина элементов конструкции 0,1 м.

По центру погребальной камеры был уложен один усопший — вытянуто на спине, головой на северо-запад. Руки лежали вдоль тела, ноги вытянуты, череп лицевой частью повернут влево. Полевое антропологическое определение погребенного — женщина не моложе 25 лет.

Погребальный инвентарь представлен украшениями на костяке и небольшим набором предметов, уложенных в линию справа от покойной. На небольшом расстоянии от правого плеча — фрагменты керамического сосуда (рис. 5, IV). Сосуд лепной, плоскодонный, из-за отсутствия значительной его части форма и размер не восстанавливаются. Черепок рыхлый, слоится, внешняя поверхность красно-серая, на изломе черная. Визуально просматривается примесь шамота, дресвы, органических материалов.

У правого локтя найден железный однолезвийный нож с прямой спинкой (рис. 6, I). У правой кисти, также в отдалении — керамическое прясло асимметрично-биконической

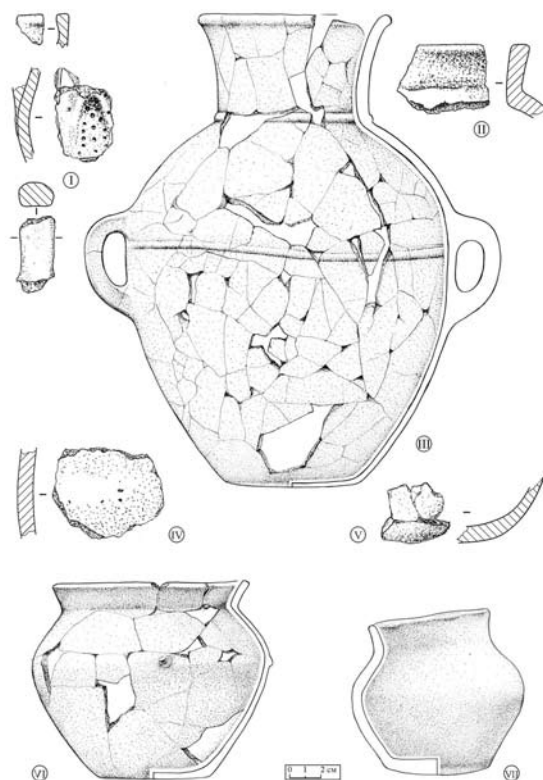

Рис. 5. Могильник Мандесарка-6, керамический комплекс из погребений и насыпей курганов: I — курган № 3; II — курган № 6; III, VI — курган № 2; IV — курган № 1; V — курган № 3; VII — курган № 4

формы (рис. 6, IX). Прясло относится к наиболее распространенной форме биконических пряслиц, таковые, по нашим подсчетам, составляют более 65 % находок изделий в южноуральских памятниках, использовались они на протяжении всего периода поздней древности.

Украшения представлены бусинами на кистях и пронизью на шее скелета. По одному комплекту бус располагалось на обеих кистях костяка. Все они однотипны — мелкие, непрозрачные, из черного стекла, в виде высоких и уплощенных цилиндров (рис. 6, X, XI). Поверхность гладкая, матовая, размеры от 0,5×0,15 до 0,5×0,5 см. Бусы изготовлены из трубочек. Такая технология и форма получили наибольшее распространение во II — первой половине III в. (Алексеева, 1978. С. 62–63). На шее погребенной зафиксирована металлическая (железная?) пронизь в виде спирали, закрученной в 3,5 витка (рис. 6, VIII). Изделие схоже с часто встречающимися аналогичными предметами из бронзы, которые получили наибольшее распространение во второй половине II — середине III в. (Скрипкин, 1984. С. 51–52).

Курган 4 (рис. 3, III). Насыпь овальной формы, вытянута по линии ЗСЗ–ВЮВ, размеры 21×16 м, высота 0,35 м. Надмогильное сооружение грунтовое, в бровках над погребенной почвой зафиксирован выкид из могильной ямы в виде красного суглинка, перекрытый серо-коричневым гумусом и дерном. В центре кургана над выкидом отмечены небольшие скопления древесного угля. Материк — на глубине 0,7 м от наивысшей точки насыпи.

В юго-восточной части насыпи найден неполный развал лепного плоскодонного неорнаментированного сосуда, размер и форма которого не восстанавливаются.

Под насыпью в центре кургана расчищено одно погребение в подбойной могильной камере (рис. 4, III). Входная часть, как и сам подбой, ориентированы по линии ЗСЗ–ВСВ, размеры ямы на уровне зачистки по матерiku 2,4×1,35 м. Дно входной ямы располагалось на глубине 1,3 м от материка, подбой располагался в юго-западной продольной стенке. Переход дна к подбою — без выраженной ступени, подбойная камера в длину меньше входной, ее стенки, как и свод, имеют наклонную вогнутую форму, дно плоское. В подбое расчищены фрагменты деревянной конструкции в виде продольных деревянных плах, при этом плаха у западной стенки обожжена. Все дно подбоя покрывал органический тлен желто-черного цвета, аналогичный органике из ямы кургана 2. Помимо этого органический тлен иного (волокнистого) строения зафиксирован на груди и на правой руке костяка.

В погребении находился один костяк, уложенный на спине, головой на северо-запад. Ноги вытянуты, руки располагались вдоль тела, левая слегка согнута в локте. Погребенный — мужчина в возрасте 25–30 лет. Сильная посмертная фрагментированность черепа позволила лишь констатировать несомненную европеоидность и слабо выраженную прижизненную деформацию (Нечвалода, 2016. С. 46).

Покойного сопровождал инвентарь, находившийся в пределах подбойной камеры. Слева в изголовье — лепной неорнаментированный керамический сосуд (рис. 5, VII), плоскодонный, горшечной формы, в профиль асимметричной формы.

С внешней стороны левой берцовой кости, ближе к стопе, находилась железная пряжка (рис. 6, III), которая представляет собой рамку округлой формы в передней части и прямоугольной — в задней (последняя шире). Язычок квадратный в сечении, на конце заострен, окончание не выходит за пределы рамки. Еще одна пряжка найдена у левой ступни (рис. 6, III). Она подовальной формы, с расширением в передней части, задняя часть плоская.

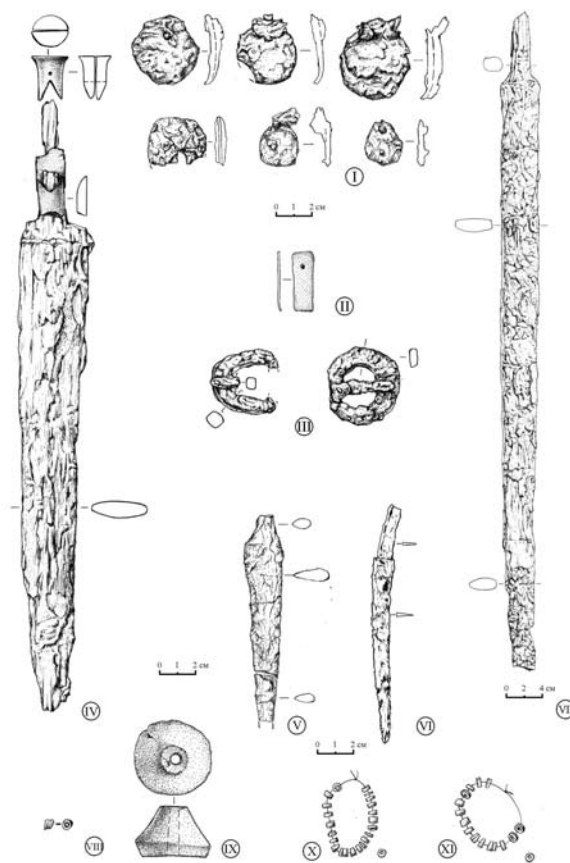

Рис. 6. Могильник Мандесарка-6, погребальный инвентарь: I, II — курган № 1; III, IV — курган № 4; V, VIII–XI — курган № 3; VI–VII — курган № 2

В сечении рамка сегментовидной формы. Язычок прогнут в средней части, переднее окончание не выступает за пределы рамки, заднее окончание округлой петлей охватывает рамку. Толщина (0,4 см) и ширина (0,6 см) язычка примерно одинаковы по всей длине. Эти железные пряжки аналогичны ряду пряжек из приуральских могильников Покровка 2 и Покровка 10, датируемых первой половиной III в. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 51. Рис. 202, 1–7).

С внешней стороны правой берцовой кости параллельно ноге острием к ступням лежал железный кинжал (рис. 6, IV). Общая его длина 36,5 см, длина клинка 27,5 см. Клинок линзовидный в сечении, плавно сужается к острию, ширина у основания 3,9 см. Переход к рукояти — в виде крутых (почти под прямым углом) плечиков. Рукоять биметаллическая, составная: тонкая железная пластина обложена полукруглыми деревянными накладками и четырьмя расположенными попарно бронзовыми накладками. Все накладки полукруглые в сечении, плотно облегают только железную основу рукояти; на тыльной стороне имеют полости, повторяющие форму изделий. Накладки крепились к рукояти и друг к другу тонкими железными заклепками, практически не сохранившимися. Пары накладок отличаются друг от друга. Расположенные у перехода к клинку имеют вид полуцилиндров (2,2×1,3×0,5 см) с одинаковыми выемками на торцах — дугообразными со стороны клинка и треугольными со стороны рукояти. Накладки на окончании рукояти имеют плавное расширение, оформляющее навершие в виде круглой площадки. Торцы накладок со стороны клинка имеют треугольную выемку. Изделие лежало в ножнах, следы от которых сохранились в виде волокнистого тлена ярко-желтого цвета.

Бронзовые накладки на рукоять, подобные рассматриваемой, появились в позднесарматское время. Сводки о находках представлены в работах В. Ю. Малашева и Л. Т. Яблонского (Малашев, Яблонский, 2008. С. 65), М. В. Кривошеева и Я. А. Лукпановой (Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 104). Ареал их распространения — от Подонья до Средней Азии. Для приуральских территорий список можно дополнить материалами из погребений кургана 4 могильника Солёный Дол (Шиманский, 2010. С. 121. Рис. 1, 13), кургана 14 могильника Красноуральский (Бытковский, 2010. С. 273. Рис. 2, 1), кургана 4 могильника Каратобе (Сейткалиев, 2014. С. 142, 145, 146. Рис. 2, 8), кургана 4 могильника Таксай I (Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 99, 104. Рис. 2, 8). Особенность описанных накладок — их размещение на рукояти кинжала, аналоги авторам неизвестны. Датировка подобных накладок — вторая половина II — III в. (Малашев, Яблонский, 2008. С. 65; Кривошеев, 2007. С. 68), характер перехода от клинка к рукояти (практически под прямым углом) указывает на III в. (Хазанов, 1971. С. 17).

Курган 6 (рис. 3, IV). Самый восточный погребальный комплекс могильника. Диаметр грунтовой насыпи 12 м, высота 0,2 м. По своей стратиграфии аналогичен курганам 3 и 4. Небольшие вкрапления угля встречены на уровне выкида из могильной ямы и в ее заполнении. В насыпи найдены: зуб мелкого рогатого скота (северо-восточный сектор), фрагмент лепного керамического сосуда (рис. 5, II) с ногтевыми прочерками (западная пола насыпи).

В центре кургана находилась одна могильная яма, ее очертания на уровне зачистки по материк (0,5 м от наивысшей точки насыпи) имеют неправильную подовальную форму, длина 1,97 м, ширина в северной части 0,45 м, в южной — 0,65 м. Длинной осью яма ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, стенки ее вертикальные, дно ровное, фиксируется на глубине 1,37 м от уровня материка.

В могиле было одно безынвентарное захоронение (рис. 4, IV). Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-северо-восток; руки вытянуты вдоль тела, кисти находились под тазом — левая ладонью вверх, правая — вниз. Ноги вытянуты и сведены в коленях. Кости скелета сильно сведены, однако не втиснуты в пределы ямы, что может говорить о тугом предпогребальном пеленании тела. Погребенная — женщина в возрасте 35–40 лет. Среди всех раскопанных костяков череп из кургана 6 показывает наибольшую степень деформации. Индивидуальный краниологический комплекс — долихокранный, широко- и высоколицый, клиногнатный европеоидный с умеренно выступающим носом, что весьма близко к так называемому приуральскому типу (Нечвалода, 2016. С. 45–46). Погребение может быть датировано только в широких пределах — середина II — III в.

Совокупная характеристика погребального обряда, заупокойного инвентаря и антропологические характеристики умерших позволяют отнести раскопанные комплексы к начальному этапу периода поздней древности (Любчанский, 2013. С. 280) или к древностям позднесарматской культуры — II–III вв. н. э. (Мошкова, 2004. С. 37, 38; Малашев, Яблонский, 2008. С. 63).

Список литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М. : Наука, 1878. 115 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 266 с.
- Бытковский О. Ф. Новые сарматские погребения из восточного Оренбуржья // Нижневолж. археол. вестн. 2010. № 11. С. 272–282.
- Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 65–70.
- Кривошеев М. В., Лукпанова Я. А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. История. 2015. № 5 (35). С. 98–111.
- Любчанский И. Э. Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности» // Гуннский форум: проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 280–297.
- Любчанский И. Э. Архитектоника могильников «поздней древности» Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 257–161.
- Максименко В. Е., Безуглов С. И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // Совет. археология. 1987. № 1. С. 183–191.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону : материалы и исслед. по археологии Дона. Ростов н/Д : Терра, 2000. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008. 365 с.
- Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 191–202.
- Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 22–44.
- Мошкова М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2009. 176 с.
- Нечвалода А. И. Люди позднесарматской культуры Южного Урала и Западного Казахстана по данным краниологии и антропологической реконструкции лица по черепу // Южный Урал в межкультурном пространстве культур: традиции и современность : материалы науч.-практ. конф. Челябинск : Абрис, 2016. С. 42–57.
- Сейткалиев М. К. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане // Stratum plus. 2014. № 4. С. 141–148.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1984. 149 с.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука, 1971. 169 с.
- Шиманский Е. О. Могильник Солёный Дол. Вещевой инвентарь (по материалам раскопок 2006–2009 гг.) // Уфим. археол. вестн. 2010. № 10. С. 121–126.

LATE SARMATIAN BURIALS OF THE MANDESARKA-6 BARROW

M.R. Makurova, Yu.S. Makurov, E.O. Shimanskiy

The article is dedicated to the publication of archaeological studies of the Mandesarka-6 barrow, located in the Southern Trans-Urals. There authors described funerary constructions and equipment of five excavated barrows and listed similar artefacts of Volga-Ural region's burials. The complexes under consideration were dated the second half of II–III century AD.

Keywords: *Southern Trans-Urals, the Sarmatians, late Sarmatian period, Late Antiquity, Artificial cranial deformation, bimetallic dagger.*

ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЬЦЕВОГО СВЯТИЛИЩА САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ПОСЕЛКА ПЕРЕВОЛОЦКОГО (предварительные результаты)¹

Н. Л. Моргунова, Е. А. Купцов

Публикуются результаты, полученные в ходе археологического исследования кольцевого святилища в Переволоцком районе Оренбургской области, сооруженного носителями сарматской прохоровской культуры в IV–II вв. до н. э.

Ключевые слова: сарматская культура, кольцевое святилище, курган, кости животных, керамика, накладки на сосуд.

В течение полевых сезонов 2012–2013 гг. в Переволоцком районе Оренбургской области Оренбургской археологической экспедицией (ОАЭ) ОГПУ был исследован курганный могильник Переволоцкий I. Памятник выявлен в 2011 г. отрядом ОАЭ во главе с А. А. Евгеньевым в ходе обследования земельного участка, отводимого под строительство битумного завода, на западной окраине поселка Переволоцкого (Евгеньев, 2011. С. 19).

В ходе спасательных работ, обусловленных строительством битумного завода, были раскопаны курганы 1, 3, 4, 5, 6, 7, содержавшие 24 погребения эпохи бронзы — раннего железного века. Неизученным остался курган 2, находящийся за пределами зоны строительства. Материалы исследования курганов 1, 3–5 и 7 частично опубликованы (Моргунова и др., 2016. С. 21–51). Целью настоящей публикации является введение в научный оборот данных, полученных в ходе раскопок кургана 6, представлявшего собой кольцевое сооружение — святилище.

Подобные сооружения встречаются практически на всей территории расселения кочевников раннего железного века², в том числе и среди памятников сарматской культуры Южного Урала. В настоящее время только на территории современной Оренбургской области известно более 30 таких сооружений. Как правило, они входят в состав курганных могильников, но известны и одиночные святилища (Яблонский, 1991. С. 12, 59; Мещеряков, 1997. С. 19, 51; Краева, 2013. С. 18–20, 48–49 и др.). Тем не менее в Оренбуржье, Западном Казахстане и Челябинской области таких кольцевых сооружений исследовано относительно немного. В подавляющем большинстве они относятся к кругу памятников позднесарматской культуры (Смирнов, Попов, 1969. С. 210–216; Мошкова, 1984. С. 196–201; Малашев, Яблонский, 2008. С. 68; Любчанский, 2017. С. 86–93). Вследствие этого материалы исследования кургана 6 могильника Переволоцкий I позволяют существенно дополнить имеющиеся данные о хронологии и функциональном назначении подобных сооружений.

Курганный могильник Переволоцкий I располагался на площадке первой надпойменной террасы левого берега р. Самара, в 2 км к западу от поселка Переволоцкого (рис. 1). Современное русло р. Самары находится в 0,8 км к северу от могильника. В 0,5 км к югу от могильника проходит железная дорога Самара — Оренбург, а за ней — автотрасса того же направления.

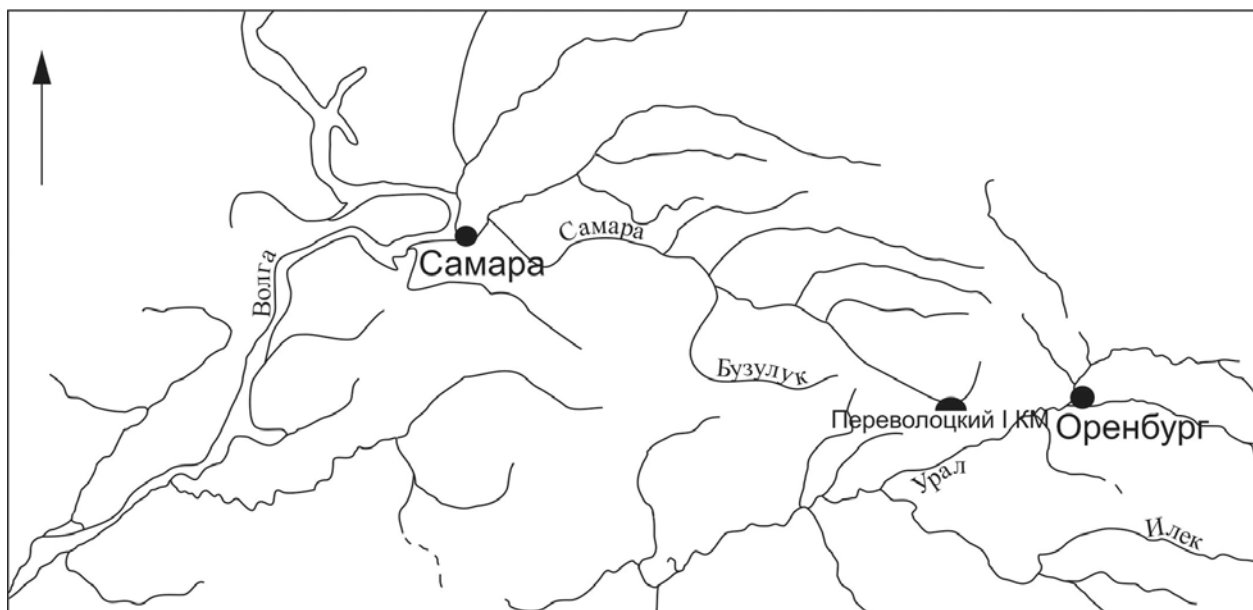
Курган 6 являлся самым южным объектом могильника. Сооружение представляло собой кольцевой вал, внутри которого наблюдалась круглая площадка глубиной до уровня современной поверхности. Валы и рвы были хорошо задернованы, внутренняя площадка густо заросла кустарником из чилиги и дикой вишни. Густые заросли покрывали северный склон вала. По краю южной стороны сооружения проходит ЛЭП, непосредственно за курганом начинается лесополоса (рис. 1, 2).

Диаметр сооружения по внешнему кругу от внешнего основания вала достигал 46–48 м. Диаметр внутренней площадки — около 26 м. Вал по основанию имел ширину от 8 до 14 м. К его внешней стороне примыкал ров шириной около 6 м.

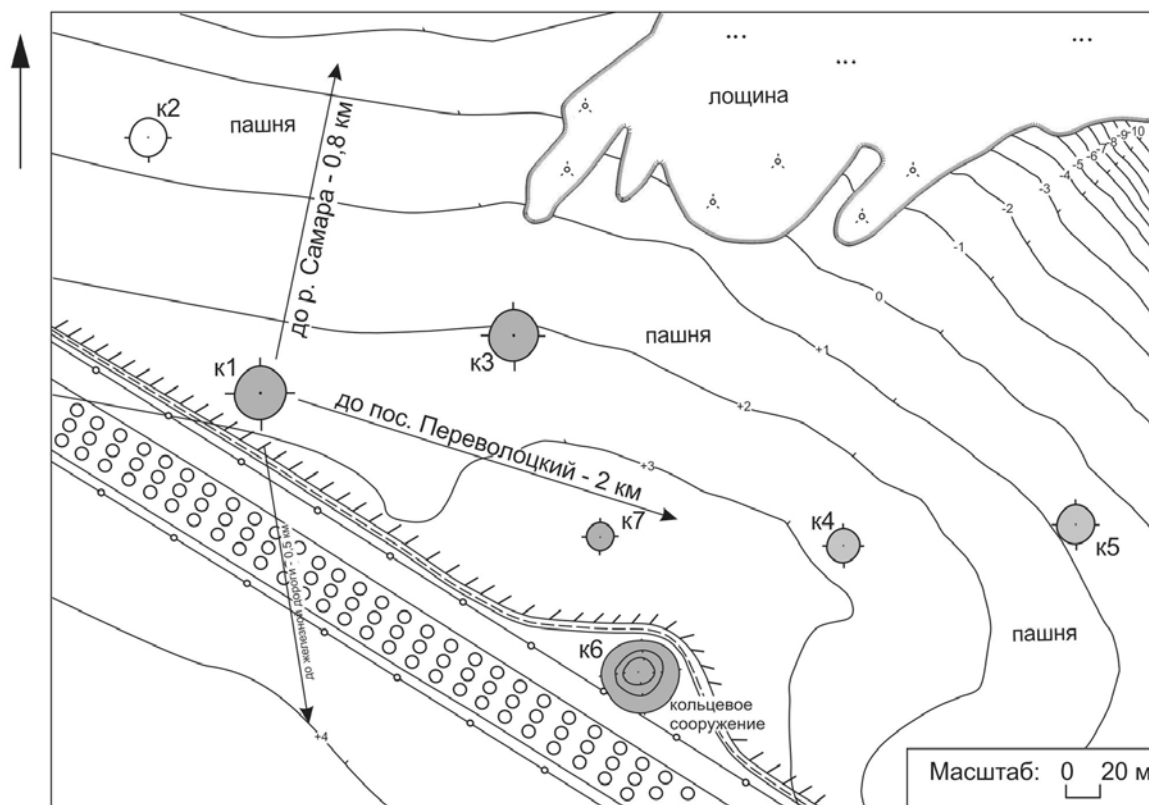
Раскопки сооружения велись тремя траншеями (рис. 2). Их длина составила 60 м. Длина траншей определялась необходимостью изучения рва, охватывавшего вал по всей окружности с его внешней стороны. Ширина южной траншеи 8 м, центральной — 7 м, северной — 6 м.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, госзадание № 33.1389.2017/ПЧ.

² Кроме кольцевых сооружений на этой же территории известны и близкие по конструкции сооружения прямоугольной формы, однако их обзор выходит за рамки данной статьи.

1

2

Условные обозначения:

- курган	- край пашни	- пашня	- курганы, исследованные в 2012-2013 гг.
- направление на ориентир	- ЛЭП	- лесополоса	
- линия горизонтали	- степная растительность	- обрыв	
- полевая дорога	- кустарник	- неисследованный курган	

Рис. 1. Курганный могильник Переволоцкий I: 1 — ситуационный план могильника;
2 — план могильника, условные обозначения

Траншеи вскрывалась равномерно при помощи автотехники по всей длине, первоначально на валах, постепенно захватывая серединную часть сооружения. В целом ширина раскопа составила 25 м. Для стратиграфических наблюдений были оставлены две бровки шириной 2 м.

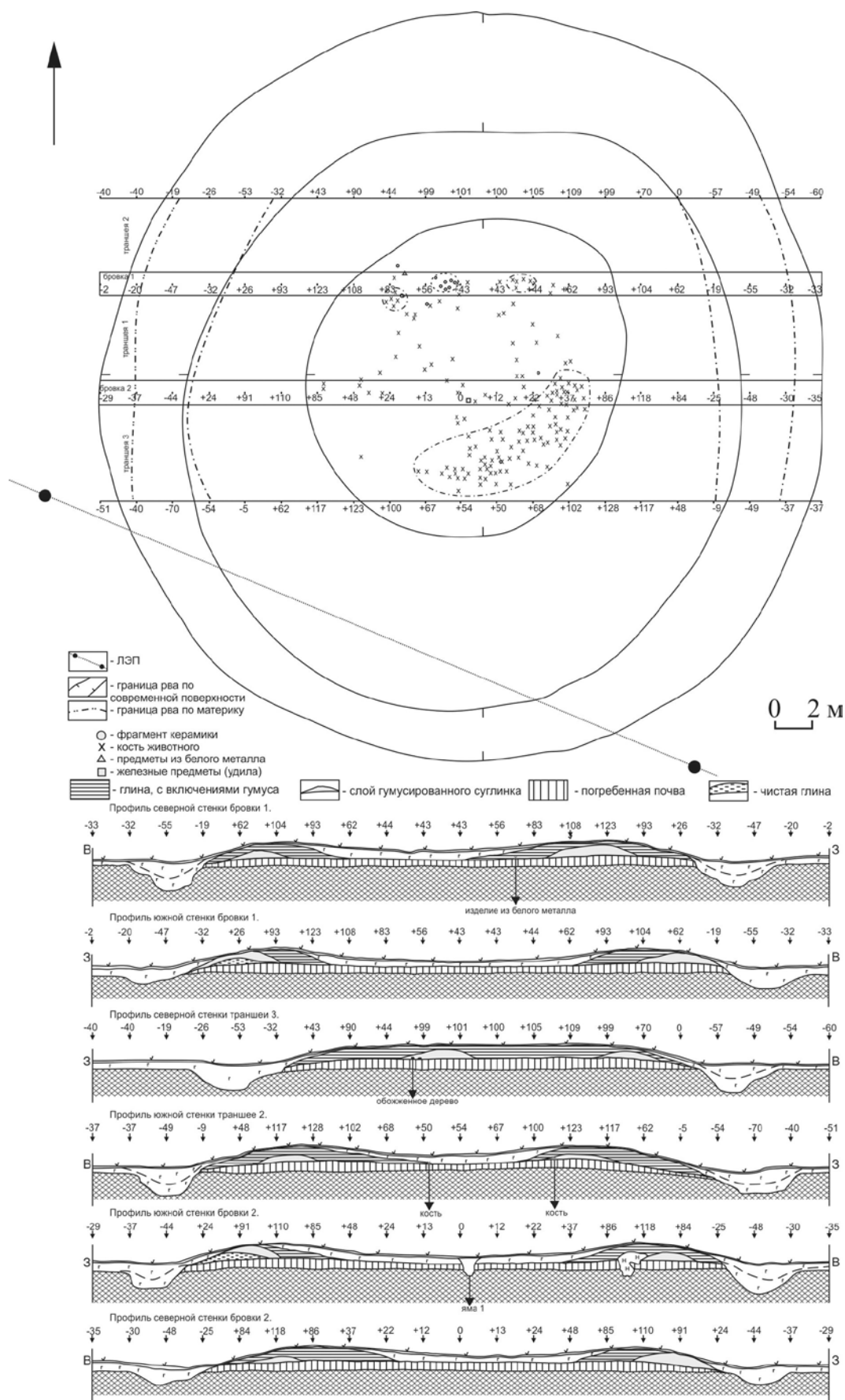

Рис. 2. Курганный могильник Переволоцкий I.
Общий план и профили бровок кургана 6 (кольцевого сооружения)

За нулевой репер был взят центр кольцевого сооружения (самая низкая точка кургана).

Полностью исследованными оказались центральная часть кольцевого сооружения, а также вал и ров с запада и востока. Через южный участок кургана проходит ЛЭП (ближайший столб находился в 6 м от края), а с северной стороны край вала и ров оказались сnivelированы полевой дорогой. Поэтому южная часть сооружения и край его северной половины не раскапывались. Однако в связи с тем, что стенка крайней северной траншеи прошла через высшую точку вала, удалось получить его полный стратиграфический разрез. Стратиграфия сооружения прослежена по шести профилям стенок бровок и траншей (рис. 2).

Слой дерна на вершинах вала не превышал 15 см. По мере понижения по склонам на внутреннюю площадку и по внешним склонам во рвы мощность дерна постепенно возрастала. В центре кургана под слоем дерна отложился слой черного гумуса мощностью до 40–50 см.

Под слоем гумуса залегал слой погребенной почвы, состоявшей из гумусированного суглинка коричневого цвета. Слой погребенной почвы распространялся и под валами, где его верхняя граница проходила примерно на 10 см выше, чем на внутренней площадке (видимо, там верхние сантиметры почвы были утопаны или срезаны устроителями сооружения). За пределами внешнего склона вала погребенная почва была срезана рвом.

Вал имел цельную, единовременно возведенную конструкцию без последующих досыпок. Почва для его сооружения полностью бралась из рва. Со стороны рва нижнюю часть вала представлял серый гумус с включением комков глины, верхняя часть вала была сложена из чистой глины. Высота вала от уровня погребенной почвы по центральному профилю составила 1,1–1,2 м. Ширина вала по основанию достигала 10–12 м.

По обоим краям траншей четко обозначались границы рвов, заполненных черным гумусом. Ширина рвов на уровне материка составляла 5–6 м. Заполнение рвов условно можно разделить на два горизонта: верхний — более гумусированный, почти черного цвета, и нижний — более промытый, темно-коричневого цвета, плотный суглинок.

Рвы были прокопаны вручную. Их глубина от уровня погребенной почвы достигала 3 м. Предметов во рвах не обнаружено.

На внутренней площадке после снятия верхних 10–15 см дерна стали встречаться кости животных. Большое скопление костей отмечено в центральной части траншеи № 1 и траншеи № 3 (рис. 2; 3). Скопление представляло собой кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей: в основном челюсти, конечности и ребра, но присутствовали и другие виды костей.

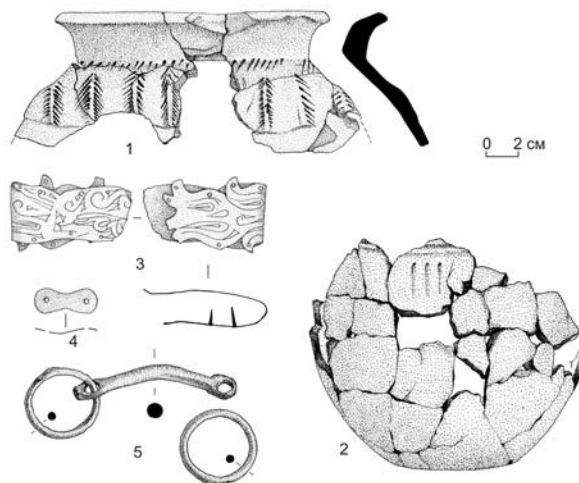
Среди костей обнаружены фрагменты двух сосудов. Фрагменты сосуда 1 были зафиксированы в разных частях подкурганной площадки. Развал сосуда 2 зафиксирован под бровкой № 1 в 8,8 м к северу от нулевого репера. В южной полке под центральной бровкой, в 1,5 м к юго-востоку от нулевого репера на глубине 20 см от уровня почвы найдены железные изделия (удила). В 11 м к северо-западу от нулевого репера на глубине 18 см от уровня почвы найдены два предмета из белого металла — согнутая металлическая пластина и небольшое изделие — оковка деревянного сосуда.

Сосуд 1 (рис. 4, 1) сохранился фрагментарно. Уцелела в основном его верхняя часть. Лепной плоскодонный сосуд яйцевидной формы, срез венчика прямой под наклоном, венчик отогнут. Диаметр венчика 17,5 см. По стыку горловины и тулова нанесена горизонтальная линия, состоящая из косых насечек. Под ней идет ряд вертикальных налепов, ornamentированных елочкой. В глине примесь талька.

Сосуд 2 (рис. 4, 2) сохранился фрагментарно, верхняя часть отсутствует. Лепной горшковидный сосуд с уплощенным дном, коричневого цвета, лощеный. Высота сосуда 14,5 см, диаметр максимального расширения тулова 17,2 см. Толщина стенок 0,5 см, дна — 0,7 см. На стыке горла и тулова расположены две параллельные горизонтальные прочерченные линии, по плечу нанесены вертикальные линии.

Железные изделия (удила) (рис. 4, 5) представляют собой два кольца диаметром 5 см, в сечении 5 мм, и металлический вогнутый стержень (грызло) с двумя отверстиями по краям, в одно из которых продето кольцо. Судя по сохранности металла и типу изделия, данные находки, вероятней всего, относятся к Новому времени.

Рис. 4. Курганный могильник Переволоцкий I. Курган 6 (кольцевое сооружение): 1 — сосуд № 1; 2 — сосуд № 2; 3–4 — накладки из белого металла; 5 — железные удила

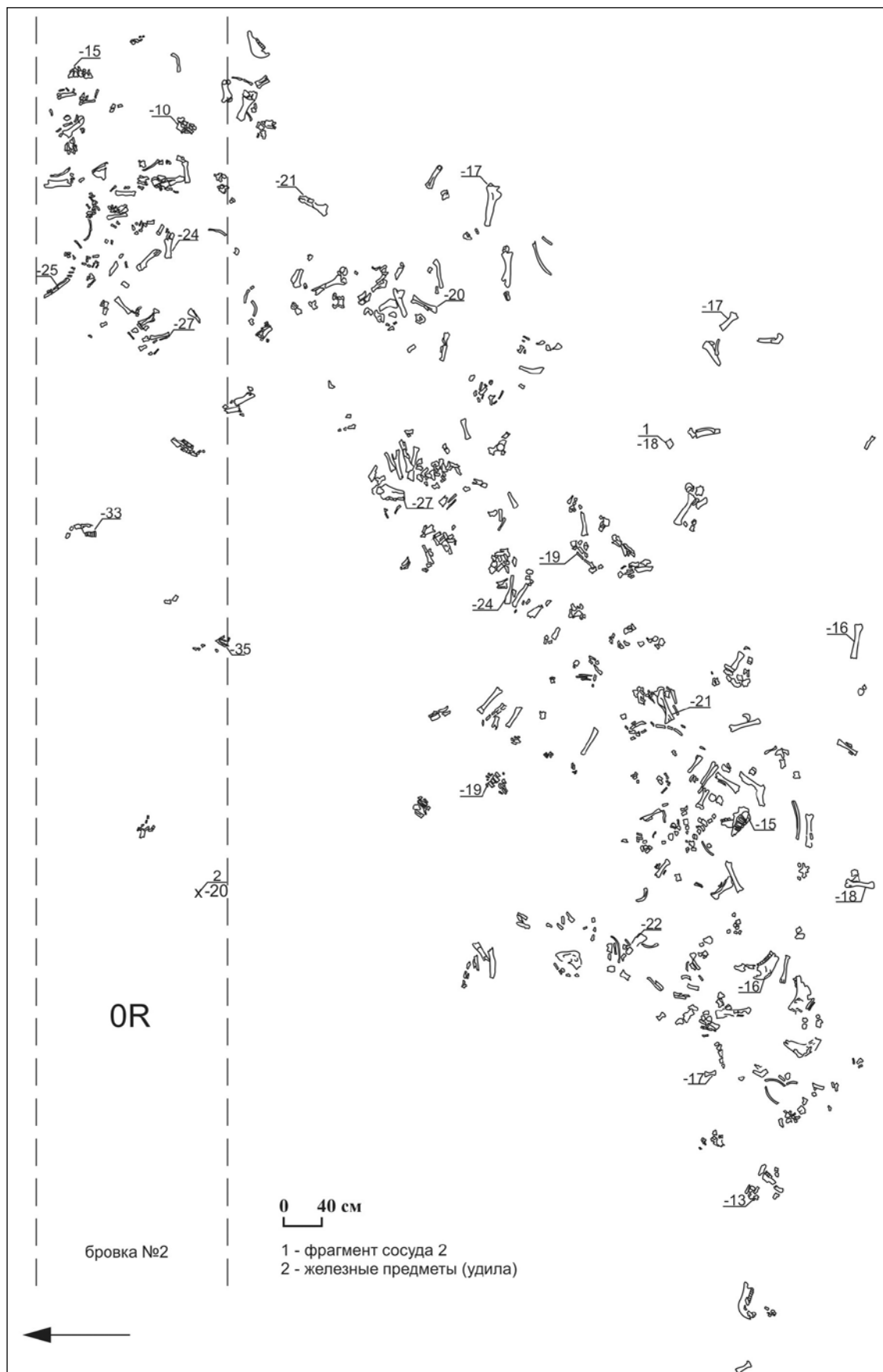

Рис. 3. Курганный могильник Переволоцкий I. Курган 6 (кольцевое сооружение).
Скопление костей животных в траншее № 2

Предметы из белого металла (рис. 4, 3–4). Первое изделие — оковка деревянного сосуда — металлическая пластина длиной 15 см, шириной 5 см и толщиной 0,3 мм. Один из краев обломан. Обкладка свернута вдвое, вероятно, более ажурная часть ее размещалась на внешней стороне сосуда. По краю пластины сделаны отверстия для крепления, в двух из которых сохранились гвоздики (также из белого металла). Поверхность предмета орнаментирована прочерченными линиями, которые составляют узор растительного происхождения. Второе изделие — металлическая пластина из белого металла, восмерковидной формы, с двумя отверстиями по краям. Длина 4 см, ширина 1 см, толщина 0,3 мм.

После расчистки вручную жертвенных костей на внутренней площадке слой погребенной почвы мощностью до 60–70 см был снят при помощи грейдера. Вручную была произведена зачистка по всей длине траншей. Какие-либо объекты (ямы, каменные и деревянные сооружения, следы кострищ) в центральной части сооружения и под валами не выявлены.

Находки керамики с примесью талька и металлических накладок на сосуды, аналоги которым хорошо известны в памятниках сарматской прохоровской культуры Южного Приуралья, позволяют предварительно датировать сооружение и функционирование кургана 6 могильника Переволоцкий I в пределах второй половины IV — II в. до н. э. В свете исследований предыдущих лет это свидетельствует о длительном сохранении (вплоть до III–IV вв. н. э.) традиции возведения кольцевых сооружений у сарматского населения региона.

Значительное количество костей животных в пределах центральной площадки кургана 6 позволяет предполагать его неоднократное использование в качестве места для ритуальных жертвоприношений, совершаемых при отправлении религиозных или погребальных обрядов.

Список литературы

Евгеньев А. А. Отчет о проведении археологической разведки в Александровском, Переволоцком, Ташлинском, Северном и Первомайском районах Оренбургской области в 2011 г. по Открытому листу № 189 // Архив АЛ ОГПУ. 2012.

Краева Л. А. Отчет о проведении археологических разведок на территории Соль-Илецкого и Акбулакского районов Оренбургской области в 2012 г. по Открытому листу № 329 // Архив АЛ ОГПУ. 2013.

Любчанский И. Э. Курганный могильник Солёный Дол (итоги исследований 2006–2010 годов). Челябинск : Абрис, 2017. 132 с.

Мещеряков Д. В. Отчет о разведках в Переволоцком и Акбулакском районах и разведках и раскопках в Сакмарском районе Оренбургской области в 1996 г. по Открытому листу № 625 (форма № 2) // Архив АЛ ОГПУ. 1997.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008. 365 с.

Моргунова Н. Л. и др. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург : Университет, 2016. С. 21–51.

Мошкова М. Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 196–201.

Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М. : Наука, 1969. С. 210–216.

Яблонский Л. Т. Отчет об археологических разведках на территории Соль-Илецкого и Акбулакского районов Оренбургской области РСФСР по Открытому листу № 33 // Архив АЛ ОГПУ. 1991.

THE STUDY OF THE SANCTUARY RING OF THE SARMATIAN CULTURE IN THE PEREVOLOTSKIY VILLAGE (preliminary results)

N.L. Morgunova, E.A. Kuptsov

The article publishes the results obtained during the archaeological research of the sanctuary ring in the Perevolotsky district of the Orenburg region, built by the bearers of early Sarmatian (Prokhorovo) culture in the IV–II centuries BC.

Keywords: *Sarmatian culture, ring sanctuary, barrow, animal bones, ceramics, vessel onlays.*

ПРЯСЛИЦА ИРТЯШСКИХ ГОРОДИЩ

А. М. Наумов, Е. Ю. Головина

Статья посвящена описанию и сравнительному анализу материалов изготовления, форм, размеров, орнаментации и вариантов использования пряслиц Иртышских городищ раннего железного века и средневековья Южного Урала.

Ключевые слова: *пряслице, ранний железный век, Южный Урал, Иртышские городища.*

Объектом исследований Озерской археологической экспедиции являются Иртышские городища — комплекс укрепленных поселений раннего железного века и средневековья, расположенных по берегам Каслинско-Иртышской системы озер в северной части Челябинской области. Иртышские городища являются одной из самых южных групп памятников в рамках иткульской и гамаюнских археологических культур. Характеристика Иртышских городищ представлена в ряде работ А. Г. Гаврилюком и А. М. Наумовым (Гаврилюк, Наумов, 2004; Наумов, 2016).

Самой распространенной категорией изделий среди находок на Иртышских городищах являются пряслица. В археологии пряслице — это изделие, выполненное из глины, керамики, камня, режущие кости, металла, преимущественно круглое в горизонтальном сечении, которое имеет по оси вращения сквозное отверстие диаметром 0,3–1 см. Но встречаются и пряслица весьма различных форм — овальные, квадратные или треугольные. Пряслица использовались людьми с эпохи неолита. До сих пор истинное предназначение этих предметов является темой для дискуссий. Существует несколько основных гипотез:

- 1) это маховики веретен (но количество пряслиц, обнаруживаемых в культурном слое поселений, многократно превышает любую мыслимую потребность в прядении нитей);
- 2) грузила для рыболовных сетей и простейших ткацких станков;
- 3) аналоги современных денег (например, овальные шиферные пряслица);
- 4) обереги (наличие рисунков и орнаментов, прежде всего солярной символики), атрибуты украшений шаманов;
- 5) простейшие застежки, пуговицы.

Целью данной работы стал сравнительный анализ пряслиц из Иртышских городищ.

Для анализа пряслиц нами была сделана выборка изделий из коллекции Иртышских городищ раннего железного века: иткульских Иртышского 1 (ИрГ 1) и Иртышского 2 (ИрГ 2), иткульско-гамаюнских городищ Шатанов-1 (ШГ 1) и Шатанов-2 (ШГ 2), а также городища Ужовый Остров I (УО 1), относящегося к эпохе средневековья и являющегося, по сути, укрепленной производственной площадкой. Всего проанализировано 335 артефактов, относящихся к категории «пряслице», в том числе: из ИрГ 1 — 111 экземпляров, ИрГ 2 — 65, ШГ 1 — 57, ШГ 2 — 40, УО 1 — 62 экземпляра.

Для анализа мы разделили предметы на следующие категории:

- 1) пряслице — диск с отверстием в центре (П);
- 2) фрагмент пряслица — фрагмент диска с отверстием в центре (Пф);
- 3) заготовка пряслица — изделие с незавершенным процессом обработки (например, оформленный диск с намеченным отверстием, диск без отверстия, изделие с отверстием, но необработанным краем) (ПЗ);
- 4) фрагмент заготовки пряслица — фрагмент изделия с незавершенным процессом обработки (ПЗф).

Статистическая обработка каждой категории велась по 21 признаку с учетом размеров, формы, материала, способов изготовления и обработки, степени сохранности и других параметров.

Для представления о частоте нахождения и использования в древности пряслиц нами введен коэффициент встречаемости. Наибольшую насыщенность показывают иткульские городища (ИрГ 1 и ИрГ 2) — 1/2,35 кв. м и 1/4,36 кв. м соответственно. Иткульско-гамаюнские городища (ШГ 1 и ШГ 2) показывают меньшее соотношение — 1/20,37 кв. м и 1/8,26 кв. м соответственно. Такая разница обусловлена долговременностью и многослойностью Иртышских городищ 1 и 2, в то время как городища Шатанов-1 и Шатанов-2 являются однослойными памятниками, причем время существования городища Шатанов-1 было непродолжительным. Схожий с показателями городища Шатанов-1 результат дает и коэффициент встречаемости городища Ужовый Остров — 1/7,58 кв. м.

Основой для изготовления пряслиц в подавляющем большинстве (87,8 %) служили фрагменты разбитой керамической посуды (рис. 1). Объяснением этого является обилие битой посуды и очевидная простота изготовления. Экспериментальным путем установлена продолжительность вытачивания и шлифовки изделия — не более пяти минут, продолжительность ручного сверления отверстия — около трех минут. Камень (преимущественно тальк-альгаматолит, а также сланец) и глина в изготовлении пряслиц использовались эпизодически, металлическое пряслице найдено в единственном экземпляре и, вероятнее всего, являлось изделием, используемым в неутилитарных целях. Причем на иткульских городищах (ИрГ 1 и ИрГ 2) камень и глина применялись для изготовления пряслиц, на городище Шатанов-2 все предметы изготовлены из стенок сосудов.

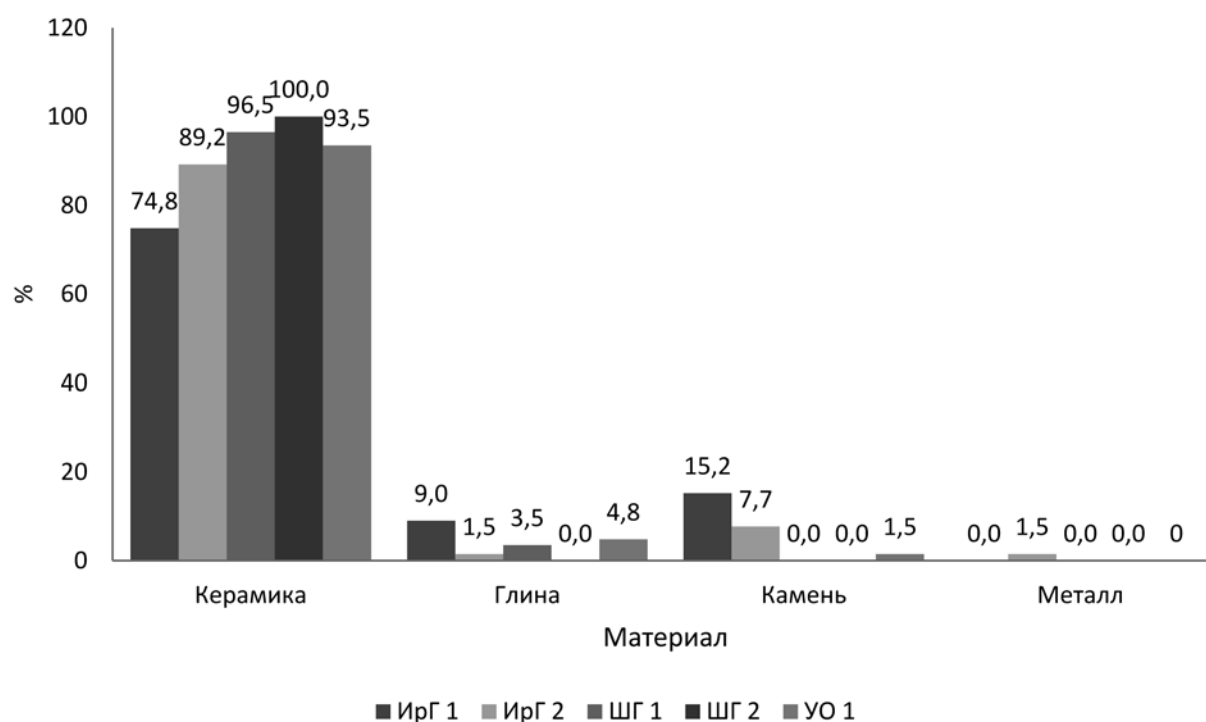

Рис. 1. Распределение пряслиц по материалу изготовления

Из 335 изделий готовых, законченных (целые пряслица и отдельные фрагменты) — 68,4 %, заготовок (целых и отдельных фрагментов) — 31,6 % (рис. 2). Показатель «готовые изделия» на иткульских памятниках (ИрГ 1 и ИрГ 2) превышает среднее значение, иткульско-гамаюнские городища (ШГ 1 и ШГ 2) показывают значения этого показателя ниже среднего. На средневековом городище УО 1 наблюдается четырехкратное превышение готовых изделий над заготовками. Во многом это объясняется не только частотой использования предмета, но и качеством исходного сырья, то есть фрагментов керамики, из которых изготавливалось большинство пряслиц. На городищах ШГ 1 и ШГ 2 пряслица в основном изготовлены из стенок гамаюнских сосудов, уступающих иткульским и тем более петрогромским по толщине и прочности. Как следствие, часто ломающиеся пряслица из «гамаюнской» керамики постоянно требовали замены.

Одной из отличительных характеристик пряслиц является их конфигурация (рис. 3). Форму круга имеют 64,5 % изделий, овала — 11 %, квадрата — 9 %, многоугольника со скругленными краями — 15,5 %. Гипотетически можно предположить различное использование изделий в зависимости от их формы. Как особенность стоит отметить, что все некруглые предметы изготовлены из стенок сосудов, в то время как глиняные и каменные пряслица имеют круглую форму.

Одним из показателей, характеризующих возможное использование пряслиц, является центровка отверстия (рис. 4). Лишь на ИрГ 2 и УО 1 наблюдается более чем двукратное превышение пряслиц с отцентрованными отверстиями над пряслицами, у которых отверстие смещено относительно центра. Таким образом, использование неотцентрованных пряслиц в качестве маховика для веретена весьма неудобно, так как создает его разбалансировку.

Орнаментация пряслиц может свидетельствовать о сакрализации предмета, причем уже сама форма изделия наделяет его солярной символикой. В эпоху железа по мере развития

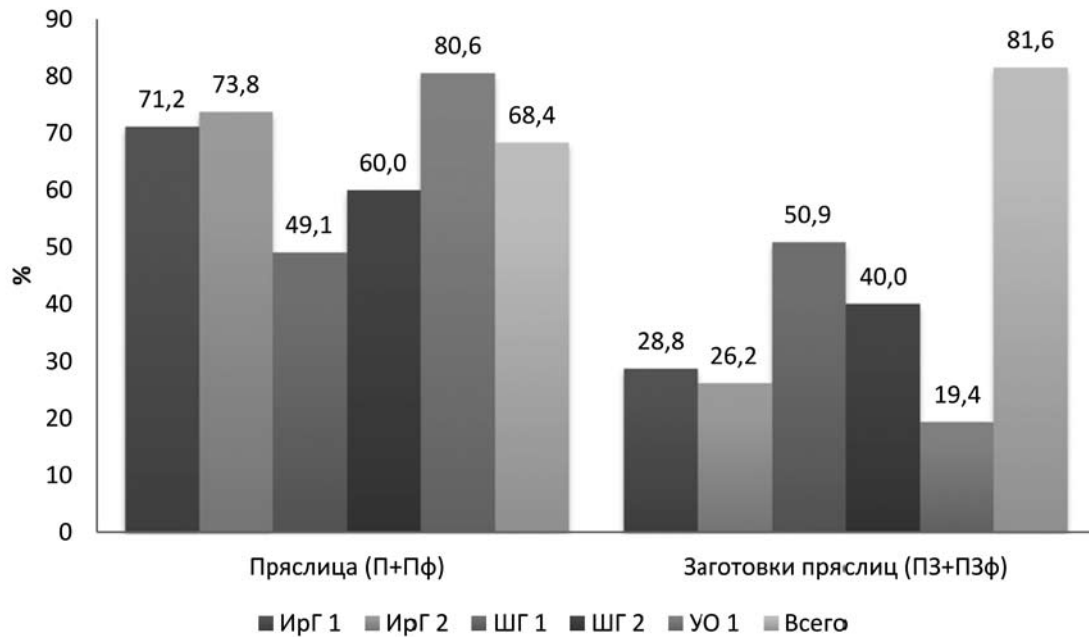

Рис. 2. Соотношение пряслиц и заготовок

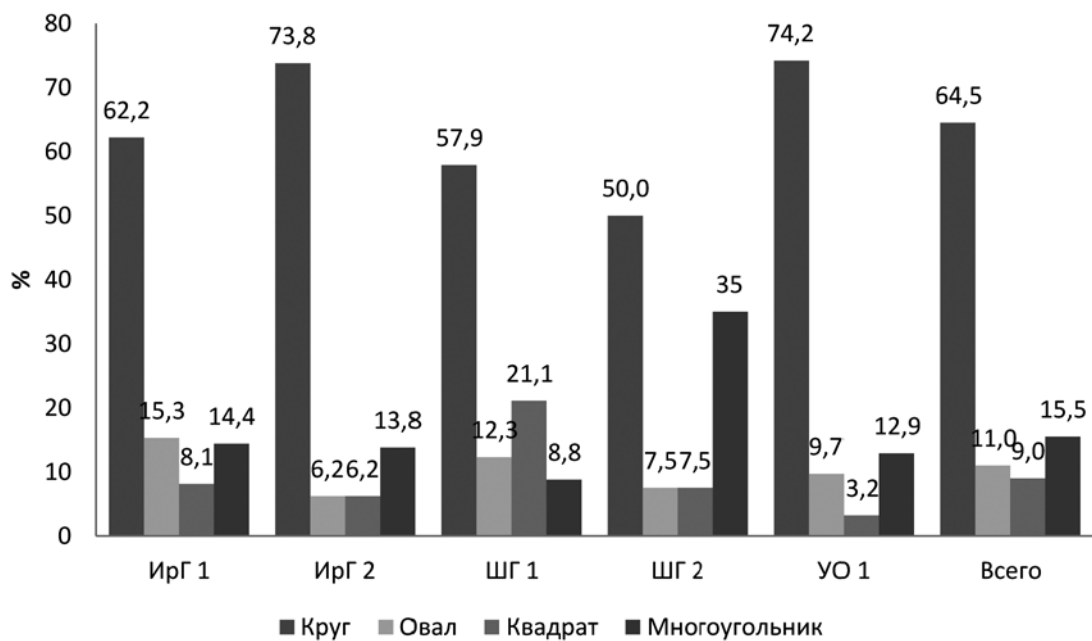

Рис. 3. Форма пряслиц

шаманских верований солярно-астральная символика, характеризующая древние представления о мире, все более переходит со стенок сосудов на шаманскую атрибутику, в частности на бубны (Косарев, 1991. С. 168). На каменных (тальковых) и керамических пряслицах из Иртышских городищ орнамент нанесен радиальными и концентрическими резными линиями, на глиняных — точками, наколами, располагающимися по окружности в несколько рядов, насечками по гурту. Орнаментированных пряслиц на Иртышских городищах не так много, в среднем 7,8 % (рис. 5). Наибольшее количество их наблюдается на городище УО 1 (16,1 %), в то время как на ШГ 2 орнаментированных пряслиц не найдено. Возможно, это связано с утилитарным назначением пряслиц в среде иткульско-гамаюнского населения. Можно предположить зависимость доли орнаментированных (то есть «сакрализованных») пряслиц от степени развитости металлургического производства на памятнике: на иткульских и петрогромском городищах с развитой металлургией доля орнаментированных изделий выше. Но

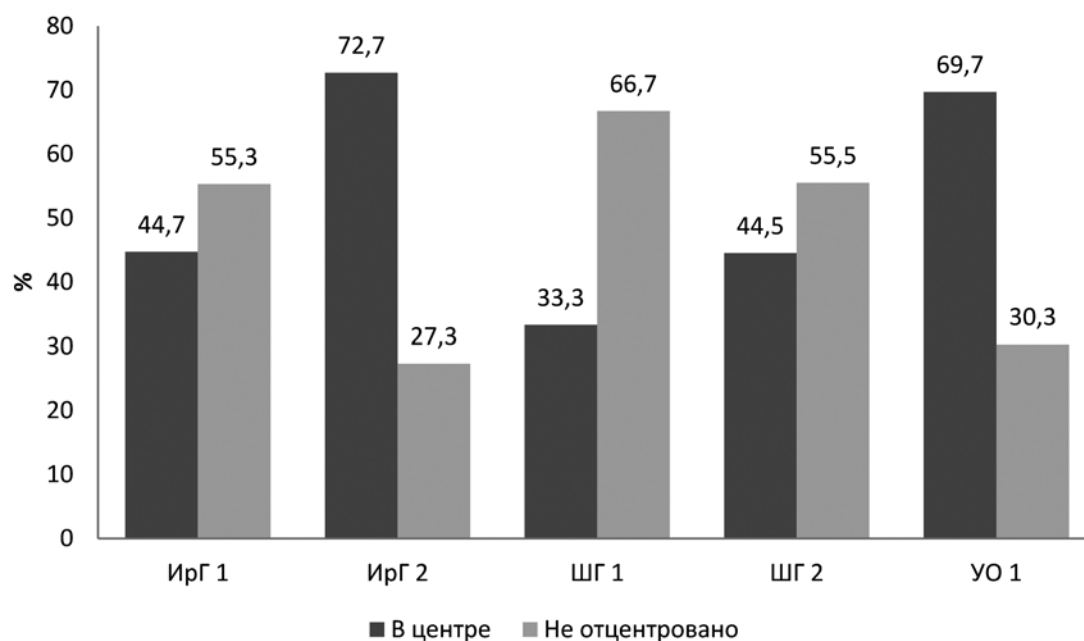

Рис. 4. Распределение пряслиц по центровке отверстий

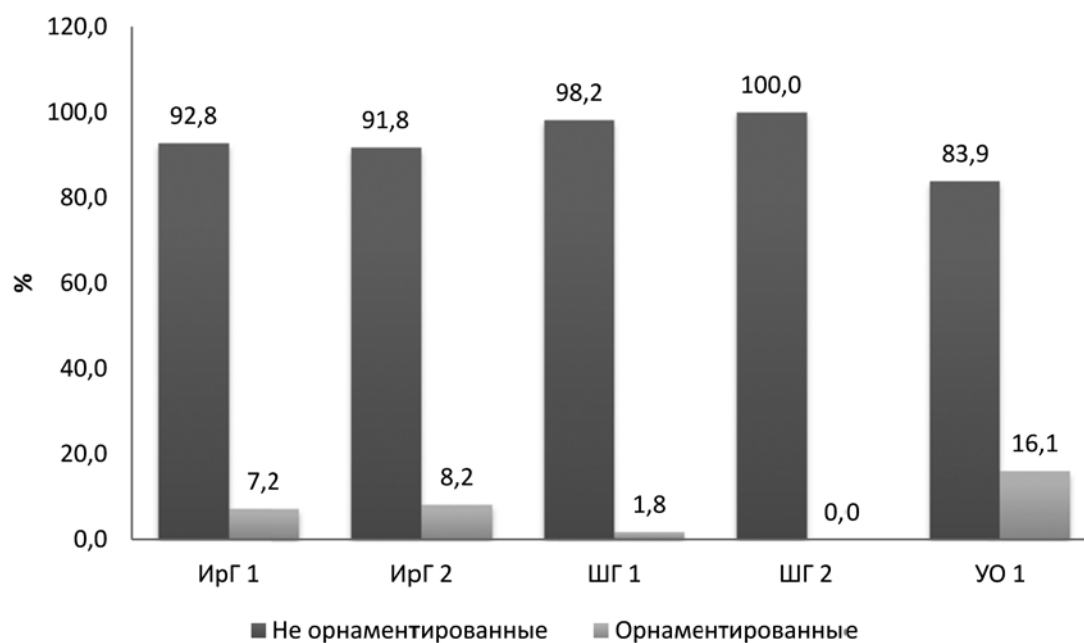

Рис. 5. Степень орнаментированности пряслиц

анализ мест нахождения пряслиц в комплексе с металлургическими печами такой зависимости не выявил — все найденные в заполнении печей изделия были неорнаментированными.

Несмотря на разнообразие размеров пряслиц и их заготовок (от 1,8 до 7,2 см в диаметре) большинство изделий имеют следующие размеры: диаметр от 2,3 (ШГ 1) — 2,9 (ИрГ 1) см до 4 (ШГ 1) — 5,2 (УО 1) см; толщина от 0,5 до 0,8 см; диаметр отверстий от 0,4 до 0,7 см. Толщина пряслиц обусловлена толщиной исходного материала (стенок сосудов). При этом мы фиксируем, что фрагменты керамики на памятниках раннего железного века значительно мельче, чем на средневековом городище УО 1, так как средневековые сосуды более крупные и толстостенные. Это отражается и на средней толщине пряслиц: ШГ 2 — 0,6 см, ШГ 1 — 0,62 см, ИрГ 1 — 0,62 см, ИрГ 2 — 0,67 см, УО 1 — 0,75 см. В свою очередь средние диаметры изделий и отверстий практически одинаковы на всех памятниках (рис. 6). Таким образом, зависимость размера готовых пряслиц от размера фрагментов керамики не прослеживается. Это наводит на мысль о возможном существовании некоего «стандарта» — диаметр пряслица

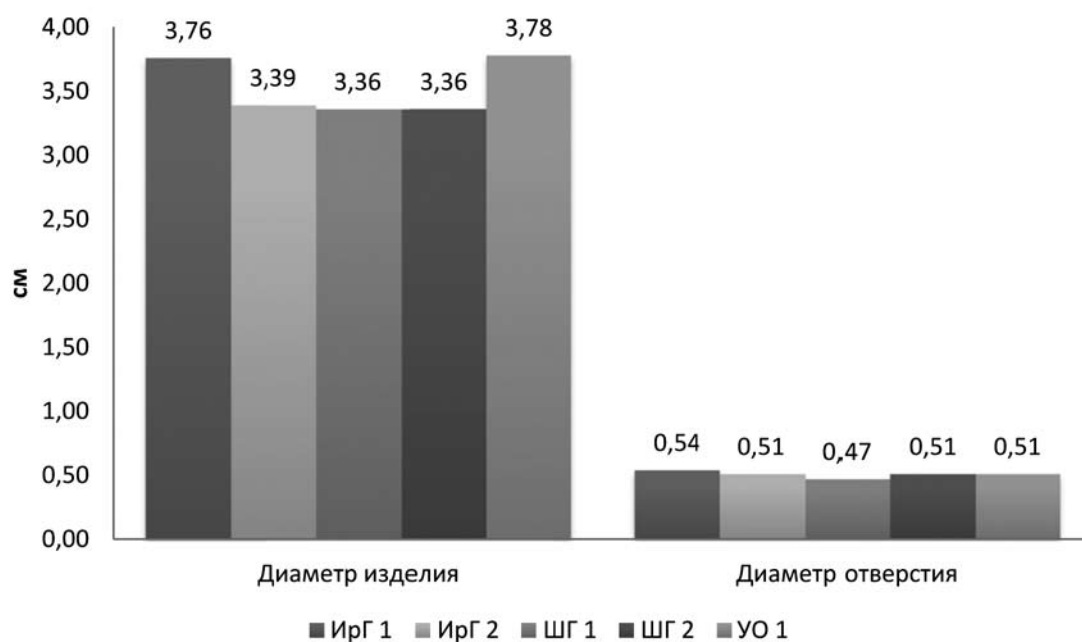

Рис. 6. Средние размеры пряслиц

около 3,5 см, диаметр отверстия 0,5 см, причем этот «стандарт» характерен не только для памятников раннего железного века, но и для средневекового городища УО 1.

Расположение изделий на объектах также различно. На иткульско-гамаюнских городищах ШГ 1 и ШГ 2 пряслица располагаются преимущественно на территории жилищ (70 %). Причем в развалах жилищ большинство предметов находятся в целом состоянии, в то время как вне жилищ они в большинстве своем фрагментированы. На иткульских городищах ИрГ 1 и ИрГ 2 такой зависимости проследить не удалось ввиду многочисленных переотложений слоев вследствие долговременности существования поселения, наличия нескольких культурных и строительных горизонтов. Практически вся исследованная площадь городищ ИрГ 1 и ИрГ 2 занята развалами жилищ, металлургических печей, производственных площадок, причем отдельные печи располагались внутри жилищ. Часто упоминаемая привязка пряслиц к производственным объектам — металлургическим печам — в качестве «сакрального» сопровождения процесса зафиксирована на всех памятниках (за исключением ШГ 2), но само это явление на Иртышских городищах можно считать скорее эпизодическим, разовым (от одного случая на ШГ 1 до пяти на УО 1).

Таким образом, анализ пряслиц с памятников Иртышской системы озер позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на очевидную простоту изготовления пряслиц из стенок сосудов в качестве исходного материала использовались также глина, различные породы камня и металл (в последних случаях, вероятнее всего, — для применения пряслиц в непроизводственных целях). Расположение отверстий на пряслицах весьма разнообразно, зачастую они не отцентрованы, что делало непрактичным использование разбалансированных пряслиц в прядении. Орнаментации изделий придавалось не слишком большое значение, вероятнее всего, степень их орнаментированности зависела от степени развития металлургии у местного населения. Частота находок и разнообразие размеров, форм пряслиц на поселенческих памятниках может говорить о многовариантности использования данных предметов в древности — как в сугубо утилитарных целях (в прядении, ткачестве, в качестве застежек-пуговиц и др.), так и в ритуалах, обрядах (амулет-оберег, символ солнца, огня и пр.). Средние значения различных показателей пряслиц идентичны для всех памятников. Это позволяет сделать вывод о наличии некоего эталона, стандарта изделия, остававшегося неизменным в течение продолжительного времени — от раннего железного века до эпохи средневековья.

Список литературы

Гаврилюк А. Г., Наумов А. М. Иртышские городища // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. С. 35–41.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.

Наумов А. М. Фортификация и планиграфия Иртышских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез урал. народов. Челябинск : Рифей, 2016. С. 188–318.

SPINDLE WHORLS OF IRTYASH HILLFORTS

A.M. Naumov, E.Yu. Golovina

The article is devoted to the description and comparative analysis of materials, shapes, sizes, ornamentation and use case of spindle whorls of the Irtyash ancient settlements of the early Iron Age and middle ages in the southern Urals.

Keywords: *spindle whorl, early iron age, Southern Transurals, Irtyash hillforts.*

МАКРОКЕФАЛЫ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА: САРМАТЫ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ

А. И. Нечвалода

Краниологические материалы из позднесарматских могильников на территории Южного Урала и Западного Казахстана представляют интерес в плане изучения антропологического состава, дальнейшей судьбы и трансформаций населения Урало-Казахстанских степей поздней древности. В этом же ключе с помощью метода антропологической реконструкции ведутся работы по восстановлению физического облика представителей позднесарматского населения.

Ключевые слова: *позднесарматская культура, Южный Урал, Западный Казахстан, краниология, реконструкция лица по черепу.*

Введение. Краниологические материалы из некрополей позднесарматского времени с территории Южного Урала и Западного Казахстана вызывают пристальный интерес в связи с целым кругом вопросов, затрагивающих, в частности, проблему генезиса позднесарматского населения этого обширного степного региона. В последнее время появились работы обзорного характера, которые вводят в научный оборот весьма разрозненные краниологические источники позднесарматской эпохи данных территорий (Китов, Хохлов, 2010; Китов, 2013).

Автором в свое время были выполнены скульптурные антропологические реконструкции по черепам из погребальных комплексов позднесарматской археологической культуры Южного Урала [Мандесарка-6 (руководитель раскопок М. Р. Макурова), Солёный Дол (И. Э. Любчанский)] и Западного Казахстана [Танаберген II (С. Ю. Гуцалов, В. В. Ткачев), Сары-Тау II (А. А. Бисембаев)] (Нечвалода, 2015).

Работа по восстановлению внешнего облика людей позднесарматской культуры выполнялась в основном для тематических исторических экспозиций музеев: Музея природы и человека заповедника «Аркаим», музея «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ, ГИМЮУ, Актюбинского областного историко-краеведческого музея (Казахстан).

Антропологическая реконструкция внешнего облика человека по черепу (краниофациальное восстановление) — это раздел физической антропологии, научный фундамент которого был разработан М. М. Герасимовым. По мнению ученого, «череп несет в себе огромный запас информации, который не может быть прочитан в рамках классических краниологических исследований, а метод восстановления лица по черепу способствует прочтению этой информации» (Герасимова, 1973).

Материалы и методы. Два черепа — из курганного могильника Мандесарка-6 (III в. н. э., Челябинская область) и погребального комплекса Сары-Тау II недалеко от аула Табантал Хромтауского района Актюбинской области (II в. н. э., Западный Казахстан) — принадлежали женщинам. Оба черепа несли на себе выраженные следы искусственной лобно-затылочной деформации кольцевого типа с хорошо различимыми депрессиями от давящих повязок в области лобной и теменной костей.

Череп из могильника Солёный Дол (Челябинская область) и комплекса Танаберген II (Западный Казахстан) принадлежали мужчинам также с выразительными признаками искусственного воздействия на черепную капсулу.

Краниологический материал имел хорошую сохранность и комплектность, что позволило проводить работу по восстановлению внешнего облика непосредственно на черепках, не прибегая к изготовлению копии из пластика или гипса. Единственным исключением стала работа над реконструкцией по черепу из могильника Мандесарка-6. Для экспозиции Музея природы и человека заповедника «Аркаим» была изготовлена копия черепа из пластика, работа над воспроизведением облика сарматки выполнялась по копии, что позволило вернуть аутентичный череп в выкладку погребения, являющуюся частью экспозиции.

Исследование краниологического материала проводилось по методике, предложенной Р. Мартином (Martin, 1928), принятой в отечественной антропологии в модификации В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеца (Алексеев, Дебец, 1964).

Возраст устанавливался по степени облитерации швов черепа эктокрана и стертости жевательной поверхности зубов (Алексеев, Дебец, 1964; Meindl, Lovejoy, 1985).

Выраженность (экспрессия) признаков полового диморфизма на черепе оценивалась с помощью балловых характеристик (Nemeskürti, Harsányi, Ácsbódi, 1960).

Метод реконструкции головы человека по черепу. Используемые нами основополагающие принципы восстановления лица по черепу разработаны в трудах Кольмана и Бёхли (Kollann, Buchly, 1898), М. М. Герасимова (Герасимов, 1949; 1955), а также его учеников и последователей в России (Лебединская, 1998; Никитин, 2009). Для расчета толщины мягких тканей в определенных точках на черепе мы использовали таблицу измерений толщины мягких тканей в зависимости от выраженности и развития рельефа на черепе (табл. 1) (Rohrer-Ertl, Helmer, 1984).

Таблица 1

**Распределение толщины мягких тканей на черепе по краниометрическим точкам
(по Rohrer-Ertl, Helmer, 1984)**

№ п/п	Точка на черепе	Толщина мягких тканей, мм*			
		1	2	3	4
1	Bregma	4	5	6	8
2	Metopion	4	5	6	8
3	Glabella	5	6	8	10
4	Nasion	4	5	6	8
5	Rhinion	2	3	3	4
6	Philtrum	7	8	9	10
7	Labiomentale	7	9	10	12
8	Pogonion	8	10	11	13
9	Gnathion	7	8	9	12
10	Arc. sup. med.	6	7	9	11
11	Arc. sup. lat.	4	5	7	9
12	Orbita lat.	3	3	3	4
13	Orbitale	3	4	4	5
14	Proc. fr. max.	2	3	4	5
15	Crista lacr. ant.	2	3	3	4
16	Lat. Apertura pir.	2	3	3	4
17	Alare	3	3	3	3
18	Lat. Spina nas.	9	10	12	15
19	Caput mand.	3	4	5	7
20	Gonion	3	4	6	8
21	Sut. zyg.-temp. f	2	3	7	8
22	Os zygomaticum	4	5	7	8
23	Zgion	3	4	5	6
24	Behind the ear	3	3	4	4
25	Sut. lambd.	4	5	6	7
26	Opiscthocranion	4	5	8	10
27	Thickness of lip	10	11	12	15
28	Height of lip	4			14
29	Ang. lower mand.	8			25

* Градация толщины мягких тканей в зависимости от степени развития макрорельефа костей черепа: 1 — очень слабо выраженный рельеф; грацильность всего черепа; 2 — более выраженный рельеф; менее грацильный череп (средняя для ♀); 3 — хорошо выраженный рельеф (средняя для ♂); 4 — сильно выраженный рельеф; матуризованность всего черепа.

Могильник Мандесарка-6. Археологический контекст. Могильник обнаружен в 1986 г. В 2004 г. была проведена предварительная археологическая разведка на его территории, в ходе которой выявлено полтора десятка насыпей. В течении полевого сезона 2015 г. экспедицией музея-заповедника «Аркаим» вскрыты три курганных насыпи. В могильной яме кургана 6 исследован безынвентарный погребальный комплекс позднесарматского времени. Женский череп был предан автору для выполнения скульптурной антропологической реконструкции. Два черепа, принадлежавших молодым мужчинам, находившиеся в сильно фрагментированном

состоянии, также были переданы для проведения реставрации¹. Автор раскопок М. Р. Макурова датирует исследованные погребальные комплексы II–III вв. н. э.

Курган 6, могильная яма 1. Выраженность признаков полового диморфизма. Область глабеллы и надбровье на черепе женщины (возраст на момент смерти 30–35 лет) можно охарактеризовать как весьма слабо выраженные и в своем развитии достигающие: глабелла — 3 баллов, надбровье — 1 балл (рис. 1, д). Сосцевидный отросток довольно крупный, с закругленной вершиной, что контрастирует со слабо выраженным рельефом затылочной кости (область верхних и нижних выйных линий, затылочный бугор).

Нижняя челюсть грацильная, обладает небольшой высотой тела и своих восходящих ветвей. Макрорельеф в области углов нижней челюсти выражен слабо. Подбородок выступает хорошо и имеет треугольную форму.

Краниометрическая характеристика черепа. Череп хорошей сохранности, что позволило произвести на нем все необходимые краниометрические измерения по стандартной краниометрической программе (табл. 2) (Алексеев, Дебец, 1964). Для параметрической характеристики степени искусственной деформации черепа мы использовали размер «наибольшей высоты черепа» (Гинзбург, Жиров, 1949. С. 217). В табл. 2 данный размер фигурирует под названием «Высота черепа I». Соотношение размера базион-антибазион к продольному диаметру, измеренному до точки инион, они назвали указателем деформации. Таким образом, различают слабодеформированные черепа (гипомакрорантные — $x-89.0$), сильно деформированные (макрорантные — с указателем $90.0-99.0$) и в сильной степени деформированные (гипермакрорантные — $100.0-x$) (Гинзбург, Жиров, 1949. С. 216).

Мозговая капсула имеет сильную степень деформации (рис. 1, д). По указателю деформации (91.7) характеризуется как макрорантная. По соотношению большого продольного и малого поперечного диаметров мозговая капсула удлиненной формы (долихокрания), высокая (хамеокрания). Лоб широкий (эуриметопия), наклонный. Лицо широкое и высокое. По верхне-лицевому указателю — лептен. По углам горизонтальной профилировки — клиногнатное, по углу выступления лица — мезогнатное. Орбиты по своим пропорциям высокие (гипсиконхия). Нос узкий (лепториния), умеренно выступающий. Переносье, судя по величине дакриального угла, хорошо профилированное. Носовые косточки демонстрируют некоторую уплощенность.

Индивидуальный краниологический комплекс — долихокранный, широко- и высоколицый, клиногнатный европеоидный с умеренно выступающим носом.

Учитывая указанные особенности строения костного носа, можно предположить, что данный индивидуальный краниологический комплекс весьма близок к так называемому приуральскому. По мнению Л. Т. Яблонского, данный комплекс может являться одним из антропологических компонентов в составе позднесарматского населения Южного Урала (Яблонский, 2005. С. 53).

Курган 2, могильная яма 1. Выраженность признаков полового диморфизма. Череп молодого мужчины (судя по одонтологическому статусу, состоянию швов эктокрана, возраст смерти погребенного 20–25 лет). Череп был раздавлен землей обрушившейся могильной камеры и представлял собой скопление мелких и средних фрагментов костей лицевого и мозгового отделов. В результате реставрации удалось восстановить череп, за исключением его базальной части. Это позволило провести ряд краниометрических измерений (табл. 2). Данный череп также имеет следы искусственной деформации мозговой коробки, но более слабой в сравнении с черепом женщины из кургана 6. Визуально ее можно оценить как весьма слабую. Следы деформирующего воздействия особенно заметны в лобной области — лоб скошен и плосковат. Из признаков полового диморфизма можно отметить предельное развитие сосцевидного отростка, мощную челюсть с высоким симфизом и телом. Область глабеллы имеет среднее развитие, так же как и гониальный макрорельеф.

¹ К настоящему времени черепа отреставрированы и входят в состав экспозиции тематической выставки в музее-заповеднике «Аркаим». По одному из черепов выполнена графическая реконструкция в двух нормах (анфас, профиль).

Рис. 1. Воссоздание облика женщины (30–35 лет) по черепу из курганного могильника Мандесарка-6 (Челябинская область): а–г — основные этапы работы (а — на черепе смоделирован мышечный «скелет»; б — голова без волосяного покрова; в — голова в профильной норме; г — голова без волосяного покрова в разных ракурсах); д — череп в двух нормах (слева — norma facialis, справа — norma lateralis; стрелками указаны депрессии, образовавшиеся в результате воздействия давящих повязок); е–з — окончательный вариант реконструкции (автор А. И. Нечвалода, тонирование Е. Е. Нечвалоды; материал — пластик тонированный)

Таблица 2

**Некоторые краниометрические показатели черепов из могильников Мандесарка-6
(Челябинская область) и Сарытау II (Западный Казахстан)**

No Martin	Признак	Значение признака			
		Мандесарка-6			Сарытау II (♀)
		Курган 2 (♂)	Курган 4 (♂)	Курган 6 (♀)	
1	Продольный диаметр (g-op), мм	—	—	179,0	182,0
2	Продольный диаметр (g-i), мм	—	—	169,0	167,0
5	Длина основания черепа, мм	—	—	103,0	110,0
8	Поперечный диаметр, мм	—	—	132,0	132,0
9	Наименьшая ширина лба, мм	97,0	—	102,0	97,0
10	Наибольшая ширина лба, мм	113,0	—	117,0	108,0
11	Ширина основания черепа, мм	—	—	120,0	124,0
12	Ширина затылка, мм	—	—	103,0	106,0
17	Высотный диаметр (ba-b), мм	—	—	141,0	149,0
I	Высотный диаметр I (ba-antibasion), мм	—	—	155,0	157,0
38	Емкость черепа, см ³	—	—	1331,0	1357,0
40	Длина основания лица, мм	—	—	96,0	109,0
43	Средняя ширина лица, мм	105,0	103,0	97,0	108,0
45	Скуловой диаметр, мм	—	145,0 (?)	128,0	129,0
48	Верхняя высота лица, мм	77,0	77,6	71,0	80,0
51	Ширина орбиты от mf, мм	41,2	44,0	43,5	44,6
52	Высота орбиты, мм	41,0	41,6	39,0	39,0
54	Ширина носа, мм	24,4	29,5	27,0	24,2
55	Высота носа, мм	55,2	56,7	59,3	53,4
65	Мышелковая ширина mandibula, мм	118,0	—	114,0	110,0
66	Угловая ширина mandibula, мм	104,0	—	94,0	97,0
69	Высота симфиза mandibula, мм	38,0	41,0	26,0	37,0
75 (1)	Угол выступания носа, °	35,0	32,0	25,0	29,0
77	Назомаллярный угол, °	132,3	—	133,6	134,2
<Zm	Зигомаксиллярный угол, °	126,6	131,7 (?)	120,3	126,8
SS	Симотическая высота, мм	4,3	4,3	3,8	6,2
SC	Симотическая ширина, мм	6,7	13,4 (?)	10,0	12,0
<S	Симотический угол, °	75,8	114,6 (?)	105,5	88,1
DS	Дакриальная высота, мм	15,2	—	18,0	12,1
DC	Дакриальная ширина, мм	24,3	—	28,5	27,2
<D	Дакриальный угол, °	77,3	—	76,7	96,6
FC	Глубина клыковой ямки, мм	—	—	6,3	4,3
	Указатель деформации	—	—	91,7	94,0

Краниометрическая характеристика черепа. Измерить основные размеры мозгового черепа не удалось. Лицевой скелет характеризуется высоким лицом с резкой профилировкой как на орбитальном, так и на среднем уровнях. Переносье также хорошо профилировано. Носовые косточки высокие и узкие. Нос резко выступает из плоскости лица. Тело нижней челюсти высокое. Восходящие ветви нижней челюсти широкие, их постановка приближается к прямому углу. Подбородок широкий, хорошо выступающий в профиль. Индивидуальный краниологический комплекс — мезо- и долихокранный (?), широко- и высоколицый, клиногнатный европеоидный с сильно выступающим носом, типологически сближающийся с южными краниологическими вариантами европеоидной расы.

Курган 4, могильная яма 1. Выраженность признаков полового диморфизма. Череп также принадлежал юноше (возраст смерти 20–25 лет). Краниологический материал находился в крайне фрагментированном состоянии. В результате реставрации удалось собрать лишь лицевой скелет. Носовые косточки посмертно утрачены. Для музейной экспозиции была выполнена так называемая выставочная реставрация. Были смоделированы утраченные части черепа — мозговая коробка, носовые косточки. Череп имеет следы посмертной деформации.

Поэтому немногочисленные краниометрические измерения, которые удалось произвести, имеют только ориентировочное значение. Судя по состоянию лобной кости, череп также был искусственно деформирован, но, вероятно, в весьма слабой степени. Череп, несомненно, европеоидный по своей морфологии.

Сары-Тау II. Археологический контекст. Автор раскопок А. А. Бисембаев интерпретирует погребальный комплекс, обнаруженный близ аула Табантал, как гуннский: «...исследованный объект на основании характерных черт в погребальном обряде и инвентаре относится к памятникам гуннского типа и датируется II–IV вв. н. э.» (Бисембаев, Дуйсенгали, 2008. С. 101).

Череп был передан автору с целью выполнения скульптурной реконструкции лица для обновляющейся историко-археологической экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея.

Краниометрическая характеристика черепа. Череп с нижней челюстью хорошей сохранности (рис. 2, в, г). Краниометрические данные по этому черепу в таблице 2. Мозговая коробка молодой женщины (возраст смерти которой по комплексу диагностических признаков мы определили в диапазоне 18–20 лет) подверглась сильной искусственной деформации. Указатель деформации — 94.0 (макрокрания). По основным размерам мозговой коробки женский череп из Сары-Тау II сближается с черепом из Мандесарки-6. Правда, он несколько более длинный за счет большего продольного диаметра. Выделяется более высоким лицевым скелетом. По лицевому указателю рассматриваемый череп также относится к высоколицым вариантам. Как по абсолютным показателям, так и по пропорциональному соотношению череп характеризуется высокими орбитами. Симотический и дакриальный углы меньше 100 градусов, что характеризует область переноса и носовые косточки как хорошо профилированные. Нос узкий и резко выступающий из плоскости лица.

Индивидуальный краниологический комплекс — долихокранный, широко- и высоколицый, клиногнатный европеоидный с резко выступающим носом и хорошо профилированным переносом. Нижняя челюсть с высоким симфизом и высоким телом. Описанное сочетание признаков позволяет нам говорить в данном случае о средиземноморском краниологическом варианте европеоидной расы.

Соленый Дол. Археологический контекст. Автор раскопок И. Э. Любчанский материалы, полученные в результате исследования могильника Соленый Дол, датирует II–IV вв. н. э. (Любчанский, 2013).

Краниометрическая характеристика черепа. Один из черепов, полученный в результате раскопок кургана 4, был передан автору для работы над воссозданием облика «гунна» для музея «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ. Череп мужчины хорошей сохранности, с выразительными признаками искусственной деформации. Судя по состоянию швов черепа и степени изношенности зубов, мужчина достиг биологического возраста 45–55 лет (рис. 2, а, б).

По комплексу краниологических особенностей, описанных авторами краниологического исследования — «черепной указатель мезокранный. Макрорельеф значительный. Лоб широкий, сильно наклонный. Лицевой отдел широкий и высокий, по указателю мезен. Горизонтальная профилировка весьма умеренная на верхнем уровне. В вертикальной норме фиксируется ортогнатия по углу выступления и по указателю. Орбиты низкие абсолютно и относительно. Нос широкий, платиринный. Носовые косточки высокие в симотической части, сильно выступают в профиль. Клыковая ямка глубокая. Нижняя челюсть очень широкая по мышечковой и угловой ширине, средняя по высоте симфиза. Весьма резко выступает подбородочный выступ» (Китов, Хохлов, 2010. С. 127), — его можно отнести к так называемому среднеазиатско-казахстанскому варианту, описанному Л. Т. Яблонским на материалах могильника Покровка 10 в Оренбургской области.

Напомним, что ученый находил данному комплексу аналогии «в синхронных материалах, происходящих с территории Казахстана и Средней Азии» (Яблонский, 2005. С. 53).

Палеопатологический статус. На черепе мужчины фиксируются признаки перелома носа «дистальной части левой носовой косточки, вследствие удара сбоку, вероятно — как предполагают авторы, — в результате рукопашного боя. Перелом давний, его следы прослеживаются весьма слабо» (Китов, Хохлов, 2010. С. 127).

На черепе в области точки вертекс зафиксирован надруб, «полученный при жизни (длина 55 мм), произведенный несколько скользящим ударом, вероятно, клинкового оружия. Отмечаются признаки заживления, то есть поражение не привело к летальному исходу». Также на лобной кости «фиксируется несквозная, прижизненная травма овальной формы, нанесенная тупым предметом» (Там же).

В случае с травмами, выявляемыми на черепе, делается вполне обоснованное предположение, «что они могут служить индикаторами отношений внутри социума. Возникая случайно, например, во время детских игр, или в результате межличностных отношений» (Ortner, Putschar, 1981).

Рис. 2. Реконструкция облика сарматов поздней древности по черепам (автор А. И. Нечвалода; материал — гипс тонированный): а, б — реконструкция по черепу мужчины из могильника Солёный Дол; в, г — реконструкция по черепу молодой женщины из могильника Сары-Тау; д–ж — реконструкция по черепу мужчины из могильника Танаберген II

Танаберген II. Археологический контекст. Курганный могильник на левом берегу реки Илек в Актюбинском районе Актюбинской области Казахстана был исследован экспедицией Актюбинского государственного педагогического университета под руководством С. Ю. Гуцалова и В. В. Ткачева. Некрополь оставлен племенами синташтинской культуры. Один из погребальных комплексов был датирован позднесарматским временем.

Краниометрическая характеристика черепа. Череп хорошей сохранности, с признаками кольцевой деформации лобно-затылочного типа. Демонстрирует яркий европеоидный краниологический комплекс: «Черепная коробка узкая, высокая, по указателю мезокранная.

Лоб узкий, наклонный. Лицевой отдел высокий, среднеширокий. По указателю лептен. Лицо среднепрофилировано на верхнем и среднем горизонтальном уровнях. Вертикальная профилировка ортогнатная. Орбиты среднеширокие, по указателю мезоконхные. Нос узкий, лепторинный, имеет высокие, хорошо выступающие в профиль носовые кости. Клыковая ямка среднеглубокая. Нижняя челюсть среднеширокая, высокая по высоте симфиза. Угол выступления подбородка большой» (Китов, 2013. С. 530) (рис. 2, д, е, ж).

Пластическая реконструкция головы по черепу. Реконструкция лица — это своеобразный завершающий этап антрополого-краниологического исследования черепа.

Достоверное воспроизведение общих размеров и формы головы, лицевого отдела, а также его профилировки, лба, надбровья, носа, разреза глаз, ротовой области, нижней части лица, общей асимметрии перечисленных структур достигается строгим следованием краниологической основе в процессе реконструкции. Мы пользовались в своей работе стандартами толщины мягких тканей в зависимости от степени развития макрорельефа черепа (табл. 1), руководствовались методическими разработками, положенными в основу советской (русской) школы антропологической реконструкции (Герасимов, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009).

Этапы работы над реконструкцией облика женщины по черепу из могильника Мандесарка-6 представлены на рис. 1, а, б, в, г. На фотографии можно видеть ключевые моменты работы по восстановлению облика женщины — моделирование мышечного «скелета» лица, а также лицо без волосного покрова анфас и в профиль. Выполненная реконструкция представляет лицо женщины средних лет с покатым, сильно выступающим лбом (результат воздействия искусственной деформации черепа), широким, хорошо профилированным лицом, тонким, умеренно выступающим носом и грациальной нижней челюстью.

Завершающий этап (рис. 1, е, ж, з). Скульптура была отлита из пластика и тонирована с использованием акриловых красок под цвет кожных покровов человека. В данном случае тонирование скульптурной реконструкции явилось важным завершающим этапом работы над образом женщины позднесарматского времени.

В последнее время молекулярная генетика предоставляет все больше возможностей реконструкции фенотипа по результатам исследования древней ДНК. Это так называемое ДНК-фенотипирование. Появляется возможность узнать, каковы были цвет радужной оболочки глаз, цвет волос, и отразить это в пластической антропологической реконструкции или реконструкции, выполненной с использованием 3D-софта.

На рис. 2, в, г — окончательный вариант реконструкции по черепу из Сарытау II. Данная работа выполнена в традиционной для российской школы антропологической реконструкции манере. Статичная постановка головы позволяет рассмотреть антропологические особенности женщины «гуннского» времени из Западного Казахстана — хорошо профилированный нос с тонко очерченным переносьем, несколько тяжеловатую нижнюю челюсть с округлым подбородком, что, впрочем, не делает ее менее привлекательной. В мочке левого уха можно видеть массивную «золотую» серьгу (калачиковидную), репродуцированную по образцу той, что была найдена в могильной яме.

На рис. 2, а, б можно видеть два варианта выполненных автором реконструкций по черепу мужчины-«гунна» из могильника Солёный Дол. Работа над реконструкцией предполагает не только точное и пластически наиболее верное воспроизведение по черепу морфологических особенностей лица на краниологической основе, но и воссоздание «духа времени» с использованием исторически достоверной атрибутики, отраженной в дошедших до нашего времени иконографических источниках и археологических артефактах.

Вторая реконструкция по мужскому черепу позднесарматской культуры была выполнена по черепу из могильника Танаберген II (рис. 2, д, е, ж). Она демонстрирует тип матуризованного европеоида с сильно профилированным лицом и резко выступающим носом. В антропологическом отношении данная реконструкция еще раз документирует очевидный факт, что население гуннского или позднесарматского времени (II–III вв.) Южного Урала и Западного Казахстана характеризуется отсутствием монголоидной примеси.

Таким образом, предлагаемые реконструкции дают наглядное представление о весьма смешанном антропологическом составе позднесарматского населения. Это были в основном разные варианты европеоидного расового ствола. Монголоидная примесь начинает фиксироваться на краниологическом материале более поздних хронологических этапов.

Список литературы

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Бисембаев А. А., Дуйсенгали М. Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. Вып. 8. 2008. С. 99–101.

- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М. : Совет. наука, 1949. 187 с.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. Т. 28. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Герасимова М. М. Михаил Михайлович Герасимов. Портрет женщины из Долних Вестониц (последняя работа М. М. Герасимова) // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии : сб. памяти М. М. Герасимова. М. : Наука. 1973. С. 38–55.
- Гинзбург В. В., Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кенкольского могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // Сборник МАЭ. Т. 10. Л., 1949. С. 213–265.
- Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 519–544.
- Китов Е. П., Хохлов А. А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // УАВ. Вып. 10. 2010. С. 127–131.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. М. : Старый сад, 1998. 125 с.
- Любчанский И. Э. Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 280–298.
- Нечвалода А. И. Лицом к лицу. Альбом скульптурных и графических антропологических реконструкций. М. : Старый сад, 2015. 107 с.
- Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля : в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М. : Моск. Кремль, 2009. С. 137–168.
- Яблонский Л. Т. К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка-10) // Вестн. антропологии. Вып. 12. 2005. С. 45–55.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in sistematischer Darstellung. 2 Aulage. Bd. 1–3. Jena, 1928.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure: a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // Amer. J. of Physical Anthropology 68: 57–66. 1985.
- Kollann J., Buchly W. Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prahistorischer Schadel. Arch. Anthropol. 25. 1898.
- Nemeskéri J., Harsányi L., Acsádi Gy. Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. Anthropologischer Anzeiger 24, 1960. Pp. 103–115.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions // Human Skeletal Remains. Washington : Smithsonian Institution Press, 1981. 479 p.
- Rohrer-Ertl O., Helmer R. Zu Stand und Möglichkeiten der erneut modifizierten Kollmann-Methode (Gesichtsrekonstruktion Aufgrund des Schadeis). Gegenbaurs morph. Jahrb. Leipzig, 1984.

MACROCEPHALUS OF SOUTH URALS AND WESTERN KAZAKHSTAN: FORENSIC FACIAL RECONSTRUCTION OF LATE SARMATIANS

A.I. Nechvaloda

Craniological materials from the Late Sarmatian burial grounds at the territory of the Southern Urals and Western Kazakhstan are of interest in terms of studying the anthropological composition, the fate and the transformation of the Ural-Kazakhstan steppes population of “late antiquity”. In the same vein, there are also works on reconstruction of the physical appearance of late Sarmatian population with forensic facial reconstruction method.

Keywords: *the late Sarmatian culture, southern Ural, Western Kazakhstan, forensic facial reconstruction.*

**СЦЕНА БОРЬБЫ ВЕРБЛЮДОВ НА ФАЛАРЕ
ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ: КОСМИЧЕСКАЯ ДУЭЛЬ,
СМЕРТЬ — РОЖДЕНИЕ, МЕДИАТИВНЫЙ СИМВОЛ И ЦАРСКИЙ ЗНАК
(опыт анализа истоков иконографии и семантики образа)**

Е. Е. Нечвалода

Сцена борьбы двух верблюдов на фаларе из кургана 1 могильника Филипповка I имеет особенности иконографии, которые отличают ее от подобных сюжетов в искусстве ранних кочевников. Прототип известен в искусстве Древней Маргианы. Верблюд в религии и искусстве ранних кочевников был существом двуприродным и потому — животным-проводником. Он соотносился с солнцем, равноденствием, комплексом «смерть — новое рождение», обрядами перехода, был воплощением абсолюта и царской власти.

Ключевые слова: *звериный стиль, сарматы, верблюды, Филипповка I, Маргиана, истоки иконографии.*

Круг проблем, связанных с образом двугорбых верблюдов в искусстве скифо-сарматских племен, давно привлекает внимание исследователей. А. К. Акишев отмечал, что в культуре племен и народов Центральной Азии верблюд с эпохи бронзы обладал космологической образностью, соотносился с образом гармонично устроенного мира, был воплощением солнечного бога, атрибутом царственности (Акишев, 1984). Мнение А. К. Акишева разделяют А. З. Бейсенов и А. Н. Марьяшев (Бейсенов, Марьяшев, 2014. С. 39. Рис. 42. С. 141. Табл. II). Е. Ф. Королькова посвящает образам двугорбого верблюда в искусстве скифо-сарматского звериного стиля отдельную главу в своей монографии (Королькова, 2006).

Образ двугорбого верблюда в зверином стиле ранних кочевников далеко не самый популярный и встречался на определенной территории — в Южном Приуралье и Казахстане. Е. Ф. Королькова отмечала, что на 2006 г. было известно около 90 предметов с изображениями бактрианов из 35 памятников сарматского круга (Королькова, 2006. С. 88). Значительная часть этих артефактов (41 предмет) была обнаружена в сарматском некрополе Филипповка I (Пшеничнюк, 1989. С. 12). Там образы двугорбых верблюдов представлены на различных изделиях. Все предметы с изображениями верблюдов были обнаружены в «царском» кургане (кургане 1), раскопанном А. Х. Пшеничнюком¹. Вероятно, это не случайно. Неоднократно фиксировалась связь образа верблюда с культом правителя в Средней Азии. А. К. Акишев отмечал: «Есть многочисленные сведения о том, что в первые века новой эры в Центральной Азии и Согде верблюд почитался как царский зверь»; и далее: «Самое понятие “царственности” или “царской славы”, “блеска” у иранцев называлось “хварной”. Воплощением хварны был верблюд» (Акишев, 1984. С. 71, 73). Очевидно, и в Филипповке I существовала связь между статусом погребенного в кургане 1 и присутствием там изображений верблюдов. Вероятно, бактриан был своеобразным маркером особого, «царского» статуса захороненного человека.

Среди всех изображений бактрианов в некрополе Филипповка I сюжет противоборства двух верблюдов представлен на 31 предмете из 41 (рис. 1; 2, 1). Сцена борьбы двух верблюдов, запечатленная на бляшках и фаларах Филипповки I, встречалась и в других памятниках степных культур раннего железного века (Пятимары I и Бесоба в Южном Приуралье) (рис. 2, 2). Композиции из противостоящих или борющихся верблюдов в искусстве ранних кочевников можно встретить на изделиях из металла, кости, среди петроглифов (Королькова, 2006. С. 217, 219, 220, 222, 223. Табл. 50, 3, 7; 52; 54, 6; 56; Бейсенов, Марьяшев, 2014. С. 116, 141; Мухарева, 2007. С. 106. Рис. 5). Последними отголосками этой традиции были раннесредневековые петроглифы Минусинской котловины, изображающие противостояния и поединки самцов двугорбых верблюдов (Мухарева, 2007. С. 104. Рис. 4). Происхождение же этого композиционного извода связано с искусством Древнего Востока.

Прототип сцены поединка двух бактрианов мы встречаем в искусстве Маргианы конца II — начала I тыс. до н. э. Композиция из двух борющихся верблюдов на фаларе из

¹ А. Х. Пшеничнюк предполагал наличие двух однотипных изображений верблюдов и в центральном погребении 1 кургана 3 среди предметов конского снаряжения (Пшеничнюк, 2012. С. 32), но внимательное их рассмотрение приводит нас к выводу, что это изображения головы оленя (Пшеничнюк, 2012. С. 135. Рис. 57, 9). По этой причине А. Х. Пшеничнюк указал на присутствие в «нецарских» курганах двух предметов с изображением верблюдов (Пшеничнюк, 2012. С. 82).

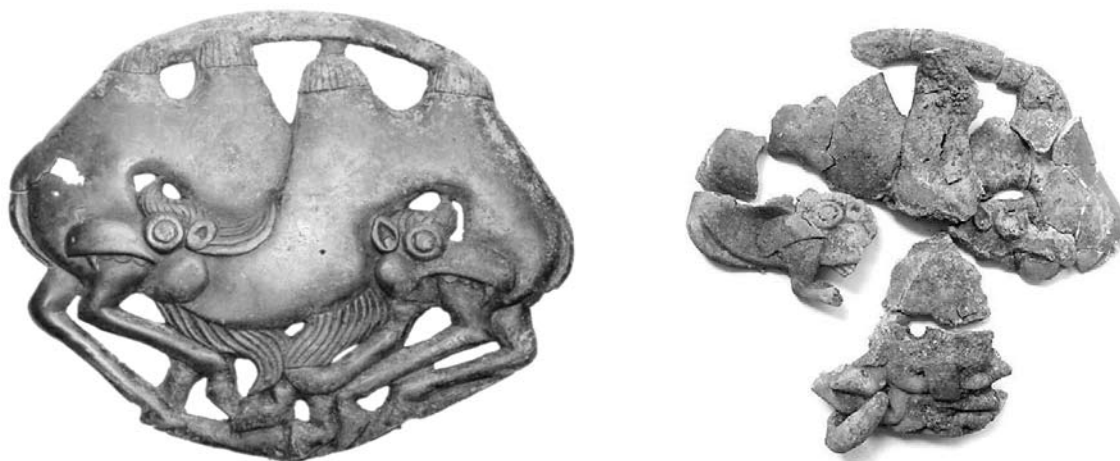

Рис. 1. Фалары со сценой борьбы верблюдов из кургана 1 могильника Филипповка 1 (Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, № 831/1212, 831/30)

Рис. 2. Сцены борьбы верблюдов: 1 — Филипповка 1, курган 1, фалар; 2 — Пятимары 1, курган 8, бляха (Оренбургская область); 3 — Тоголок 21, МБАК, фрагмент амулета; 1, 2 — по: Королькова, 2006. С. 219. Табл. 52, 2, 6; 3 — по: Сарияниди, 2002. С. 139

«царского» кургана Филипповки I близко воспроизводит иконографию, известную по маргушскому амулету с изображением верблюда (рис. 2, 1, 3), точнее — по обломку с фрагментом сцены борющихся верблюдов, на котором видны горбы одного верблюда и голова, шея — другого, кусающего первого за ногу (Сарияниди, 2002. С. 138). Этот каменный амулет был обнаружен в храмовом комплексе Тоголок 21, который датируется рубежом II—I тыс. до н. э. Поражают устойчивое сохранение в течение многих веков и точное воспроизведение древнейшей иконографии в произведении сарматского искусства. Сравнивая изображения, мы можем предполагать, что отколотая часть у правого края «тоголоцкого» амулета — это голень верблюда. Существование параллелей между искусством Маргианы и искусством ранних кочевников отмечал К. В. Чугунов (Чугунов, 2016).

При первом взгляде на обломок из комплекса Тоголок 21 (рис. 2, 3) горбы и шея верблюда воспринимаются целостно: «Голова на длинной, мягко изогнутой шее повернута назад и вниз — верблюд облизывает свою заднюю ногу» (Сарияниди, 2002. С. 138). Не имея иконографических аналогов из сарматских памятников, предполагать большее об изображении на обломке было бы сложно. Но, как справедливо отмечали исследователи, «при условии трактовки его как одиночной фигуры животного, приходится признать противоестественность и необычность его позы (верблюд оказывается буквально сложенным пополам) и необъяснимость положения его ног. В случае восприятия изображения как фрагмента сцены схватки двух верблюдов мотивировку получают и низкое положение шеи, и позиция ног» (Королькова, 2006. С. 100). К тому же «на представленной исследователем прорисовке язык лижущего себя животного “не читается”, тогда как отчетливо виден один из клыков верблюда» (Мухарева, 2007. С. 108).

Двугорбый верблюд был одним из устойчивых образов искусства Древней Маргианы, где изображения двугорбых верблюдов встречаются процарапанными на днищах золотых сосудов и керамических изделиях, их можно видеть и на печатях, каменных амулетах, в наконечниках серебряной булавки, фигуры бактрианов изображены в рельефе на серебряном сосуде (Сарианиди, 2002. С. 96, 98, 121, 163–165; 2005. С. 236–238). Примечательно, что в Древней Маргиане, как и в Согде, Филипповке, верблюд, очевидно, был одним из маркеров «царственности». Р. М. Сатаев, исследовавший остеологический материал на памятнике Гонур-депе (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), отмечал, что представленные в погребениях «царского некрополя» такие жертвенные животные, как собака, лошадь и верблюд, «не являлись характерными для памятника в целом, что, несомненно, связано с особым статусом похороненных здесь лиц» (Сатаев, 2008. С. 144–145).

Любопытно, что изображения борющихся верблюдов на фаларах Филипповки I иконографически ближе к удаленному во времени и пространстве древнему «тоголокскому» образу, чем к синхронным по времени вариантам этой композиции в искусстве родственных скифо-сарматских племен, обнаруженных к тому же в близких Филипповке географически памятниках Пятимары I и Бесоба. «Тоголокских» и филипповских верблюдов сближает между собой и отличает от упомянутых подобных им композиций ряд признаков: специфическое изображение задних конечностей (согнуты под углом), «шапки» шерсти на горбах, ясно обозначенные клыки в раскрытых пастьях, головы расположены так, что вписываются в «арку» подборюшья противника. Важное отличие в иконографии состоит и в том, что атака сцепившихся верблюдов на фаларе из Филипповки «симметрична»: каждый впился клыками в заднюю конечность противника, их головы находятся на одном уровне и «вписаны» в линию подборюшья соперника. В композициях из Пятимары I и Бесоба (рис. 2, 2) несколько иное построение: правый верблюд кусает противника за ногу, а левый — за горб. В таком «асимметричном» варианте головы животных находятся практически одна под другой. На тоголокском фрагменте над головой верблюда отсутствует изображение головы соперника, ее положение указывает на то, что, очевидно, эта композиция изначально также была «симметрична», как и сцена борьбы на фаларе из Филипповки, и это общее композиционное построение сближает рассматриваемые произведения еще больше, чем отмеченные выше схожие детали. Существует незначительное отличие сравниваемых изображений: на переднем плане у филипповских верблюдов — голова стоящего справа животного, а у «тоголокских» видна голова верблюда, стоящего слева.

Устойчивость иконографии сцены борьбы двух верблюдов, ее сохранение в течение многих веков и воспроизведение в памятниках, весьма удаленных друг от друга, наталкивают на мысль о символичности композиции и значимости стоящей за ней идеи для мировоззрения древних обществ. Попробуем разобраться.

В искусстве ранних кочевников религиозно-мифологические представления воплощались в образах звериного стиля. Дуализм мира, как условие его существования, — космический принцип. Пластическим выражением этого принципа служили сцены терзания хищником жертвы. Но если борьба в искусстве звериного стиля есть выражение дуализма мира, то почему тогда закрепилась и устойчиво воспроизводилась сцена борьбы животных одного вида? Для скифо-сарматского искусства поединки животных одного вида (за исключением верблюдов) не были характерным сюжетом и, тем более, сюжетом с устойчивой иконографией. Встречаются противопоставленные животные одного вида — бинарные оппозиции, но не борющиеся. Почему для верблюдов сделано исключение, и что выражала собою сцена их борьбы?

Сочетая черты травоядных и хищников (у взрослых самцов вырастают клыки), верблюд в системе образов звериного стиля «двуприроден». Пластические воплощения образа двугорбого верблюда в скифо-сарматском искусстве зачастую акцентируют его «хищность»: он нередко изображался с оскаленной пастью, открывающей его клыки. В сцене борьбы он одновременно и хищник, и жертва. Принадлежа двум мирам, верблюд становится животным-посредником между ними, медиатором. Но «двуприродны» в искусстве ранних кочевников не только верблюды. Кабаны, будучи копытными животными, также имели клыки и могли быть как травоядными, так и плотоядными; благодаря этим обстоятельствам они занимали свое, особое место в духовной культуре ранних кочевников и, очевидно, тоже имели статус посредников между мирами (Переводчикова, 1994. С. 15, 46–48). Но мы не знаем среди произведений звериного стиля сцен борьбы двух кабанов.

Причиной закрепления за верблюдом исключительного статуса были, вероятно, его биологические ритмы. Брачный период, а соответственно и бои кабанов, приходятся на зиму. Самцы же двугорбых верблюдов наиболее агрессивны в конце марта, период гона бактрианов совпадает с весенним равноденствием. В Средней Азии бои верблюдов, как и бои коней, баранов, устраивали во время празднования Навруза. Бои верблюдов и сегодня проводят в Северном Афганистане, Турции в период их гона. Верблюжьи бои маркировали начало

весны и Нового года. Е. Е. Кузмина отмечала, что состязания, сопровождающие празднование Навруза, «можно рассматривать как новогоднюю мистерию, воспроизводящую космическую дуэль, предшествующую Ноурузу» (Кузмина, 1987. С. 8–9). В боях за самку могли состязаться только матерые взрослые, семилетние самцы, у которых отрасли клыки (Акишев, 1984. С. 72).

В традициях народов Средней Азии было принято устраивать во время празднования Нового года бои не только верблюдов, но и жеребцов, гон у которых приходится на тот же период. Однако конь не соединял в себе признаков хищника и жертвы и не обладал качествами медиатора. Для придания таковых коням, сопровождавшим погребенного, пазырыкцы надевали на них маски оленей, рога горных козлов, укрывали их попонами с символикой нижнего мира (с изображениями налимов, псовых хищников) (Полосьмак, 1994. С. 91, 93). В культуре Древней Маргианы, подарившей нам самый ранний образец сцены борьбы двух верблюдов в сохраненной и воспроизводимой сарматами иконографии, изображения коней практически отсутствуют. Очевидно, что и в хозяйстве, и в духовной культуре, и в обрядовой практике конь займет свою нишу несколько позднее, и потому он не мог быть «конкурентом» верблюду-медиатору в ту эпоху, когда оформлялась образная связь между началом года в день весеннего равноденствия и поединками самцов верблюдов, а следом и иконография рассматриваемой композиции.

Вероятно, именно такое совпадение природных биологических ритмов верблюдов и годовых планетарных циклов обусловило соединение образа бактриана с солнцем. Мифы о небесном верблюде, его связи с солярным божеством, происхождении от солнца были распространены в Средней и Центральной Азии (Акишев, 1984; Королькова, 2006. С. 86). В то же время образ верблюда в фольклоре и этнографии соотносился и с миром мертвых. Наличие клыков было характерно для изображений верблюдов в скифо-сарматском искусстве, но не обязательно. Надо отметить, что в трактовке верблюдов из Филипповки I их агрессивность акцентирована: в раскрытых, оскаленных пастьях, близких по очертаниям клювам грифонов, изображены огромные клыки. Акцентирование естественных средств убийства в образах травоядных животных — соотнесение их с темой смерти.

Верблюд, сочетающий в себе противоположные характеристики, в мировоззрении и искусстве племен скифо-сарматского мира мог воплощать собой гармонию и единство мира, разделенного на противоположные враждующие начала, некий абсолют. Возможно, именно это соединение начал-основ наделяло его столь особым, исключительным статусом. И, вероятно, это обстоятельство, равно как и связь его образа с солнцем, обусловили восприятие его в качестве одного из маркеров царственности, высшей власти.

Связь образа верблюда с весенним равноденствием, наступлением нового года, принадлежность его «двум мирам» обусловили прочное соединение его образа с ситуациями перехода (старый год — новый год, смерть — рождение), что наложило отпечаток и на обрядовую практику. У народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа верблюд присутствует в похоронно-поминальной и свадебной обрядности (свадьба как смерть-рождение), то есть в обрядах перехода. И, очевидно, не случайно в царском кургане Филипповки I присутствует многократно повторенный сюжет — борьба двух верблюдов, — воплотивший образ борьбы противоположных начал — не только старого и нового года, но также жизни и смерти, и, подобно тому как конец старого года есть начало нового, смерть в этом мире есть рождение в загробном. Вероятно, изначально, то есть уже в Древней Маргиане, верблюд был проводником в мир мертвых. Мы уже упоминали об останках верблюда, найденных в захоронении. Итак, верблюд в погребении — это медиатор-проводник, символ возрождения.

Хотелось бы отметить и возможную связь изображений борющихся верблюдов с элементами сбруи коня. Е. Ф. Королькова отмечала, что среди предметов, выполненных в зверином стиле, «приоритет по количеству в сочетании с вариативностью принадлежит поясным пластинам и сбруйным принадлежностям» (Королькова, 2006. С. 88). Фалар из Филипповки I, как и бляха с изображением поединка верблюдов из кургана 5 могильника Бесоба, также являются элементами конского убора. Конь в мировоззрении ираноязычных кочевников I тыс. до н. э., вероятно, не обладал качествами медиатора, и чтобы наделять его таковыми, конское снаряжение украшалось сценами и сюжетами, имеющими соответствующую символику (сценами терзания жертвы, изображениями представителей нижнего мира: псовых хищников, налимов), а голова — маской с оленьими или козлиными рогами. Возможно, рассмотренный нами фалар с изображением борьбы двух верблюдов, воплощающей представление о «смерти-воскресении», играл ту же роль, что и маски на головах «пазырыкских» коней, то есть был призван сообщить коню медиативные способности. Любопытно, что среди трактовок назначения масок на головах коней существует и представление о том, что до погребения их использовали в обрядах, а в обрядовой практике пазырыкцев конь в маске был «символом весеннего равноденствия и атрибутом нового года» (Баркова, 1999). Таким

образом, предметы конского убранства со сценами борьбы верблюдов и конские маски с рогами из курганов Алтая по своим функциям могли быть отчасти тождественны: воплощая идею Нового года, смерти-воскресения, они должны были наделить украшенного ими коня медиативными способностями, чтобы он, в свою очередь, стал проводником для умершего (погребенного) в новый мир.

Список литературы

- Акишев А. К. Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 69–76.
- Баркова Л. Л. Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 97–101.
- Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы, 2014. 156 с.
- Кузмина Е. Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 3–12.
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006. 272 с.
- Мухарева А. Н. Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 102–109.
- Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Вост. лит. РАН, 1994. 206 с.
- Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.
- Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале : препр. Уфа, 1989. 32 с.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Сарианиди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.
- Сарианиди В. И. Гонур-Депе. Город царей и богов. Ашхабад : Miras, 2005. 327 с.
- Сатаев Р. М. Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М. : Старый сад, 2008. С. 143–160.
- Чугунов К. В. Торевтика азиатских nomadов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. М., 2016. С. 242–247.

**SCENE OF A CAMEL STRUGGLE ON A FILIPPOVSKIY BARROW FALAR:
A SPACE DUEL, A CONCEPT OF BIRTH AND DEATH, A MEDIATIVE SYMBOL
AND A SIGN OF ROYALTY
(THE SOURCES OF ICONOGRAPHY
AND THE SEMANTICS IMAGE ANALYSIS EXPERIENCE)**

E.E. Nechvaloda

The scene of a struggle between two camels on a falar of Filippovka 1 burial mound No. 1 barrow No. 3 has its iconographic features which distinguish it from similar stories in the art of the early nomads. Its prototype is known in the art of Ancient Margiana. In early nomads' art and religion a camel was a creature of double nature and, thus, it was an animal-guide. It was associated with the Sun, the equinox, the concept of birth and death and rites of passage. It was the incarnation of the absolute and Royal power.

Keywords: *Animal style, Sarmatians, camels, Filippovka 1, Margiana, the origins of iconography.*

ГРИВНА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ИЗ КУРГАНА 3 У СЕЛА КИЧИГИНО

Е. В. Переводчикова

Гривна с изображениями животных в скифском зверином стиле была найдена в кургане 3 у села Кичигино. По мнению А. Д. Таирова, С. Г. Боталова и М. Л. Плешанова, гривна является свидетельством новых культурных стереотипов на территории степей Южного Урала в результате миграции с юго-востока. Ближайшей аналогией ей являются гривны из Казинского клада. Изучение гривны подтвердило эти тезисы. Подтверждена также датировка Казинского клада — IV в. до н. э., — предложенная Е. Ф. Корольковой.

Ключевые слова: *гривна, кочевники Южного Урала, Казинский клад, культурные связи Южного Урала и Алтая.*

В кургане 3 могильника Кичигино I найдена гривна с окончаниями в виде фигур животных (рис. 1). Она была надета на шею женщины, захороненной в могильной яме № 5. Как и все впускные погребения в кургане, это захоронение датируется первой половиной IV в. до н. э. (Таиров и др., 2008. С. 143).

Гривна (рис. 2) сделана из круглой в сечении, обложенной золотым листом бронзовой проволоки, согнутой в полукольцо. На ее концы надеты наконечники в виде фигур животных с согнутыми лапами. Наконечники также бронзовые, обложены золотой фольгой с двух сторон, так что изображение получается составленным из двух половин (Таиров и др., 2008. С. 143). По причине удлиненных пропорций фигур животных наконечники получились достаточно длинными, и концы гривны заходят друг за друга, образуя конструкцию почти в полтора оборота.

Животные показаны с согнутыми лапами, причем задние согнуты под прямым углом, передние — под острым. Нижние части лап вытянуты в одну линию, продолжающую основную линию обода гривны. Передние лапы касаются пастей зверей. Очень длинный хвост тянется под углом к ободу гривны и касается его практически на краю наконечника предмета. Таким образом, фигуры животных целиком расположены над ободом гривны.

Туловища и головы зверей имеют удлиненные пропорции. Длинные головы расширены за счет выпуклого лба и относительно широкой «обрубленной» пасти животного. Выпуклость лба сформирована рельефной полосой, огибающей миндалевидный глаз. На нижнем крае полосы видны рельефные вертикальные черточки. На ее верхнем крае в разной степени четко проведены рельефные углубления, повторяющие форму изгиба лба. Подобная полоса такой же ширины окаймляет глаз снизу, под глазом на ней нанесены поперечные рельефные полосы. Расширение

Рис. 1. Гривна из кургана 3 могильника Кичигино I. Фото С. М. Арканова¹

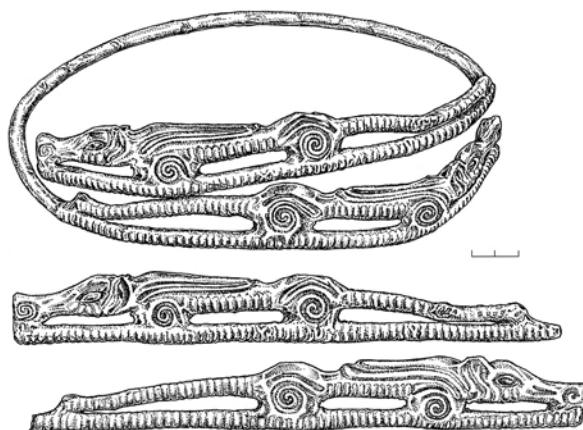

Рис. 2. Гривна из кургана 3 могильника Кичигино I

(по: Таиров и др., 2008. С. 141. Рис. 2, 15)

¹ Благодарю С. М. Арканова и А. Д. Таирова за предоставленную возможность публикации этой фотографии.

пасти оформлено по разному: на голове одного животного в пасти несколькими рельефными черточками показаны зубы, на другой внутри пасти находится изогнутая рельефная полоска, которую можно трактовать либо как язык животного, либо как кабаньих клык. Большое ухо, форма которого приближается к сердцевидной, расположено за глазом и занимает всю ширину головы, слегка выступая за ее верхний край; на одной из фигур его верхний край слегка поврежден. К уху сзади примыкает длинный подтреугольный выступ, расчерченный продольными рельефными полосками; он занимает почти всю верхнюю часть спины животного.

Лопатка и бедро животных оформлены спиралями округлого контура, контрастирующего с удлинёнными пропорциями туловища, головы и лап. Спирали на бедре дополнены сверху рельефной дугообразной фигурой. Туловища, лапы и хвосты животных представляют собой длинные узкие цилиндрические полосы, поверхность которых сплошь покрыта поперечными рельефными насечками. Окончания лап и кончики хвостов не выделены.

А. Д. Таиров, С. Г. Боталов и М. Л. Плешанов считают, что на наконечниках гривны изображены хищники (Таиров и др., 2008. С. 143). Автору этих строк уже приходилось писать о неоднозначности такой трактовки (Переводчикова, 2013. С. 145–146). В пользу того, что перед нами хищные звери, говорят их зубастые пасти, длинные хвосты, а также положение ног, свойственное изображениям хищников. При этом резко обрубленная морда животного напоминает пяточок свиньи; в сочетании с торчащим вверх клыком, который можно увидеть на одном из окончаний гривны, это позволяет предполагать, что перед нами изображение кабана. Длинный выступ подтреугольной формы в верхней части спины животного, примыкающий к его уху, напоминает изображение гривы кабана в традиции скифского звериного стиля (см., например: Артамонов. 1973. С. 34. Рис. 26; С. 100. Рис. 131). Грива показана в виде треугольника и на изображении кабана из 1 Филипповского кургана (The Golden Deer... 2000. Cat. 66) — здесь этот треугольник отмечен насечками. По стилю ближе всего к изображениям на кичигинской гривне — фигуры животных на ручках сосудов из 1 Филипповского кургана (The Golden Deer... 2000. Cat. 73, 76, 77, 79). Они сходны по трактовке поверхности мелкими рельефными полосками, оформлению лопатки и бедра животного. На всех этих изображениях присутствует такой же треугольный выступ. Однако вид этих животных также трудно определить: у них длинная морда с оскаленной пастью, которая вполне могла бы принадлежать кабану, однако лапы заканчиваются когтями. При этом длинного хвоста, свойственного изображениям хищников, мы ни на одном из этих изображений не видим.

В пользу трактовки кичигинских фигур как кабанов свидетельствуют и рельефные углубления, повторяющие форму изгиба лба. Подобные углубленные линии присутствуют на бляшках в виде кабаньих голов из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, Dvorničenko, 2005. Nr. 29).

Сходство изображений хищника и кабана по целому ряду стилистических признаков прослеживается на протяжении всей истории искусства ранних кочевников Евразии, начиная с архаических его образцов. Например, наиболее близкие стилистические параллели изображению зверя на костяном гребне из кургана 2 Варненской группы курганов находятся именно в изображениях кабанов (Переводчикова, Таиров, 2015. С. 126).

Зверь из Варны — абстрактный хищник, традиционный персонаж из репертуара скифского звериного стиля, для распознавания образа которого в языке скифского искусства имелся определенный набор изобразительных средств. В случаях же, когда перед мастерами стояла задача изобразить животное более определенного вида, существующего, в отличие от абстрактного хищника, в природе, мы наблюдаем не просто сходные стилистические признаки, а следы смешения образов того или иного вида хищных зверей и кабана. Например, такое явление наблюдается на изображениях длинноголовых зверей с гривой, вырезанных из золотой фольги (Синьцян). Длинная морда свойственна в природе как волку, так и кабану, при этом грива характерна не для волка, а для льва и при этом также является одним из признаков изображений кабанов. В этом случае вид животного трудно определить, поскольку смешаны признаки трех видов (Переводчикова, 2016. С. 187). Такое совмещение стало возможным в результате контакта скифского искусства с иными изобразительными традициями, привыкшими к более точному следованию натуре при изображении животных.

Возвращаясь к кичигинской гривне, где, похоже, наблюдается подобное смешение разных видов животных, можно допустить, что и на ней, и на ручках сосудов из Филипповки показаны кабаны. Это копытное животное иногда изображалось в позах, свойственных хищникам, и составляло особую группу в классификации животного мира, лежавшей в основе скифской изобразительной традиции (Переводчикова. 1994. С. 46–48). В русле этой логики лежит и присутствие черт хищников в изображениях кабанов — хвост (кичигинская гривна) и когтистые лапы (ручки сосудов из Филипповки).

А. Д. Таиров, С. Г. Боталов и М. Л. Плешанов видят ближайшую аналогию этой гривне в предметах из Ставропольского (Казинского) клада, а также приводят стилистические параллели из материалов 1 Филипповского кургана. Древности этого круга отражают время,

характеризующееся «резкой трансформацией прежних стереотипов культуры», вызванной «притоком в регион кочевников из Центральной Азии» (Таиров, Боталов, Плешанов, 2008. С. 144).

Автором данной статьи уже высказано согласие с этими выводами (Переводчикова, 2013. С. 145), и, забегаая вперед, следует заметить, что при более пристальном взгляде на эту вещь обнаруживается целый ряд дополнительных аргументов в их пользу. Чтобы убедиться в этом, имеет смысл рассмотреть гривну по признакам, упомянутым при ее описании.

Прежде всего, это материал, из которого изготовлена гривна. Бронзовые гривны, браслеты и височные кольца, обложенные золотом, встречаются в памятниках Южного Зауралья (Пшеничнюк, 1983. С. 164. Табл. XXXI, 3, 4; С. 184. Табл. LI, 16) и Приуралья (Пшеничнюк, 1983. С. 140. Табл. VII, 21; С. 152. Табл. XIX, 5; Ахмеров, 1959. С. 159. Рис. 4) V–IV вв. до н. э. Среди приуральских вещей этого круга наиболее известна бронзовая гривна из I Прохоровского кургана с окончаниями в виде голов оленей, обложенная золотом (Ростовцев, 1918. С. 14. Табл. II, 1), для датировки которой «временем от конца IV и не позже III вв. до н. э.» Л. Т. Яблонский привлекал гривну из Кичигино (Яблонский, 2010. С. 75).

Помимо южноуральских аналогий есть примеры сочетания бронзы и золота в материалах памятников ранних кочевников Горного Алтая. Прежде всего это найденная в Каракольском кургане бронзовая гривна с деревянными наконечниками в виде голов грифонов, вся покрытая золотом (Киселев, 1949. Табл. XXXII, 7, 8. С. 192–193). Из этого же кургана происходят и украшения для одежды в виде бронзовых квадратов, также покрытых золотом (Киселев, 1949. С. 191).

Хорошо известна бронзовая гривна с деревянными наконечниками в виде фигур грифонов из второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1953. С. 134–135. Рис. 79). Золотое покрытие сохранилось на наконечниках.

По данным сводки, составленной Ю. Ф. Кирюшиным и Н. Ф. Степановой, из памятников Горного Алтая происходит целая серия гривен различной конструкции, выполненных из бронзы с обкладкой золотым листом (Кирюшин, Степанова, 2004. С. 96–99). Помимо гривен в материале памятников этого региона встречаются и другие предметы из бронзы, покрытые золотом (Бородовский, Бородовская, 2009. С. 51–56; Кирюшин, Степанова, 2004. С. 287. Рис. 106, 4). Здесь уместно вспомнить, что использование золотой фольги для обкладки предметов из разных материалов традиционно для культур кочевников Алтая.

Составленные из двух половин обкладки фигур животных вновь обращают нас к уже упомянутым ручкам сосудов из I Филипповского кургана, обкладки которых состоят также из двух половин, соединенных посередине спины животного. Подобный прием наблюдается и на обложенной золотом ручке зеркала из кургана 6 курганного комплекса Таксай I (Лукпанова, 2014. С. 204. Фото 8). Сходство этого предмета с кичигинской гривной усиливается тем, что, в отличие от деревянных ручек сосудов из Филипповки, рукоять таксайского зеркала выполнена из бронзы. Очевидное стилистическое сходство изображений птичьих голов на зеркале с подобными изображениями на оковках сосудов из I Филипповского кургана (The Golden Deer... 2000. Cat. 50, 51, 54, 56), учитывая вероятное алтайское происхождение последних (Переводчикова, Таиров, 2010. С. 201–202), указывает на тот же круг памятников.

Гривны с заходящими друг на друга концами — наиболее простой тип конструкции вещей этой категории (Артамонов, 1971. С. 43), распространенный в разное время и в разных традициях (Королькова, 1995. С. 82). Наконечники таких гривен могут быть оформлены как в виде голов животных, так и в виде целых их фигур. На нашей гривне помещены целые фигуры животных с согнутыми ногами. Помимо уже упомянутых гривен из Казинского клада подобные изображения имеются на гривнах из сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962. Табл. X, 3, 4; Табл. XVI, XVII). Гривны с наконечниками в виде целых фигур хищных зверей происходят из курганов Ак-Алахи (Полосьмак, 2001. С. 164. Рис. 110), Ташанты, Уландрыка (Кубарев, 1987. С. 117. Рис. 46. Табл. XXVIII, 10; Табл. LXXIV, 23). Последние были привлечены Е. Ф. Корольковой в качестве стилистических аналогий изображениям на казинских гривнах (рис. 3).

Определяя место изображениям на гривне из Кичигино в этом круге подобных вещей, следует прежде всего заметить, что полные аналогии им здесь отсутствуют. Ближайшими, пожалуй, можно назвать две гривны из Казинского клада (Королькова, 1995. С. 78. Рис. 1, 2, 3), также с заходящими друг на друга концами, с изображениями целых фигур хищных зверей. В отличие от других подобных гривен, на которых обруч соотносится с серединой туловища животного, здесь фигуры зверей стоят на обруче гривны. Притом что удлинённые пропорции являются общей чертой рассматриваемых фигур, казинские и кичигинские отличаются от них тем, что ноги зверей не прижаты к туловищу (рис. 3, 1, 2). Сходным признаком является также положение хвостов животных, которые направлены под углом от туловища к обручу гривны и выглядят как еще одна точка опоры фигуры зверя. Уплощенная моделировка фигур

также объединяет казинские и кичигинскую гривны.

Отмеченная Е. Ф. Корольковой такая черта сходства казинских и уландрыкских гривен, как «имитирующая витые» трактовка хвостов животных (Королькова, 1995. С. 85), наблюдается и на гривне из Кичигино. Также не вызывает возражений, и при этом позволяет включить нашу гривну в круг сравниваемых изображений, и обращение Е.Ф. Корольковой к материалам 1 Филипповского кургана (Королькова, 1995. С. 85–86). Зооморфные ручки деревянных сосудов с золотой обкладкой имеют много сходных черт и с казинскими гривнами, и с кичигинской. Это дробная разделка поверхности рельефными линиями, а также оформление лопатки и бедра спиралевидными фигурами.

Спираль на бедрах кичигинских зверей, дополненные сверху рельефной дугой, напоминают подобные фигуры, акцентирующие лопатки или бедро животных, в памятниках Алтая — например, на войлочных аппликациях из Пазырыкских курганов (Руденко, 1953. Табл. СІХ; СХ). Похожая фигура помещена и на лопатке зверя на наконечнике одной из казинских гривен (Королькова, 1995. С. 78. Рис 1, 2).

Подводя итоги, можно отметить, что при подробном рассмотрении признаков гривны из кургана 3 могильника Кичигино 1 основные выводы, сделанные авторами раскопок и публикации, подтвердились. Ближайшие аналогии этой вещи — гривны из Казинского клада, которые, как и гривна из Кичигина, несут на себе следы алтайского происхождения.

Подтвердилась и датировка Казинского клада — IV в. до н. э. (Королькова, 1995. С. 97), поскольку кичигинская гривна датируется этим временем по комплексу погребения.

Список литературы

- Артамонов М. И. Вопросы хронологии скифо-сибирского золота // СА. 1971. № 3. С. 40–57.
 Артамонов М. И. Сокровища саков. М. : Искусство, 1973. 278 с.
 Ахмеров Р. Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1959. № 1. С. 156–167.
 Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4. С. 51–55.
 Киришин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая : в 3 ч. Ч. 3. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катун. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.
 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 364 с.
 Королькова (Чежина) Е. Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 77–89.
 Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
 Лукпанова Я. А. Археологические исследования на курганном комплексе Таксай-I // Маргулановские чтения — 2014 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию акад. А. Х. Маргулана. Алматы ; Павлодар, 2014. С. 184–204.
 Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. : Вост. лит., 1994. 206 с.
 Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля из курганов у села Кичигино как индикатор историко-культурных изменений на Южном Урале в середине I тысячелетия до нашей эры // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 2013. С. 139–148.
 Переводчикова Е. В. О некоторых признаках предметов из золотой фольги в скифском зверином стиле восточных областей Евразии // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию юбилею Б. А. Раева, г. Кагальник, 20–21 окт. 2016 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 185–189.
 Переводчикова Е. В., Таиров А. Д. Произведения скифского звериного стиля из 1 Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Приуралья // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 198–212.
 Переводчикова Е. В. Таиров А. Д. Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // Stratum Plus. 2015. № 3. С. 121–141.

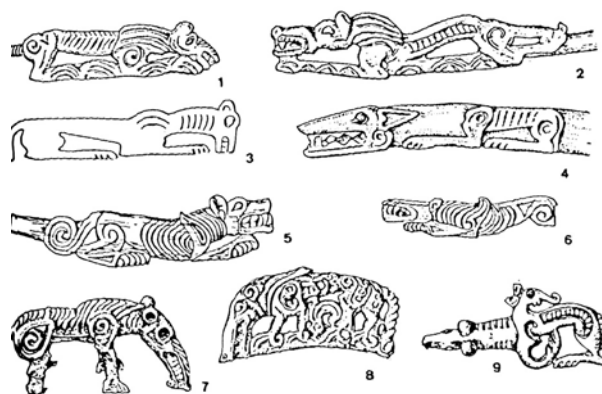

Рис. 3. Изображения на гривнах Ставропольского (Казинского) клада и аналогии (по: Королькова, 1995. С. 85. Рис. 4): 1, 2 — Ставропольский клад; 3 — Западный Казахстан, урочище Курайлы, изображение на каменном столике; 4 — Южное Приуралье, село Абрамовка; 5 — Алтай, могильник Уландрык I, курган 12; 6 — Алтай, могильник Уландрык II, курган 7; 7, 8 — Южное Приуралье, I Филипповский курган; 9 — Средний Дон, Мастюгино, колчанный крючок

- Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Пшеничниук А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука, 1983. 220 с.
- Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. 124 с.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 402 с.
- Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М. ; Л., 1962. 52 с.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г., Плешанов М. Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», г. Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139–145.
- Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС, 2010. 384 с.
- Očir-Gorjaeva M. A., Dvorničenko V. V. Katalog // Očir-Gorjaeva M. A. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tiestil an der Unteren Wolga. Mainz : Verlag Philipp von Zabern, 2005. S. 145–180.
- The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.-Y. : The Metropolitan Museum of Art, 2000. 303 p.

A TORQUE WITH THE IMAGES IN SCYTHIAN ANIMAL STYLE FROM BARROW #3 NEAR KICHIGINO SETTLEMENT

E.V. Perevodchikova

A torque with the depictions of animals in the Scythian animal style was found in barrow No. 3 near Kichigino settlement. According to A.D. Tairov, S.G. Botalov and M.L. Pleshanov the torque reflects new cultural stereotypes in South Ural steppes as a result of migration from the South-East. Torques from depot Kazinskiy are considered to be the most similar to it. A torque features research confirms the thesis. The dating of depot Kazinsky as of 4th century BC by E.F. Korolkova is also confirmed.

Keywords: *torque, South Ural nomads, depot Kazinsky, cultural links between Southern Ural and Altai regions.*

ПОЗДНИЕ САРМАТЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (по данным палеопатологии)¹

Е. В. Перерва

В связи с накоплением обширного палеоантропологического материала раннего железного века с территории Нижнего Поволжья перед учеными встает вопрос о всестороннем его изучении. Одним из антропологических методов исследования костных останков является палеопатология. В работе предпринята попытка с помощью методов фиксации патологических состояний на антропологическом материале выявить особенности населения позднесарматского времени. Анализ костных останков людей, живших на территории Нижнего Поволжья в II–IV вв. н. э., позволило установить, что у них были распространены специфические заболевания зубочелюстной, эндокринной и опорно-двигательной систем. У поздних сарматов был распространен обычай преднамеренной искусственной деформации черепа. Они обладали хорошими медицинскими навыками, на что указывает большое количество заживших боевых ранений и травм, а также умение проводить хирургические операции по трепанации черепа.

Ключевые слова: *позднесарматское время, Нижнее Поволжье, палеопатология, антропология, образ жизни.*

Позднесарматская культура Нижнего Поволжья представляет собой уникальный культурно-исторический феномен, изучению которого посвящена обширная научная литература.

Впервые комплексы позднесарматской культуры выделил П. Д. Рау (Rau, 1927), включив их во второй этап (Stufe “B”) и датировав III–IV вв. н. э. Носителями этого культурного периода он считал аланов, под которыми понимал скифо-сарматские племена (Ibid., 1927. S. 65). В современной археологии наиболее актуальными являются проблемы ареала происхождения, времени сложения позднесарматской культуры, по которым нет единства мнений. Существенным является вопрос соотношения позднесарматской культуры с аланским этносом. Вопросами периодизации памятников позднесарматского времени, становления культуры и ее основных атрибутов, развития региональных особенностей погребальных комплексов II–IV вв. н. э. занималось большое количество ученых-археологов (Скрипкин, 1984; Мошкова, 2009; Малышев, Мошкова, 2010; Кривошеев, 2010, 2013, 2014; Безуглов, 2010).

Значительное внимание носителям позднесарматской культуры уделяли, ученые-антропологи. Началу изучения костных материалов II–IV вв. н. э. положила работа по исследованию серии сарматских черепов из Калиновского могильника, изученная В. В. Гинзбургом (1959). Различные проблемы и аспекты антропологии населения Нижнего Поволжья, Нижнего Дона, Южного Приуралья и Казахстана были затронуты в работах Н. М. Глазковой и В. П. Чтецова (Глазкова, Чтецов, 1960), Б. В. Фирштейн и Т. А. Тот (Фирштейн, Тот, 1970), Е. Ф. Батиевой (Батиева, 2003, 2011), Е. П. Китова (Китов, 2010, 2013, 2014), М. А. Балабановой (Балабанова, 1997, 1998, 2000а, 2000б, 2001, 2009а, 2009б, 2010 и др.).

В настоящее время появился еще один вектор исследования позднесарматских древностей — палеопатология. В российской науке основы палеопатологии были заложены еще работой Д. Г. Рохлина (1965), но в последнее время изучение палеопатологических состояний на костных останках представителей сарматских культур получает все большее распространение.

Так, Е. Ф. Батиева изучала травматические повреждения у поздних сарматов Нижнего Подонья. Исследователь выявила у них высокую степень травматизма по сравнению с оседлыми группами Нижнего Дона. Высокий травматизм в сарматских группах исследователь связывает со спецификой хозяйства и экономического уклада ранних кочевников (Батиева, 2002; 2003. С. 17).

Большое внимание состоянию скелета и черепов сарматов уделяла М. А. Балабанова (Балабанова, Цыганова, 1997, 2001), не раз отмечая на их костных останках различные патологии суставов, позвоночника и травмы, распространение различных генетических аномалий и доброкачественных опухолей.

А. П. Бужилова и И. С. Каменецкий одну из своих работ посвятили изучению позднесарматского погребения из могильника Саганский I. На костных останках человека из данного

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00063 «Палеопатология сарматского населения Южнорусских степей».

археологического комплекса были обнаружены травматические повреждения и признаки болезней опорно-двигательной системы, которые указывали на военный образ жизни сармата (Бужилова, Каменецкий, 2004. С. 208–213).

Палеопатологии позднесарматского населения Нижнего Поволжья уделял внимание и автор данной работы. Им были исследованы травматические повреждения на материалах Есауловского Аксая, изучались различные аспекты образа жизни поздних сарматов в сравнении с раннесарматскими и среднесарматскими группами (Перерва, 2002, 2010).

В связи с уникальностью позднесарматских древностей в археологическом и антропологическом плане задачей данной работы было привести наиболее яркие и специфические особенности населения позднесарматской культуры, которые можно выделить с помощью палеопатологического анализа костных материалов II–IV вв. до н. э., и попытаться дать им объяснение.

Материалами для исследования послужили костные останки 166 индивидов, происходящих из подкурганных захоронений II–IV вв. н. э. (рис. 1). Костяки находились в различной степени сохранности. У 158 индивидов для исследования были доступны кости черепа и нижней челюсти, а у 82 сохранились кости верхних и нижних конечностей, таза, туловища, позвонки. В процессе изучения применялась методика фиксации палеопатологических признаков, разработанная А. П. Бужиловой (1998). Статистический анализ проводился с использованием параметрических и непараметрических методов с помощью специально созданной для этой цели автоматизированной системы (на базе программ BorlandC++ Builder 6 и Microsoft Excel XP). В отдельных случаях использовался метод рентгенологической диагностики аппаратом Medics-P-AMIKO2.

Первое, на что всегда обращают внимание антропологи, археологи и историки при изучении позднесарматских костных материалов, это фиксация такого уникального феномена, как преднамеренная искусственная деформация черепа. Большинство отечественных антропологов считает, что данный обычай в II–IV вв. н. э. становится массовым явлением на территории степной полосы Восточной Европы (Дебец, 1948; Гинзбург, 1959; Фирштейн, 1970; Балабанова, 1998, 2001).

Частота встречаемости деформации в некоторых нижеволжских могильниках может достигать 70 %. В исследуемой нами суммарной серии поздних сарматов показатели несколько ниже, черепа с деформацией составили около 65 % (табл. 4). Наблюдаются незначительные половозрастные различия во встречаемости модифицированных голов. Так, реже всего деформация черепа выявлена в детской выборке (50 %), чаще встречается у женщин (71 %) и мужчин (63 %).

Техника деформирования черепов у сарматов в большинстве случаев различна. Так, например, Е. В. Жиров (1940) выделил варианты кольцевой деформации — высокую и низкую. В. В. Гинзбург (1959) по черепам из Кенкольского могильника определен смешанный тип деформации — лобно-затылочная с кольцевой. Тем не менее, преобладающими типами деформации у сарматов являются лобно-затылочная и кольцевая, хотя приемы деформирования, как уже указывалось выше, были разнообразны (рис. 2). М. А. Балабанова предполагает, что поздние сарматы применяли лобно-затылочную деформацию, а вариации ее могли возникнуть в силу житейских обстоятельств. Например, дощечка, которая фиксировала затылочную кость, на некоторое время убиралась. В результате этого возникала

Рис 1. Карта расположения могильников, из которых происходят материалы позднесарматского времени: 1 — Абганерово; 2 — Авиловский II; 3 — Аксай; 4 — Антонов II; 5 — Барановка I; 6 — Большая Ивановка; 7 — Вербовский III; 8 — Вертячий; 9 — Веселый III; 10 — Верхний Балыклеи; 11 — Гремячий III; 12 — Громославка II; 13 — Гусевка I; 14 — Западные могилы; 15 — Заря I; 16 — Ковыльнов III; 17 — Колобовка III; 18 — Кондраши; 19 — Костарево IV; 20 — Лятошинка; 21 — Майеровский III; 22 — Малаяевка V; 23 — Нагавский II; 24 — Новый Рогачик; 25 — Первомайский; 26 — Перегрузное I; 27 — Петрунино II; 28 — Писаревка II; 29 — Племхоз; 30 — Попов I; 31 — Скворин; 32 — Солодовка I; 33 — Солянка; 34 — Степаневка II; 35 — Тары; 36 — Усть-Погожее; 37 — Шургановы курганы

одна из разновидностей деформации — лобно-теменная. На какое-то время могли снимать и всю деформирующую конструкцию, заменяя ее плотно прилегающими шапочками, чепчиками и т. д. (Балабанова, 1998. С. 42; Перерва и др., 2013).

Кроме искусственной деформации на позднесарматских материалах зафиксирован еще один вариант искусственной манипуляции с телом человека — трепанация черепа. Л. В. Гуренко в 1996 г. в результате археологических работ в Кумылженском районе Волгоградской области у станицы Глазуновской в кургане 4 раскопал позднесарматское погребение III–IV вв. н. э. В погребении были обнаружены череп со следами трепанации и нижняя челюсть с трепанационными отверстиями (Гуренко, 1997). Исследование черепа и нижней челюсти проводилось судебно-медицинским экспертом В. В. Сидоровым, который установил, что в заднем отделе теменной кости, справа, в 32 мм от стреловидного шва и в 23 мм от правой ветви лямбдовидного шва расположено трепанационное отверстие овальной формы с дефектом ткани размерами 7×6 мм. В результате изучения нижней челюсти у основания обеих вертикальных ее ветвей В. В. Сидоровым были также обнаружены трепанационные отверстия.

Важной особенностью населения позднесарматской культуры Нижнего Поволжья является фиксация половозрастных дисгармоний во всех палеоантропологических сериях II–IV вв.

Проблемам демографии населения позднесарматского времени степной зоны юга России антропологи неоднократно уделяли свое внимание (Батиева, 2011; Балабанова 2000б, 2009а; Балабанова и др., 2015). Кочевники II–IV вв. н. э. характеризуются такими яркими особенностями, как половые диспропорции в погребениях в пользу мужчин (2,97), высокий уровень дожития и соответственно высокий средний возраст смерти, в особенности в мужской серии (38,4 года); существует и еще одна важная особенность — малое количество детских и подростковых захоронений этого периода (табл. 1). Данную ситуацию описывает Е. Ф. Батиева (Батиева, 2011) на материалах могильников Нижнего Дона, а также М. А. Балабанова с соавторами (Балабанова и др., 2015), которая исследовала позднесарматские комплексы между-Волги и Дона, Заволжья и калмыкских степей.

Рис. 2. Искусственная деформация черепа молодой женщины из погребения 1 кургана 20 могильника Абганерово II

Таблица 1

Половозрастные особенности позднесарматской серии

Возраст	Поздние сарматы			♂ / ♀
	♂ (%)	♀ (%)	S (%)	
Infantilis 1	0 (0)	0 (0)	1 (0,6)	2,97
Infantilis 2	0 (0)	0 (0)	2 (1,2)	
Uvenis	3 (3)	0 (0)	7 (4)	
Adultus	43 (36)	24 (60)	67 (40)	
Maturus	58 (48)	16 (40)	74 (45)	
Senilis	15 (13)	0 (0)	15 (9)	
Средний возраст смерти	38,4	32,3	35,9	
	36,9			
Всего	119	40	166	

Исследуемая в данной работе серия также характеризуется незначительным количеством детей. Три индивида попадают в когорту «первое детство» (4–7 лет), четыре скелета принадлежат подросткам.

По мнению М. А. Балабановой, аномалии в показателях уровня смертности и половозрастных соотношений являются следствием серьезных изменений социального и экономического

статуса, которое претерпело позднесарматское общество в процессе становления (Балабанова, 2003. С. 68). Сходную динамику, как уже было отмечено, в степях Нижнего Подонья на материалах позднесарматского времени выявила Е. Ф. Батиева, указав, что данная ситуация связана с кардинальными переменами, произошедшими в составе населения региона этого времени и напряженной обстановкой, с этим связанной (Батиева, 2011. С. 47).

Следующей яркой чертой носителей позднесарматской культуры является специфический комплекс патологических отклонений, который фиксируется на зубной системе и характеризуется низкой частотой встречаемости кариеса и его осложнений в виде абсцессов, гранулем, кист. В то же время отмечается высокая частота наблюдений зубного камня, пародонтоза и, как следствие, прижизненной утраты зубов (табл. 2, 3). Причем нет половых зависимостей в частотах встречаемости перечисленных патологических состояний.

Таблица 2

**Признаки некоторых патологических состояний
на черепе и костях посткраниального скелета в детской серии**

Патология / аномалия	Ранняя бронза	
	<i>S</i>	<i>N</i>
Искусственная деформация	6	3
Пальцевидные вдавления	6	2
Кариес	6	0
Зубной камень	6	6
Эмалевая гипоплазия	6	5
Пороз костей свода и лицевого отдела черепа*	6	4
Cribra orbitalia	6	2
Поротический гиперостоз костей свода черепа	6	4
Воспалительные процессы на костях черепа (периостит)	6	2
Периостит на костях посткраниального скелета	4	2
Посмертные изменения	7	1

* Подразумевается набор признаков из бланка «Scorbuticskeletons», разработанный А. П. Бужиловой.

Таблица 3

Частота встречаемости зубочелюстных патологий в позднесарматских группах

Признак	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%
Кариес	152	12	8	114	10	9	38	2	5
Абсцесс	152	38	25	114	31	27	38	7	18
Зубной камень	152	133	88	114	102	89	38	31	82
Эмалевая гипоплазия	152	67	44	114	55	48	38	12	32
Потеря зуба	152	72	47	114	55	48	38	17	45
Пародонтоз	152	97	64	114	79	69	38	18	47
Слом коронки	152	21	14	114	18	16	38	3	8

В связи с этим можно предположить, что основой диеты сарматов, как и большинства кочевников, являлись мясные и молочные продукты, богатые белком. Данный факт хорошо отражен в сочинениях античных авторов, археологических источниках и даже в этнографических наблюдениях.

Так, сведения о том, что сарматы питались в основном продуктами животного происхождения (мясо, кобылье молоко, кровь животных, сыр, кисломолочные продукты), а также дикими животными, мы находим в работах Клавдия Элиана (1948), Страбона (1994), Плиния Старшего (1953).

Н. Л. Жуковская, описывая особенности пищи кочевников Центральной Азии (монголов, уйгуров, тибетцев, казахов, киргизов) конца XIX — начала XX в., указывает, что в летний период кочевники употребляли в основном молочную пищу, в зимний период — мясную (Жуковская, 1979. С. 65–66).

Еще одной часто встречаемой патологией зубов у населения позднесарматского времени является эмалевая недостаточность (гипоплазия) — дефект развития коронки зуба, прояв-

ляющийся чаще всего в виде отдельных, дискретных ямочек, углублений или горизонтальных бороздочек на поверхности эмали, поражающий постоянные зубы и являющийся следствием нарушения процесса кальцификации (Зубов, 1968. С. 18).

Частота встречаемости эмалевой недостаточности зубов в серии поздних сарматов достаточно высока — 44 % (табл. 2, 3). Согласно схеме «порядка кальцификации зубов», представленной в книге А. А. Зубова (1968), время формирования эмалевой гипоплазии на коронках постоянных зубов происходило в возрастном интервале от 6 месяцев до 2,5 лет. Именно в этот период в организме развивались хронические или острые состояния, приводящие к нарушению формирования эмалевого покрова. Наличие эмалевой гипоплазии на зубах человека говорит о том, что стресс удачно преодолен, это так называемый палеопатологический парадокс. Причины недостаточности развития эмали разнообразны: плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, переход от грудного вскармливания к обычной пище; если в целом, то это результат физиологического и пищевого стресса в период детства (Godman et al., 1984. P. 25, 27; Malville, 1997. Pp. 351–352; The Cambridge Encyclopedia... 1998. P. 405; Cohen, Armelagos, 1984. P. 589; Rose et al., 1985. P. 289; Wright, 1997. P. 234; Reid, Dean, 2000. P. 135; Maclellan, 2011. T. 47).

Наиболее частым патологическим состоянием на позднесарматских материалах является васкулярная реакция — специфическое изменение надкостницы в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, глазниц, по периметру от Vregma, вдоль стреловидного шва, в затылочной области. Данный маркер принято отождествлять с последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную или холодную погоду с повышенной влажностью (Бужилова, 1998. С. 104–105; Алексеева и др., 2003. С. 52–53).

Признаки холодового стресса у поздних сарматов в подавляющем большинстве отмечаются среди мужчин (88 случаев, что составляет 77 %), среди женщин отмечено 8 случаев (21 %) (табл. 4).

Таблица 4

Частота встречаемости некоторых маркеров физиологического стресса у поздних сарматов

Некоторые патологические признаки	Суммарная выборка			Мужчины			Женщины		
	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%
Деформация черепа	152	99	65	114	72	63	38	27	71
Васкулярная реакция	152	96	63	114	88	77	38	8	21
Cribra orbitalia	152	16	11	114	13	11	38	3	8
Поротический гиперостоз костей свода черепа	152	6	4	114	5	4	38	1	3
Пороз костей черепа	152	22	14	114	13	11	38	9	24
Лобный гиперостоз	152	9	6	114	9	8	38	0	0
Воспалительный пр.	152	10	7	114	8	7	38	2	5

Без сомнений, наиболее активной частью позднесарматского общества во всех культурах были мужчины. В холодное время года дети освобождались от выпаса скота, и эта функция ложилась на мужчин. Именно они, вероятнее всего, большую часть жизни проводили на открытом воздухе, подвергаясь воздействию низких температур и холодных ветров.

Одной из самых ярких особенностей практически всех трех сарматских культур является высокая частота проявления на черепных коробках такой редкой патологии, как лобный гиперостоз (рис. 3).

Впервые этот признак был описан анатомом Morgagni (1719, 1761) при обследовании престарелой женщины, страдавшей ожирением и имеющей мужеподобное строение тела, — на ее черепе было замечено утолщение внутренней пластинки лобной кости. Впоследствии патология получила название

Рис. 3. Черепная коробка мужчины из могильника Кондраши: А — признаки лобного гиперостоза; Б — последствия зажившего компрессионного перелома костей свода черепа

синдрома Morgagni, затем синдрома Stewart-Morel, или синдрома краниопатии (The Cambridge Encyclopedia... 1998. Р. 419). Данный признак был также зафиксирован у больных акромегалией и беременных женщин (The Cambridge Encyclopedia... 1998. Р. 419). Этиологию патологии исследователи связывают с разными причинами: Richter (1939) — с гормональными изменениями в организме женщины; Calame (1951) — с ожирением, расстройствами половой системы и диабетом; Bennet (1971) — с гиперпаратиреоидизмом (фиброзный остит) (цит. по: Hershkovitz et al., 1999. Рр. 322–323). Есть предположение, что недостаток женского полового гормона у женщин и избыток его у мужчин провоцирует проявление данного маркера (Бужилова, Козловская, 2000. С. 36–37). И действительно, при исследовании костяков сарматов, на черепе которых были зафиксированы признаки лобного гиперостоза, определение пола в некоторых случаях было затруднительно. Полоразграничительные признаки на черепках, костях посткраниального скелета и тазе этих людей были малоинформативны.

Изучаемая выборка сарматов II–IV вв. н. э. обнаруживает относительно высокие показатели встречаемости лобного гиперостоза. По сравнению со среднесарматской серией, в которой данное отклонение чаще фиксируется у женщин, что соотносится с палеопатологическими и клиническими данными (Hershkovitz et al., 1999. Р. 322), лобный гиперостоз у поздних сарматов зафиксирован девять раз и только у мужчин (табл. 4).

Доминирование лобного гиперостоза у мужчин описала М. А. Соколова (2004), которая изучила 125 сарматских черепов, принадлежащих разным культурным этапам. А. П. Бужилова и М. В. Козловской, исследовавших серию костяков, состоящую из 32 индивидов из могильника Терновое-Колбино скифского времени, у шести человек (трех мужчин и трех женщин), что составляет 18,8 %, были обнаружены следы лобного гиперостоза, (Бужилова, Козловская, 2000. С. 37–38). Для объяснения причины распространения такой редкой патологии в изучаемых скифских палеопопуляциях А. П. Бужилова и М. В. Козловская обращают внимание на сведения Гиппократ о внешнем облике скифов: «...по внешнему виду скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы. Вследствие тучности и гладкости тела по внешнему виду все похожи друг на друга». Также Гиппократ отмечает слабую плодовитость скифских мужчин, связывая ее с верховой ездой, а у женщин — с «ожирением и влажностью» (Гиппократ, 19, 20, 21).

Тучность у некоторой части сарматов можно объяснить аналогичными причинами. Тем более, есть достаточно сведений, что сарматы были прирожденными всадниками.

Античные авторы единодушно в описании сарматов не только как кочевников, но и как племен, отличающихся воинственностью. Сюжеты агрессивности сарматов находятся во многих античных письменных источниках, в особенности это касается периода экспансии аланов в южнорусские и причерноморские степи в I–II вв. н. э., то есть во время существования среднесарматской, а также становления и развития позднесарматской культуры II–IV вв. н. э. Работы ученых-антропологов показали, что травмы черепа и костей посткраниального скелета могут являться маркерами военной активности и признаками агрессивности, а также специфики трудовой деятельности человека.

У 62 сарматов из 167 изученных обнаружены повреждения травматического характера. Анализ гендерных и возрастных особенностей распределения травм показал, что у детей и подростков позднесарматского времени травм нет (табл. 5). В подавляющем большинстве случаев дефекты выявлены у мужчин (56 индивидов). Только у шести женщин были обнаружены травмы, которые локализованы исключительно в лицевом отделе черепа (Там же). Возраст женщин, у которых были выявлены костные дефекты в лицевом отделе черепа, не превышает 35 лет. Во всех случаях черепа были искусственно деформированы. Можно предположить, что установленные повреждения следует отнести к травмам, полученным в результате межличностного насилия. Однозначно ответить на вопрос, имеют ли зафиксированные повреждения боевой или бытовой характер, не представляется возможным.

В мужской серии локализация травм имеет иной характер. Так, у 22 индивидов выявлены травмы костей свода черепа, у 30 обнаружены повреждения носа, 9 травм верхней и нижней

Таблица 5

Результаты анализа степени травматизма в позднесарматской группе

Характер травм индивидов	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	S	n	%	S	n	%	S	n	%
Травмы свода черепа	156	22	14,1	116	22	18,9	40	0	0
Травмы лица	156	38	24,4	116	32	27,6	40	6	15
Травмы посткраниального скелета	80	14	17,5	59	14	23,7	21	0	0
Всего травмированных индивидов	163	62	38	121	56	46,3	42	6	14,3

челюсти, у 14 индивидов наблюдались разнообразные дефекты на костях посткраниального скелета (табл. 5).

На своде черепа чаще всего фиксируются травмы в виде компрессионных переломов — 15 случаев (рис. 3), из них 14 ранений носят на себе следы заживления, то есть они имели благоприятный исход. Одно ранение имеет смертельный характер и выявлено у взрослого мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 2 могильника Аксай II (рис. 4). В основном это травмы лобной или теменных костей, которые характеризуются небольшими размерами — до 20–30 мм в диаметре. Форма дефектов овальная.

Рубленые ранения были обнаружены у восьми мужчин. В четырех случаях из восьми рубленые раны носили смертельный характер. Все случаи компрессионных переломов и рубленых повреждений можно отнести к травмам боевого, насильственного характера.

К лицевым травмам были отнесены переломы носовых костей, дефекты верхней и нижней челюстей, а также массивные травмы лицевого отдела черепа, приводящие к его деформации. Вероятнее всего, они могли быть результатом бытовых конфликтов, межличностных столкновений, а также следствием боевых игр или возможных обрядов перехода из одной возрастной группы в другую, которые обычно характерны для древних сообществ.

Травматические повреждения на костях посткраниального скелета обнаружены у 14 индивидов. В подавляющем большинстве случаев они представлены переломами трубчатых длинных костей. Такого рода дефекты обнаружены у 12 индивидов. Чаще всего фиксировались переломы ключиц (5 наблюдений) и переломы больших берцовых костей (4 случая). Основными причинами переломов ключиц являются падения (в основном характерны для пожилых лиц) и прямой удар (Скороглазов и др., 2013. С. 79). Что же касается повреждений на больших берцовых костях, то они в подавляющем большинстве случаев возникают в результате прямого удара, вследствие чего происходят многооскольчатые или поперечно-зубчатые переломы. В результате не прямой травмы образуется косая или винтообразная линия излома (Коржа и др., 1980. С. 70). Дважды зафиксированы полностью зажившие косые переломы левых бедренных костей.

Широко распространены у сарматов позднего этапа патологические изменения опорно-двигательной системы — артрозы, артриты, остеофитозы, остеохондрозы, различного рода хрящевые грыжи (табл. 6, 7). Появление их может быть связано как с естественным процессом старения организма (Косинская, 1961; Клионер, 1962; Рохлин, 1965), так и с интенсивными физическими нагрузками, воздействующими на скелетную систему человека в течение всей его жизни (Бужилова, 1998; Ражев, 1996).

Рис. 4. Кость черепа взрослого мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 2 могильника Аксай II со следами смертельного ранения

Таблица 6

Встречаемость некоторых патологий посткраниального скелета у сарматов

Патология	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%
Артроз	78	35	45	58	28	48	20	7	35
Артрит	78	6	8	58	6	10	20	0	0
Воспалительные процессы	78	6	8	58	3	5	20	3	15
Посмертные изменения	78	3	4	58	3	5	20	0	0

Таблица 7

Болезни позвоночника у представителей позднесарматской группы

Отдел скелета	Суммарная серия			Мужчины			Женщины		
	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%
<i>Остеофитоз</i>									
Шейный	48	25	52	40	23	58	8	2	25
Грудной	48	25	52	40	22	55	8	3	38
Поясничный	48	33	69	40	28	70	8	5	63
<i>Остеохондроз</i>									
Шейный	48	19	40	40	16	40	8	3	38
Грудной	48	7	15	40	6	15	8	1	13
Поясничный	48	14	29	40	11	28	8	3	38
<i>Узлы Шморля</i>									
Шейный	48	1	2	40	0	0	8	1	13
Грудной	48	11	23	40	8	20	8	3	38
Поясничный	48	15	31	40	12	30	8	3	38

У поздних сарматов отмечен высокий процент встречаемости артрозов — 35 наблюдений, что составляет 45 % от общей численности выборки (табл. 6). Причем отмечается явный перевес артрозных поражений на суставах мужчин (48 %). Данное дегенеративное отклонение имеет четкую возрастную направленность в повышении частот встречаемости. Появляясь у молодых индивидуумов 25–35 лет (9 %), наивысшего пика распространения артрозы достигают в возрастной группе 45–55 лет.

Из болезней позвоночника фиксировались последствия остеохондроза, спондилезные изменения в виде остеофитов, узлы Шморля — локальные прорывы вещества диска за пределы его нормальных границ с внедрением в смежные анатомические образования (Косинская, 1961. С. 146), а также деформирующие артрозы суставов позвоночника. Чаще в мужской выборке фиксировались остеохондроз и остеофитоз на шейном и поясничном отделах позвоночника (табл. 7).

Анализ встречаемости дегенеративно-дистрофических изменений на суставных поверхностях костей посткраниального скелета, большой процент болезней позвоночника, степень развитости мышечного рельефа поздних сарматов, а также динамика распределения зафиксированных патологических отклонений по половому и возрастному признаку указывают на значительную подверженность позднесарматского населения механическому стрессу.

Таким образом, в результате палеопатологического анализа костных останков можно сделать следующие выводы.

Демографические диспропорции (превалирование мужчин над женщинами), высокая продолжительность жизни мужского населения и практически полное отсутствие детских захоронений, возможно, связаны с социальной спецификой позднесарматского общества. В этом отношении сарматы сходны с населением Джетыясарской культуры (могильник Косасар-2).

Широко используемый поздними сарматами обычай искусственной деформации головы, вероятно, имеет социальное значение. Преобладающим типом деформации был смешанный (лобно-затылочный + кольцевой). Неоспоримо влияние деформации на повышение частот встречаемости фенотипических признаков, а также на возможное ускорение или замедление скорости облитерации черепных швов, нарушение процесса кровоснабжения головного мозга и, как следствие, повышение внутричерепного давления. Деформация также могла быть причиной эндокринных нарушений.

Распространение обычая преднамеренной искусственной деформации, а также сверлильной трепанации указывает на восточные корни возникновения данных традиций. Культурные практики подобного рода манипуляций с черепом человека наряду с археологическими особенностями сарматских культур, вероятно, зародились на обширной территории Центральной и Средней Азии.

Трепанация из могильника Глазуновский находит аналогии с перфорациями среднесарматского времени из могильников Перегрузное I и Вербовский I (Перерва, 2012; Перерва и др., 2017), которые, в свою очередь, имеют большое сходство с посмертными трепанациями из могильников Центрального Казахстана тасмолинской культуры, описанные А. З. Бесейновым и Е. П. Китовым (Бейсенов, Китов, 2014), а также черепом из могильника Карабие Коунрадского района Карагандинской области, изученным П. Боевым и О. Исмагуловым (Боев, Исмагулов, 1962).

Система питания взрослого населения и детей, перешедших от грудного вскармливания к постоянной пище, была одинаковой. Это подтверждается отсутствием кариеса на зубах детей и взрослых, а также широким распространением у них зубного камня. На доминирование белковой пищи в рационе сарматов указывает именно этот специфический комплекс проявления патологий зубочелюстной системы, который также наблюдался у населения эпохи камня и эпохи бронзы Прикубанья, эпохи ранней и средней бронзы Нижнего Поволжья, а также у ранних скифов из могильника Новозаведенное II (Медникова, 2002; Добровольская, 2005; Перерва, 2016).

Характер проявления на зубах эмалевой гипоплазии у поздних сарматов показывает, что она возникает в результате комплекса неблагоприятных факторов. В то же время период интенсивного формирования зубного камня на коронках непостоянных зубов детей и подростков, который выпадает на время от 3 до 4 лет, возвращает нас к гипотезе серьезного дисбаланса в организме детей, возникающего при переходе от грудного вскармливания к постоянной пище.

Среди всех сарматских культур наивысшие частоты встречаемости васкулярной реакции надкостницы на костях черепа наблюдаются именно в позднесарматской серии, свидетельствуя, что именно в это время мужская часть населения была наиболее мобильной, постоянно передвигалась в поисках новых территорий для выпаса скота, находилась в боевых длительных походах и т. д. Более низкий процент встречаемости признаков холодового стресса у женщин, возможно, связан с постоянным ношением головного убора или нахождением в более благоприятных условиях, чем мужчины: например, в повозках, как на это указывают письменные источники (Аммиан Марцеллин, XXXI, гл. 20).

На основе выявленных патологических нарушений эндокринной системы у поздних сарматов можно с некоторой долей объективности сделать предположение о вероятном внешнем облике части сарматов и их образе жизни. Различные случайности природного и политического характера, вероятно, значительно влияли на качество жизни сарматов. Однообразное и несбалансированное питание, способствовавшее ожирению, постоянное времяпровождение в седле, которое могло приводить к нарушению половых функций, частые голодовки, случающиеся у сарматов и сменявшиеся периодами, когда кочевники могли предаваться обжорству, — все эти факторы могли стимулировать развитие у представителей сарматского населения серьезного гормонального дисбаланса.

Относительно высокий травматизм костяков поздних сарматов указывает на вовлеченность большей части мужского населения в военные формирования. Зафиксированная половая направленность в распределении травм боевого характера свидетельствует о четкой профессиональной дифференциации в обществе. Большинство мужчин, вероятно, являлись потомственными, хорошо обученными воинами-всадниками. Подтверждение этому предположению можно найти не только в письменных, но и в археологических источниках.

Кочевой, гиперактивный, а возможно, и агрессивный образ жизни нашел отражение в распространении патологических состояний опорно-двигательной системы у мужчин позднесарматского времени. Невысокий показатель болезней позвоночника, дегенеративно-дистрофических изменений суставов костей посткраниального скелета в женской группе, скорее всего, маркирует более спокойный образ жизни и отражает естественный процесс старения организма.

Зафиксированные в мужской группе особенности распределения заболеваний позвоночного столба (шейный и поясничный отделы), увеличение мышечного рельефа и степени поражения суставов верхних конечностей, вероятно, можно рассматривать как комплекс всадничества. Именно на данный характер распределения патологических изменений указывают А. П. Бужилова (Бужилова, 1998) и Д. И. Ражев (Ражев, 1996), пытаясь выявить патологические отклонения, характерные для фиксации стресса, связанного с верховой ездой. Данное предположение не противоречит письменным источникам относительно сарматов и аланов, которых античные авторы описывали как вооруженных всадников. В археологических комплексах элементы конской упряжи встречаются только в мужских погребениях.

Список литературы

- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М. : Науч. мир, 2003. 132 с.
- Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. и коммент. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. СПб. : Алетей, 1996. 268 с.
- Балабанова М. А. Сарматское население Волго-Донского междуречья (по материалам Терновского могильника) // НАВ. 1998. № 1. С. 60–68.
- Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука, 2000а. 133 с.

- Балабанова М. А. Демография поздних сарматов // НАВ. 2000б. Вып. 3. С. 201–209.
- Балабанова М. А. Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии // Третья Кубанская археологическая конференция : тез. докл. междунар. археолог. конф. Краснодар ; Анапа, 2001. С. 3–7.
- Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. 2003. № 6. С. 68.
- Балабанова М. А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009а. № 3. С. 79–88.
- Балабанова М. А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестн. Волгогр. гос. ун-та Сер. История. 2009б. № 1 (15). С. 5–12.
- Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 184–230.
- Балабанова М. А. и др. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Балабанова М. А., Цыганова О. М. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград, 1997. С. 267–286.
- Батиева Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия (итоги и перспективы) : тез. докл. междунар. конф. М. : Мосты культуры, 2002. С. 16–17.
- Батиева Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия : материалы конф. : в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 250–267.
- Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э.— IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Безуглов С. И. Позднесарматская культура и Нижний Дон // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 93–115.
- Бейсенов А. З., Китов Е. П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана // Изв. Алтайс. гос. ун-та. 2014. № 4–2 (84). С. 31–41.
- Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
- Бужилова А. П., Каменецкий И. С. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Саганский-I) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 208–213.
- Бужилова А. П., Козловская М. В. Были ли скифы тучными? (Антропологический анализ кремированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 36–38.
- Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР // Совет. этнография. 1962. № 2. С. 131–132.
- Гинзбург В. В. Этнические связи древнего населения // МИА. 1959. № 60. С. 563–575.
- Гиппократ. Избранные книги. О воздухе водах и местностях. М., 1994. С. 275–307.
- Глазкова Н. М., Чтецов В. П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 1960. № 78. С. 285–292.
- Гуренко Л. В. Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станицы Глазуновской) в 1996 г. Волгоград, 1997.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии. 1948. Т. 4. 392 с.
- Добровольская М. В. Население эпохи бронзы в Прикубанье: Некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М., 2005. С. 95–112.
- Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 8. М. ; Л., 1940. С. 80–87.
- Жуковская Н. Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Совет. этнография. 1979. № 5. С. 65–75.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1968. 199 с.
- Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 519–544.
- Китов Е. П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16, № 3–2. С. 611–616.
- Китов Е. П., Хохлов А. А. Краниология могильника Солёный Дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // УАВ. 2010. № 10. С. 127–131.
- Клавдий Элиан. О животных // Вестн. древ. истории. 1948. № 2 (24). С. 223–227 (в работе: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе).
- Клионер И. Л. Старческие и дегенеративные изменения в суставах и позвоночнике. М. : Медгиз, 1962. 151 с.
- Коржа А. А. и др. Справочник по травматологии и ортопедии. Киев : Здоров'я, 1980. 216 с.

Кривошеев М. В. Вопросы происхождения и развития позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 57–92.

Кривошеев М. В. Серебряные изделия как хроноиндикатор в позднесарматских комплексах // НАВ. 2013. Вып. 13. С. 132–135.

Кривошеев М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья // НАВ. 2014. Вып. 14. С. 87–91.

Медникова М. Б. Антропология ранних скифов: могильник Новозаведенное II // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М. : Изд-во ИА РАН, 2002. С. 128–140.

Косинская Н. С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата (клиническая рентгенодиагностика и экспертиза трудоспособности). Л. : Медгиз, 1961. 190 с.

Мошкова М. Г. Позднесарматская культура. (Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии). Вып. 4. М., 2009.

Малышев В. Ю., Мошкова М. Г. Происхождение позднесарматской культуры (К постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 37–56.

Перерва Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М. : Изд-во ИА РАН, 2002. С. 141–151.

Перерва Е. В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (Палеопатологический аспект, сравнительный анализ с раннесарматскими и среднесарматскими сериями) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. С. 231–262.

Перерва Е. В. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23. 2012. № 2. С. 123–133.

Перерва Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях неполовозрелого и подросткового населения эпохи бронзы из подкурганых захоронений Нижнего Поволжья // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. Вып. 5, ч. 1. Тюмень, 2016. С. 51–57.

Перерва Е. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г. Коллекция искусственно деформированных черепов научно-учебного кабинета-музея антропологии Волгоградского государственного университета // Палеоантропология. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2013. 116 с.

Перерва Е. В., Обременко Е. И., Мамонтов В. И. Трепанация черепа из захоронения среднесарматского времени с территории Волгоградской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23. 2017 (в печати).

Плиний Страший. Естественная история / пер. Н. М. Подземской // Античная география. М. : Географгиз, 1953. С. 238–262.

Ражев Д. И. Комплекс остеологических признаков всадников // Природно-географические факторы и историко-культурные процессы : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 1996. С. 251–259.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения) М. ; Л. : Наука, 1965. 302 с.

Скороглядов А. В., Ивков А. В., Шнейдеров М. В. Интрамедуллярный остеосинтез ключицы // Вестн. Рос. гос. мед. ун-та. 2013. № 3. С. 22–35.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.

Соколова М. А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М., 2004. С. 188–190.

Страбон. География / пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М. : Ладомир, 1994. 944 с.

Фишштейн Б. В., Том Т. А. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов авары и сарматы. Л. : Наука, 1970. 201 с.

Cohen M.N., Armelagos G.L. Paleopathology at the origins of agriculture. Orlando : Academic Press, 1984. Pp. 585–601.

Goodman A.H. et al. Indications of Stress from Bone and Teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. M.N. Cohen and G.L. Armelagos (eds.). Orlando, 1984. Pp. 13–49.

Hershkovitz I. et al. Wish-Baratz Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective // Amer. J. of Anthropology. 1999. No. 109. Pp. 303–325.

MacIellan E. Linear Enamel Hypoplasia: What Can it Say About the Condition of Childhood? // Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology. 2011. Vol. 13. Iss. 1. Art. 7. Pp. 41–52.

Malville N.J. Enamel Hypoplasia in Ancestral Puebloan Populations From Southwestern Colorado: I. Permanent Dentition // Amer. J. of Physical Anthropology. 1997. No. 102. Pp. 351–367.

Rau P. Die Hugelgraber romisher Zeit an Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927. 112 p.

Reid D.J., Dean M.C. Brief Communication: The Timing of Linear Hypoplasias on Human Anterior Teeth // Amer. J. of Physical Anthropology. 2000. Vol. 113. Pp. 135–139.

Rose J.C., Boyd L.F., Condon K.W. Enamel Microdefects and subadult infections // Amer. J. of Physical Anthropology. 1985. Vol. 54. P. 270.

The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom : Cambridge Univ. Press, 1998. 478 p.

Wright L.E. Intertooth Patterns of Hypoplasia Expression: Implications for Childhood Health in the Classic Maya Collapse // Amer. J. of Physical Anthropology. 1997. Vol. 102. Pp. 233–247.

**LATE SARMATIANS OF LOWER VOLGA REGION
(according to paleopathological data)**

E.V. Pererva

Due to the considerable amount of early Iron Age paleoanthropological material from the territory of the Lower Volga region, the scientists face the need to conduct its comprehensive study. Paleopathology is one of the anthropological research methods of skeletal remains examination. An attempt to reveal characteristic features of the late Sarmatian period population by identifying typical pathological conditions on the basis of anthropological material is presented in the work. The analysis of skeletal remains of the Lower Volga region population of 2nd – 4th centuries AD has established common specific diseases of dental, endocrine and musculoskeletal system of the studied group. Deliberate artificial deformation of the skull was widespread among the late Sarmatians. They were also quite skilled in medicine, which is proved by a large number of healed battle wounds and injuries, as well as the ability to perform a surgical operation of craniotomy.

Keywords: *Late Sarmatian period, Lower Volga region, paleopathology, anthropology, life style.*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам грунтовых могильников)¹

А. С. Проценко

Статья посвящена анализу погребального обряда детских захоронений из грунтовых могильников, относящихся к одному из самых ярких этнических образований Предуралья — кара-абызской археологической культуре. Носители этой культуры занимали незначительные территории в среднем течении р. Белой, но сумели при этом оставить один из самых крупных могильников в Восточной Европе — Охлебининский, вблизи которого выявлено еще несколько больших некрополей (Шиповский, Биктимировский и др.). Результаты исследований показали, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря, что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка. Несомненным недостатком является отсутствие возможности проследить гендерную социализацию детей, что связано в первую очередь с отсутствием возрастных определений скелетных остатков. К сожалению, погребальный инвентарь не позволяет судить и о вовлечении детей в экономическую сферу, так как орудия труда крайне редки и во взрослых погребениях, а в детских их просто нет. Отсутствие предметов вооружения, скорее всего, показывает, что дети не были привлечены к военному делу.

Ключевые слова: *ранний железный век, Южный Урал, погребальный обряд, детские погребения.*

Лесостепное Предуралье в географическом плане представляет собой некий ограниченный анклав с разнородными природными и ландшафтными условиями. С востока регион ограничен предгорьями Урала, с юго-запада — Бугульминско-Белебеевской возвышенностью, с севера — долиной р. Камы. Фактически предуральская лесостепь «укладывается» в границы долины р. Белой (в ее среднем течении) и ее притоков. При этом разнообразие физико-географических условий — от таежных предгорий до остепененных участков левобережья — позволяло вести разноотраслевое хозяйство. Последнее обстоятельство повышало привлекательность региона для его заселения группами населения с хозяйством различного типа. На рубеже эр здесь складывается оригинальное этнокультурное образование, известное в археологии как кара-абызская культура (Овсянников, 2014. С. 375).

Детство — это стадия, которую переживает каждый член человеческого коллектива, а в древности для многих она была единственной. Категория индивидов возрастом до 15 лет численно заметно превалировала в древности над другими возрастными группами. Древние сообщества, в отличие от современных, были достаточно «молодыми». Следовательно, и значительная часть повседневной деятельности была возложена на тех, кого мы сегодня привыкли считать детьми (Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 36).

Дети представляют собой общественную группу, уникальную во многих отношениях. Детство как начальная часть жизни является периодом, универсальным для всех человеческих сообществ (только наш вид практикует достаточно продолжительную заботу о не-взрослых). Вместе с тем это всегда культурно-специфичная конструкция, поскольку пути и особенности социализации детей различны в каждом обществе (Берсенева, 2011. С. 59).

На данный момент источниковая база погребальных памятников кара-абызской культуры, состоит из восьми могильников, на которых более чем за сто лет исследовано 1435 погребений (Проценко, 2016. С. 45). Для статистического анализа нами была сформирована случайная выборка, в которую вошли материалы исследования следующих грунтовых могильников: Охлебининского (496 погребений) (Пшеничнюк, 1965, 1980, 1981); I Биктимировского (68 погребений) (Сальников, 1962; Пшеничнюк, 1963, 1964); III Биктимировского (17 погребений) (Пшеничнюк, 1964). Всего 581 захоронение, 97 (16,5 %) из которых исследователи отнесли к детским. Важно отметить, что количество мужских, женских и детских погребений (из известных захоронений) оказалось примерно равное количество — 16,3, 18,5 и 16,5 % соответственно (Иванов, Проценко, 2017. С. 121).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века». Проект № 16-31-00010.

Суммарная характеристика погребального обряда, детских захоронений, грунтовых могильников кара-абызской культуры проводилась по 88 альтернативным признакам. Ассортимент и содержание признаков погребального обряда определяются исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи памятников в своих научных отчетах или публикациях. Среди них объективными, то есть, с точки зрения археологического источниковедения, реально фиксируемыми являются тип и планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала, ассортимент погребального инвентаря.

Планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала. Захоронения совершались в простых могильных ямах глубиной от современной поверхности от 0,5 до 1,5 м по обряду ингумации. Относительно конструкции могильной ямы выделяются пять погребений, в которых одна или несколько стенок обложены камнями. Ориентировка в большинстве погребений северо-западная (30,93 %) или юго-восточная (11,34 %), в большинстве случаев погребенные были уложены ногами к водоему (реке или ручью). Не удалось установить ориентировку в 8,25 % захоронений. Во всех погребениях, в которых удалось проследить положение костяков, они лежали на спине, вытянуто. В качестве ритуальных признаков 26,8 % погребений содержали керамическую посуду (установленную в изголовье или у ног), 18,56 % — кости животных (возможно, остатки сопроводительной пищи).

Выделяется заметная группа безынвентарных погребений — 32 захоронения (32,99 %).

Большинство детей были захоронены в индивидуальных могильных ямах. Двойные погребения (ребенок вместе со взрослым) достаточно редки — всего три случая: два — с подростками, одно — с мужчиной. Кроме того, встречены два тройных погребения, где ребенок был захоронен вместе с мужчиной и женщиной.

Ассортимент погребального инвентаря. Вещевой инвентарь не слишком разнообразен. Наиболее распространенным являются украшения в виде бус (выявлены в 22 погребениях (22,68 %)) и различных обоям (в 21 погребении (21,65 %)). В девяти погребениях найдены круглые бронзовые бляшки небольшого размера, в десяти — астрагалы (в том числе со сквозными отверстиями). В шести захоронениях встречены поясные накладки и трапециевидные подвески. Пряжки различных форм, колечки (серьги?) и браслеты фиксируются в незначительном количестве.

Предметы вооружения и конской упряжи зафиксированы в одном парном погребении (№ 50) Охлебининского могильника. В нем были захоронены подросток и ребенок, к последнему относился следующий инвентарь: выше черепа лежала кость животного и железный ножичек, на шее — стеклянные бусы различной формы и цвета, ниже ступней ног — две бронзовые пряжки с неподвижными язычками, железные удила с костяными псалиями и три маленькие бронзовые обоямочки. Не совсем ясно, кому принадлежали железный наконечник копья и одиннадцать железных трехлопастных наконечников стрел — ребенку или погребенному рядом подростку (Пшеничнюк, 1965).

Из предметов быта представлены железные ножи и пряслица. Первые найдены в десяти погребениях, вторые — в двух. Все ножи однолезвийные, небольших размеров. Остальные артефакты из детских погребений представлены единичными экземплярами: гривна, костяная ложечка и кусочки мела.

Таким образом, проанализировав выборку, мы видим, что в кара-абызском обществе дети погребались в одной манере с взрослыми, но в сопровождении более скудного инвентаря, что, скорее всего, обуславливалось имущественным (социальным) положением ребенка. Также необходимо отметить факт, который был зафиксирован исследователями и в детских погребениях прохоровского времени: «...несмотря на высокий уровень смертности, дети подвергались бережному обращению, следовательно, были ценны для общества» (Берсенева, Гильмитдинова, 2013. С. 42).

Список литературы

- Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 204 с.
- Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.
- Овсянников В. В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н. э. — середине I тыс. н. э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань : Отечество, 2014. С. 375–377.
- Иванов В. А., Проценко А. С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // VII Халиковские чтения: средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Сер. Археология евраз. степей. № 1. Казань : Казан. недвижимость, 2017. С. 117–129.
- Проценко А. С. Погребальные комплексы кара-абызской культуры (очерк истории накопления источниковой базы) // Клио. 2016. № 9 (117). С. 43–47.

Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологических исследованиях в центральных районах Башкирской АССР за 1963 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2676.

Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологической экспедиции за 1964 г. // Научный отчет Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН — Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 639.

Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологической экспедиции за 1965 г. // Научный отчет Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН — Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 640.

Пшеничнюк А. Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1980 г. // Научный отчет Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН — Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 94.

Пшеничнюк А. Х. Научный отчет о раскопках Охлебининского могильника (Иглинский район Башкирской АССР) в 1981 г. // Научный отчет Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН — Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 104.

Сальников К. В. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. // Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 589.

CHILDREN'S BURIALS OBSEQUIES OF KARA-ABYZ CULTURE (the source is subsurface burial grounds)

A.S. Protsenko

The article is dedicated to the analysis of children's subsurface burial grounds obsequies, belonging to one of the most significant ethnic groups of the western piedmont of the Ural Mountains — Kara-Abyz archeological culture. Members of this culture occupied small territories in the middle of Belaya River. But they were able to leave one of the most massive burial grounds in the Eastern Europe — Ohlebinskiy burial ground. More necropolis, such as Shipovskiy and Biktimirovskiy were found out nearby. The results of the present research showed that in the Kara-Abyz society children were buried the same way as adults, but with more scarce equipment, presumably that was caused by financial (social) status of a child. Undoubtedly, the absence of possibilities to monitor gender socialization of children, which is connected, primarily, with the absence of an estimate of age in human skeletal remains is a real downside. Unfortunately, funerary equipment prevents from forming an opinion on children's involvement in economic life, because work equipment is found very seldom even in adults' burials and there are no of them in children's ones. The absence of munitions, likely, serves as an evidence that children were not engaged in military affairs.

Keywords: *the early Iron Age, the Southern Urals, obsequies, children's burials.*

НОВЫЕ НАХОДКИ ТОРЕВТИКИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ВЕРБЛЮДОВ

Н. С. Савельев

Проведен стилистический анализ находок двух сбруйных блях с изображением одиночного стоящего верблюда, крупного фрагмента сбруйной бляхи со сценой противоборства верблюдов и изображения протомы головы верблюда на уздечной подвеске. Одна из блях со стоящим верблюдом происходит из островной Месягутовской лесостепи на севере Южного Урала, остальные находки — из микрорайона Курмантау-Табынск в предгорной лесостепи Южного Приуралья. Установлено, что все предметы датируются не позднее V в. до н. э. и попали на более северные территории вследствие продвижения кочевников с р. Илек в лесостепь.

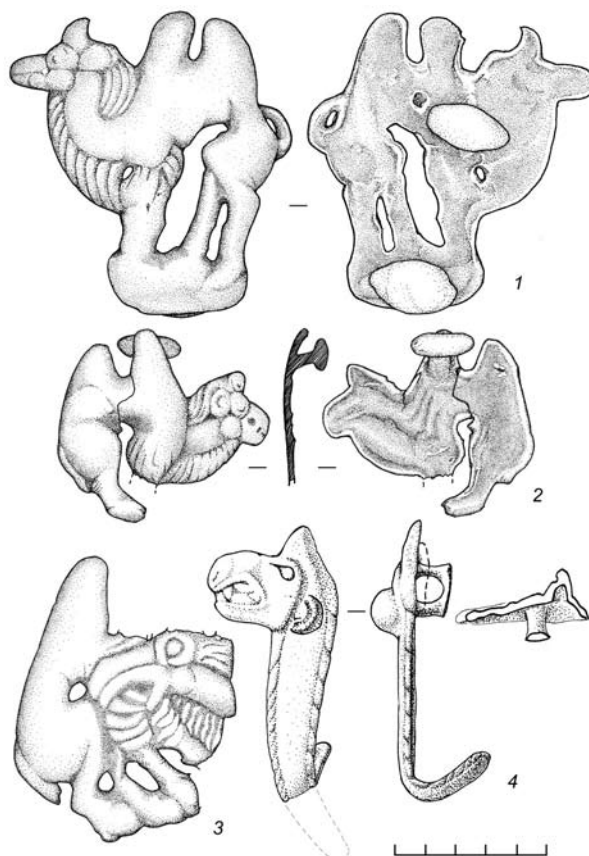
Ключевые слова: изображения верблюдов, сбруйные бляхи, подвески — имитации кабаньего клыка, Месягутовская лесостепь, гора Курмантау.

С VI в. до н. э. для степной зоны Южного Урала наступает принципиально новый исторический период — до этого очень слабо освоенный регион начинает массово заселяться разнородными группами кочевого населения. Начавшиеся активные ассимиляционные процессы к концу V в. до н. э. привели к значительной унификации и нивелировке культурных различий, показателем чего является формирование нового культурного образования. По существующей археологической систематике, эти памятники, датируемые концом V — рубежом IV–III вв. до н. э., относятся к раннему этапу прохоровской культуры. Яркая и узнаваемая материальная культура этого времени в значительной степени наследует и развивает более ранние образцы.

В полной мере это относится и к звериному стилю. В настоящей статье публикуются материалы исследования четырех бронзовых предметов в зверином стиле с изображениями верблюдов, найденных в последние годы в лесостепной части Южного Урала. Все они являются так называемыми случайными находками, так как обнаружены при различных обстоятельствах местными жителями и просто охотниками за древностями. Можно сказать, что все эти предметы находятся в частных коллекциях. Данные о них были получены различными способами, в том числе и из сети Internet. Прорисовка и масштабирование находок в трех случаях (рис. 1, 1–3) осуществлялась по фотографиям, одна находка (рис. 1, 4) прорисовывалась с натуры. Несмотря на отсутствие полноценных данных о контексте находок и очень общие сведения о местах находок их публикация необходима как минимум для составления более полного свода данных о выполненных в зверином стиле предметах кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. (см. например: Чемякин, Кузьминых, 2011).

1. Сбруйная бляха в виде стоящего двугорбого верблюда, повернутого влево (рис. 1, 1).

Рис. 1. Принадлежности конской сбруи с изображениями верблюдов (середина I тыс. до н. э.). Места находок: 1 — Месягутовская лесостепь, правый берег р. Ай; 2 — лесостепь Южного Приуралья, около с. Табынск, правый берег р. Белой; 3–4 — лесостепь Южного Приуралья, гора Курмантау (?), правый берег р. Белой

Найдена в 10 км к югу от с. Месягутово (Дуванский район Республики Башкортостан), напротив с. Мещегарово, на правом берегу р. Ай, у подножия залесенной высокой коренной террасы, над широкой поймой. Глубина залегания — 40–45 см.

Размеры бляхи 8×10 см. Отливка достаточно грубая, сделана по восковой модели, наружная поверхность отполирована и сильно затерта от длительного использования. Морда верблюда вытянута вперед, на ней видны закрытая пасть, переданная прямой линией, округлый глаз со зрачком, каплевидное ухо и выделенная округлая щека. На голове треугольный, немного оттянутый назад хохолок. Дуговидная шея снаружи во всю длину обрамлена рифленым шерстяным подвесом, так же изображена и грива верблюда. Задние ноги изображены отдельно, при этом на левой подчеркнуты изгибы бедра и колена, передние ноги переданы вместе, в их верхней части рифлением показаны пучки длинной свисающей шерсти. Снизу ноги объединены в единую колодку, на которой копыта практически не прослеживаются. Хвост передан немного отступающей от линии тулова петлей. На обороте бляхи припаяны два крепежных элемента в виде вертикальных столбиков с окончанием-кнопкой.

2. *Сбруйная бляха в виде стоящего двугорбого верблюда, повернутого вправо* (рис. 1, 2). Расколота на две части. Найдена около с. Табынского (Гафурийский район Республики Башкортостан), на правом берегу р. Белой, в узкой полосе предгорной лесостепи Южного Приуралья.

Размеры бляхи 7,5×8 см. Отливка качественная, с хорошо фиксируемыми деталями, наружная поверхность не отполированная, покрыта мелкими кавернами. Морда верблюда массивная, немного наклоненная вперед, пасть закрытая, передана отдельными небольшими углублениями (возможно — редуцированное изображение зубов). Глаз передан кольцевым валиком с выпуклостью в центре, ухо такое же или спиралевидное, щека показана плоским кругом — все они одинакового размера. На голове подтреугольный плавных форм хохолок с плохо прослеживаемым рифлением или спиральным завитком внутри. Шея прямая короткая, наклонная, снаружи во всю длину обрамлена рифленым шерстяным подвесом. Грива изображена изогнутыми рифлеными полосами. Задние ноги показаны вместе, с подчеркнутым изгибом бедра и колена. От передних ног сохранилась только верхняя часть с пучками длинной шерсти, также переданными рифлением. Задняя нога оканчивается аморфным расширением, копыто не проработано. Судя по общей компоновке фигуры, окончания передних и задних ног верблюда были сближены между собой или даже сведены. Хвост передан прямым коротким рельефным отрезком, прижатом к линии тулова. На оборотной стороне бляхи сохранился один крепежный элемент в виде вертикального столбика с окончанием-кнопкой.

3. *Фрагмент сбруйной бляхи (?) со сценой борьбы двух верблюдов* (рис. 1, 3). Найдена на горе Курмантау или около нее (Гафурийский район Республики Башкортостан), в 15 км к северу от предыдущей находки, в узкой полосе предгорной лесостепи Южного Приуралья.

Размеры сохранившегося фрагмента 8×9,5 см. Отливка очень качественная, с хорошо проработанными деталями, покрыта тонкой однородной патиной серо-зеленого цвета. От всей композиции сохранилась задняя часть первого верблюда и голова второго. У первого верблюда переданы все четыре ноги, на которых видны копыта, в верхней части передних ног горизонтальным рифлением показаны длинные пучки шерсти. На правой задней ноге подчеркнуты изгибы бедра и колена. Все ноги внизу соединены в горизонтальную колодку. Хвост передан слабо изогнутым отрезком, прижатый к линии тулова и свешивающимся только на окончании. Для второго верблюда характерны горбоносость морды, раскрытая пасть с клыками, передача губ рельефным валиком, глаз в виде кольцевого разомкнутого валика с выпуклостью в центре и щека в виде гипертрофированной округлой выпуклости. На месте уха бляха сломана, поэтому за глазом видны только отдельные рельефные валики. От шеи также сохранилась только небольшая верхняя часть, обрамленная снизу меховым подвесом, переданным тонкими рельефными валиками. Судя по полностью сохранившейся центральной части бляхи, второй верблюд кусает первого за переднюю ногу.

4. *Серповидно изогнутая уздечная подвеска — имитация кабаньего клыка* (рис. 1, 4). Найдена также на горе Курмантау или около нее, в Гафурийском районе Башкортостана. Подвеска у окончания в древности изогнута, поэтому при вторичном использовании могла являться крючком.

Первоначальная длина 11 см (в согнутом виде — 8,5 см), ширина подвески сокращается с 2 см у основания до менее 1 см у окончания, толщина около 2 мм, размеры скульптурного щитка 3,5×4,2 см. Серповидная пластина имеет дуговидное сечение, по периметру окантована литым псевдошнуром. Щиток моделирован в виде обращенной влево головы верблюда, выполненной в высоком рельефе, расположен перпендикулярно самой пластине. Морда горбатая, с выделенной ноздрей, пасть оскалена, в ней показаны крупные зубы и клыки, губы переданы рельефным валиком. Глаз изображен каплевидной врезной линией, над ним, как окончание самой серповидной пластины, показан немного отогнутый назад треугольный

хохол. Поверхность его ровная, без какой-либо детализации, сечение ромбическое. Скула передана в высоком рельефе прямым углом. Шеей верблюда является сама пластина, поэтому рубчатым кантом, вероятно, схематически показаны характерные для верблюда меховые опушка (подвес) и грива. За скулой, уже на «шее», находится полукруглое полое внутри ухо, отлитое перпендикулярно самой пластине. Крепление выполнено в виде подпрямоугольной скобы, прилитой к оборотной стороне морды животного.

Изделие отливалось в двусторонней форме в выпрямленном состоянии. Впоследствии его окончание было механически загнуто под углом 35–40° к продольной оси изделия. Длина загнутой стороны крючка 2,5 см. Судя по следам стертости на конце крючка и на месте сгиба изделия с обеих сторон, в этом качестве оно использовалось достаточно длительное время.

Учитывая, что для всех четырех описанных предметов известно (хотя и с определенной долей условности) только место находки и полностью отсутствуют данные об их контексте, дальнейшие исследовательские процедуры ограничиваются лишь определением хронологии и происхождения предметов, а также рассмотрением закономерностей их территориальной локализации.

Из четырех находок одна является уздечной подвеской — имитацией кабаньего клыка (рис. 1, 4), остальные — сбруйными бляхами, одна из которых изображает схватку верблюдов (рис. 1, 3), две других сделаны в виде одиночных стоящих верблюдов (рис. 1, 1–2).

Говоря о бляхе со сценой противоборства верблюдов, отмечу, что к настоящему времени подобные находки известны только на Южном Урале — в могильниках Пятимары I (3 экз.), Бесоба (3 экз.) и Филипповка 1 (1 экз.). Также в последнем (тайник II) найдена серия из 29 штампованных золотых бляшек с подобной же сценой (Пшеничнюк, 2012. Рис. 24, 4. Фото 13). Все эти памятники расположены на р. Илек, в Южном Приуралье и Южном Зауралье подобные находки отсутствуют. Как справедливо отметила Е. Ф. Королькова, ранние и поздние образцы сцен противоборства верблюдов достаточно четко различаются: для ранних свойственны «меньшая схематичность и жесткость композиции», расположение голов на разной высоте, для поздних «наряду с более сухой графической трактовкой образов симметрия композиции выдержана строже» (Королькова, 2006. С. 100–101).

Сравнивая курмантаускую бляху с филипповской (Пшеничнюк, 2012. Рис. 28, 5), отчетливо видим, что на первой отсутствуют и схематичность, и сухость образов, и строгая симметрия. Это, несомненно, сближает ее с ранними образцами — из Бесобы и Пятимары I (Королькова, 2006. Табл. 52, 2–4), — датируемыми концом VI — V в. до н. э. Отличия от них заключаются в том, что на месягутовской бляхе один верблюд кусает другого за переднюю ногу (во всех других случаях один верблюд кусает за заднюю ногу, другой — за горб; на бляхе из Филипповки верблюды кусают друг друга за задние ноги), в отсутствии клювовидности морды и значительно более мягкой моделировке самого изображения. По плавности и сглаженности линий курмантауская бляха сближается с изображением на роговой пластине из погребения № 3 кургана 4 могильника Пятимары I (Влияния... 2012. Т. 2. Рис. 54) и в целом с искусством кочевников более восточных областей Евразии. Имеющиеся в настоящее время датировки не позволяют относить эту находку ко времени позже середины V в. до н. э.

Обращаясь к месягутовской и табынской бляхам, изображающим одиночных стоящих верблюдов (рис. 1, 1–2), необходимо отметить их различия — в размерах (табынская значительно меньше), ориентировке (на месягутовской верблюд повернут влево, на табынской — вправо), передаче ног (на месягутовской передние ноги показаны вместе, задние отдельно, а на табынской и передние и задние показаны вместе), их детализации (на табынской основания передних и задних ног сведены в одну точку, то есть объединяющая их колодка была очень небольшого размера), и передаче хвоста (на табынской прижат к линии тела, на месягутовской немного отставлен). В целом же, без учета этих деталей, обе бляхи относятся к одной композиционной схеме, распространенной у кочевников Южного Урала на рубеже VI–V — второй половине IV в. до н. э.

Всего на Южном Урале сейчас известны пять подобных сбруйных блях — две из кургана 9 Бесобы, две — из кургана 3 Нагорного, одна — случайная находка из Актюбинской области Казахстана (Королькова, 2006. Табл. 51, 3, 5, 7). Еще одна находка, представляющая собой золотой обкладку края деревянного сосуда, происходит из тайника I кургана 1 могильника Филипповка (Пшеничнюк, 2012. Рис. 17, 4). Все они, так же как и бляхи со сценами противоборства двух верблюдов, происходят из памятников на р. Илек. К южноуральским некоторую близость имеет ряд находок из Монголии и Центральной Азии (Королькова, 2006. Табл. 50, 6, 8; 51, 13–15, 17), но они четко не датированы. Пожалуй, главным отличием табынской и месягутовской блях от описанных степных образцов является закрытая пасть (для табынской — может быть сильно редуцированная открытая), месягутовская также выделяется на общем фоне прямой постановкой головы. Прочие же признаки, в том числе такие специфич-

ческие, как выделение щеки округлой выпуклостью и спиральный завиток в ухе (рис. 1, 2), как уже говорилось, полностью соответствуют именно илским традициям.

Также необходимо отметить различную систему крепления блях: на месягутовской это два шпенька с овальной шляпкой на обороте бляхи (рис. 1, 1), чем она сближается с образцом из Нагорного (Королькова, 2006. С. 101); на табынской верхний шпене находится на внутренней стороне бляхи (рис. 1, 2), а нижний, судя по сведенности окончаний ног в одну точку, мог быть на лицевой стороне, то есть она полностью повторяла схему бляхи из Бесобы (Королькова, 2006. Табл. 51, 3; Памятники... 2006. С. 153. Верхнее фото).

Приведенные данные позволяют уверенно относить месягутовскую и табынскую бляхи к V в. до н. э. в целом, без какой-либо дополнительной детализации. Установить, какая из блях является более ранней, на основе только стилистического анализа невозможно, так как все различия между ними могут свидетельствовать всего лишь о существующих одновременно вариантах.

Последняя публикуемая находка — уздечная подвеска, позднее переоформленная в крючок, происходящая с горы Курмантау (рис. 1, 4). Данный предмет входит в круг многочисленных бронзовых имитаций кабаньих клыков, имевших в том числе значительное распространение у кочевников Южного Урала в конце VI — IV в. до н. э. (см. например: Королькова, 2006. С. 105–128. Табл. 60–65). Особенностью подвески является ее окантовка псевдошнуром, перпендикулярное самой пластине положение щитка и моделировка его в виде головы верблюда — ни один из этих элементов на имитациях кабаньих клыков не встречается.

Переданная высоким рельефом скульптурная голова верблюда по всем основным признакам (горбатая морда, изображение ноздри, оскаленная пасть, наличие зубов и клыков, передача губ рельефным валиком, треугольный хохолок) имеет ближайшие аналогии в общей традиции передачи образа верблюда в искусстве кочевников Южного Урала. В значительной степени они проявляются и на рассмотренных выше сбруйных бляхах с плоскостным изображением верблюда, однако еще ярче эти черты проявляются в объемных изображениях. Также на последних присутствуют и отсутствующие на плоскостных изображениях детали — переданный резной линией каплевидный глаз (Пшеничный, 2012. Рис. 39), моделировка в высоком рельефе одной скобообразной линией изгиба скулы (Золотые... 2001. Кат. 71, 77; Пшеничный, 2006. Рис. 11, 3), перпендикулярно выступающее полукруглое ухо (Золотые... 2001. Кат. 71, 77, 107; Пшеничный, 2012. Рис. 158; Сдыков, Лукпанова, 2013. Рис. на с. 206–208). Последняя деталь единично известна на плоскостных изображениях более восточных территорий — например, на литых золотых распределителях для перекрестных ремней со свернувшимся в кольцо волком из кургана Иссык (Акишев, 1978. Илл. 42. Табл. 26, 27).

Рубчатый кант, обрамляющий серповидную пластину, вероятно, должен рассматриваться не как отдельный декоративный элемент, а как вариант передачи мастером мехового подвеса и гривы на заданном узком пространстве. Примеры подобной стилизации известны, к примеру, на псалях с головой верблюда из Хошеутово и Илекшара I (Королькова, 2006. Табл. 51, 4; Гуцалов, 2007. Рис. 15, 4). Сочетание важных признаков также дает бронзовая уздечная подвеска — имитация кабаньего клыка, найденная на поверхности около кургана I могильника Филипповка-1: две головы грифонов повернуты поперек пластины, у них перпендикулярно выступающие полукруглые уши, а сама пластина обрамлена декоративной волной (Яблонский, 2013. Кат. 3126).

Итак, верхней датой подвески с головой верблюда, если опираться на датировку кургана I могильника Филипповка-1 (Трейстер, Яблонский, 2012), является рубеж V–IV — начало IV в. до н. э. Именно в золотых объемных предметах этого комплекса прослеживается наибольшее количество аналогий для специфических деталей подвески с горы Курмантау. Однако, с учетом возможности длительного существования ритуальной посуды и изделий из золота, обращение к образцам конской сбруи позволяет скорректировать датировку рассматриваемого предмета. Так, в составе узды кургана 5 могильника Илекшар I присутствовал бронзовый псалий с головой верблюда с отставленным полукруглым ухом (Гуцалов, 2007. Рис. 15, 4), а в кургане 12 могильника Кырык-Оба II на псалях и клювовидных распределителях ремней с головками грифонов уши намеренно располагались перпендикулярно или под значительным углом к самому предмету (Там же. Рис. 12, 3). Опираясь на датировку этих комплексов (Там же. С. 89), можно уверенно говорить, что подвеска с горы Курмантау относится к первой половине V в. до н. э. или даже несколько более раннему времени. Этот вывод полностью подтверждается и датировкой богатого погребения в кургане 6 могильника Таксай-1, где найден бронзовый котел с протомой верблюда с описанными выше «специфическими признаками» (Сдыков, Лукпанова, 2013. Рис. на с. 206–208).

Таким образом, из четырех публикуемых предметов один относится ко времени не позже середины V в. до н. э. (сцена терзания с горы Курмантау), один — к первой половине

V в. до н. э. (уздечная подвеска с горы Курмантау) и два — к V в. до н. э. в целом (бляхи из Месягутово и Табынска).

Обращаясь к территориальному анализу, сразу отмечу, что одна находка (рис. 1, 1) происходит из островной Месягутовской лесостепи, окруженной со всех сторон горнолесной зоной Южного Урала, три других (рис. 1, 2–4) — из узкой полосы предгорной лесостепи Южного Приуралья по правобережью р. Белой. По отношению к р. Илек, где сделаны все прочие находки подобного типа, описанные предметы удалены очень далеко на север: месягутовская — на 550 км на северо-северо-восток, курмантауские — на 350 км на север.

Месягутовская бляха происходит с центра территории, занятой памятниками так называемого айского типа — крайней западной части метисного образования, начавшего формироваться в середине I тыс. до н. э. на стыке Южного Зауралья и Зауральской лесостепи из различных компонентов (иткульские, раннесакские, саргатские, «савромато-сарматские»), но при явном доминировании именно кочевнических традиций (Савельев, 2007. С. 184–186). Массовое освоение Месягутовской лесостепи началось не позже середины IV в. до н. э., однако начало этого процесса, судя по разрозненным случайным находкам, относится еще к VII–VI вв. до н. э. В этом временном промежутке именно V в. до н. э. являлся временем активизации маятникообразного освоения лесостепного острова (Савельев, 2007. С. 189–190). До находки описанной в настоящей статье бляхи прямым подтверждением наличия кочевнического компонента в Месягутовской лесостепи (точнее, в ее южном горном окружении) являлся только клад ахеменидских фиал под Катав-Ивановском (Савельев, 2007. С. 189. Рис. 31; Трейстер, 2012. С. 90–93). Введение в научный оборот бляхи со сценой противоборства верблюдов позволяет уверенно говорить о присутствии в V в. до н. э. кочевников — носителей илекских традиций в Месягутовской лесостепи и их проникновении в глубь горной страны по так называемому «трансуральскому» пути. Вероятно, детальное обследование крайне малоизученного лесостепного острова в среднем течении р. Ай покажет и наличие здесь курганов «савроматского» времени.

Три происходящие из микрорайона Курмантау — Табынск находки приурочены к южной оконечности ареала кара-абызской культуры, сформировавшейся в IV в. до н. э. Еще в предшествующее время — предварительно, во второй половине VI в. до н. э. — на горе Курмантау носителями постмаклашеевских нижекамских традиций формируется крупный центр металлообработки (Савельев, 2014. С. 197; Воробьева, 2014). Постепенная активизация контактов лесостепного и степного населения привела — вероятно, ближе к середине IV в. до н. э. — к началу оседания кочевников — носителей раннего этапа прохоровской культуры (типа могильников Филипповка и Переволочан) в среде лесостепного населения в районе этого производственного центра (Савельев, 2014. С. 199–202). Фактически это была единственная точка непосредственного соприкосновения и тесных контактов между двумя столь разнородными мирами. Данные картографирования «случайных» находок савромато-сарматских мечей и кинжалов показывают, что этот район (долина среднего течения р. Белой на широте Толбазы — Курмантау) являлся северным пределом распространения кочевников еще с V в. до н. э. (Савельев, 2016. Рис. 1).

Судя по опубликованным ранее находкам кочевнического облика (Савельев, 2014. Рис. 6), начало взаимодействия оседлых и кочевых групп относится именно к V в. до н. э. Вероятной причиной этого являлась переориентация центра металлообработки на горе Курмантау (возможно, необходимо говорить не об единичном памятнике, а о целой пространственной системе) на работу по степным образцам и нуждам. Последние данные свидетельствуют о том, что среди производимых предметов были даже крупные бронзовые котлы (Воробьева, 2014. С. 28. Рис. 1).

Публикуемые находки наглядно показывают, что стороной, стимулировавшей это взаимодействие, были не просто «кочевники Южного Урала», а именно богатые роды долины р. Илек.

Список литературы

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 132 с.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) : в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М. : ТАУС, 2012. 468 с.
- Воробьева С. Л. Селище Курмантау — металлургический комплекс эпохи раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре : сб. материалов итоговой конф. Казань : Ин-т археологии им. А. Х. Халикова, 2014. С. 26–32.
- Гуцалов С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). 2007. С. 75–92.
- Золотые олени Евразии : кат. выст. СПб. : Славия, 2001. 248 с.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006. 272 с.

Памятники природного и историко-культурного наследия Актыбинской области : в 13 т. Т. 1. Мартукский район. Актобе, 2006. 158 с.

Пшеничнюк А. Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка / отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа : Гилем, 2006. С. 26–37.

Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012, 280 с.

Савельев Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа : Гилем, 2007. 260 с.

Савельев Н. С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Уфа, 12–15 мая 2014 г. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Наследие, 2014. С. 191–206.

Савельев Н. С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2016. С. 241–253.

Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного могильника Таксай I). Уральск : Полиграфсервис, 2013. 292 с.

Трейстер М. Ю. Переднеазиатские бронзовые сосуды из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) : в 2 т. Т. 1 / под ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М. : ТАУС, 2012. С. 90–97.

Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка-1 // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) : в 2 т. Т. 1 / под ред. М. Ю. Трейстера и Л. Т. Яблонского. М. : ТАУС, 2012. С. 282–284.

Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. 2 / под ред. И. Н. Черных. Тверь : Триада, 2011. С. 43–74.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. коллекции : в 2 кн. Кн. 1. М. : ИА РАН, 2013. 232 с.

NEW FINDINGS OF CAMEL DEPICTING EARLY NOMADS' TOREUTICS OF THE SOUTH URAL

N.S. Savelyev

Two found harnesses depicting a standing camel, a large fragment of a harness plate with the scene of camel hostility and an image of the protome shaped as a camel head on a bridle suspension were analyzed in the article. One of the plates with a standing camel comes from the insular Mesyagutovo forest-steppe in the north of the South Urals, the remaining findings are from the Kurmantau-Tabynsk microdistrict in the foothill forest-steppe of the South Urals. It is established that all items date back to the times earlier than 5 BC and they appeared on norther territories as a result of the nomadic movement from the Ilek river to the forest-steppe.

Keywords: *images of camels, harness plates, pendants — imitation of a wild boar fang, Mesyagutovo forest-steppe, Mount Kurmantau.*

ХРОНОЛОГИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ ИВАНОВСКИЕ I КУРГАНЫ В ЗАУРАЛЬСКОЙ БАШКИРИИ

С. В. Сиротин

Анализируются материалы могильника Ивановские I курганы из Зауральской Башкирии. Могильник характеризуется как памятник переходного типа, отражающий процесс культурной трансформации в среде ранних кочевников Южного Урала во второй половине V — IV в. до н. э. Определяются время функционирования могильника, датировка и относительная хронология курганов.

Ключевые слова: *Южный Урал, ранние кочевники, могильник Ивановские I курганы, памятники переходного типа.*

Среди общего массива комплексов ранних кочевников Южного Урала обращают на себя внимание памятники Зауральской Башкирии. Данная группа памятников расположена узкой полосой по предгорьям восточных склонов Южного Урала, ограниченной с востока верхним (меридиональным) течением реки Урал. На своеобразии этих памятников, сочетающих в себе черты савроматской и прохоровской культур, в свое время обращал внимание А. Х. Пшеничнюк, не исключавший их возможного выделения в особый локальный вариант кочевой культуры (Пшеничнюк, 1983. С. 84).

Анализ имеющегося материала показывает, что практически во всех могильниках Зауральской Башкирии фиксируется наличие комплексов V и IV вв. до н. э., отличающихся по погребальному обряду и вещевым наборам, в связи с чем эти памятники определяются как переходные в культурном и хронологическом отношении, иллюстрирующие переход к новому этапу в культуре ранних кочевников (к стадии С, или раннепрохоровскому этапу) (Таиров, 2004) или фазе «В» савроматского культурно-хронологического горизонта (КХГ) (Яблонский, 2012).

К кругу таких переходных памятников относится курганный некрополь Ивановские I курганы, расположенный в 3 км западнее с. Ивановка Хайбуллинского района Республики Башкортостан (рис. 1, 1) на вершине ровного распаханного плато левобережья реки Сакмары. В физико-географическом отношении могильник находится в Сакмарско-Таналыкском районе Бузавлыкско-Таналыкского южностепного мелкосопочно-равнинного округа степной провинции области Зауральского пенеплена. Данная часть пенеплена является степной и отличается засушливым климатом, обедненными ковыльно-разнотравными степными пространствами. Территория Сакмарско-Таналыкского района характеризуется наличием пологоувалистого рельефа с высотами 350–500 м. К настоящему времени большая часть территории данного района распахана (Физико-географическое районирование Башкирской АССР, 1964. С. 177–178, 184).

Всего в окрестностях с. Ивановка в 1974 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР под руководством А. Х. Пшеничнюка выявлено пять курганных групп. В том же году А. Х. Пшеничнюком было раскопано четыре кургана могильника Ивановские I курганы, в которых исследованы погребения срубно-алакульской (курганы 1 и 4) и савроматской (курганы 1–3) культур (Пшеничнюк, 1975. С. 10–15; 1983. С. 35–37). В 2013–2016 гг. могильник исследовался С. В. Сиротиным (курганы 5–11; Сиротин, 2014; 2015а).

А. Х. Пшеничнюком в могильнике зафиксировано восемь курганов. В 2013 г. выявлены еще три курганные насыпи, входящие в состав данного некрополя. Таким образом, могильник насчитывал 11 курганов, расположенных двумя группами.

Насыпи курганов округлые в плане, диаметром от 10 до 40 м, высотой от 0,25 до 2,03 м. Одна группа курганов (1–4, 7, 8) сконцентрирована на юго-восточном участке курганного поля, другая (курганы 5, 9–11) находилась в 500–700 м к северу и представляла собой неправильную цепочку, вытянутую в направлении ВСВ–ЗЮЗ (рис. 1, 2).

К настоящему времени могильник полностью раскопан. Полученные материалы позволяют проследить культурно-хронологические этапы сооружения некрополя, что находит свое отражение не только в хронологии комплексов, но и в определенной, хорошо фиксируемой планиграфической системе расположения курганов и размещении впускных погребений.

Как уже отмечалось, в курганах 1 и 4, раскопанных А. Х. Пшеничнюком, найдены комплексы срубно-алакульской культуры. Такие же комплексы выявлены в курганах 6 и 7. Таким образом, сооружение этих курганов относится к эпохе бронзы (середине II тыс. до н. э.). Одна часть раннекочевнических погребений могильника была введена в курганы предшествующего

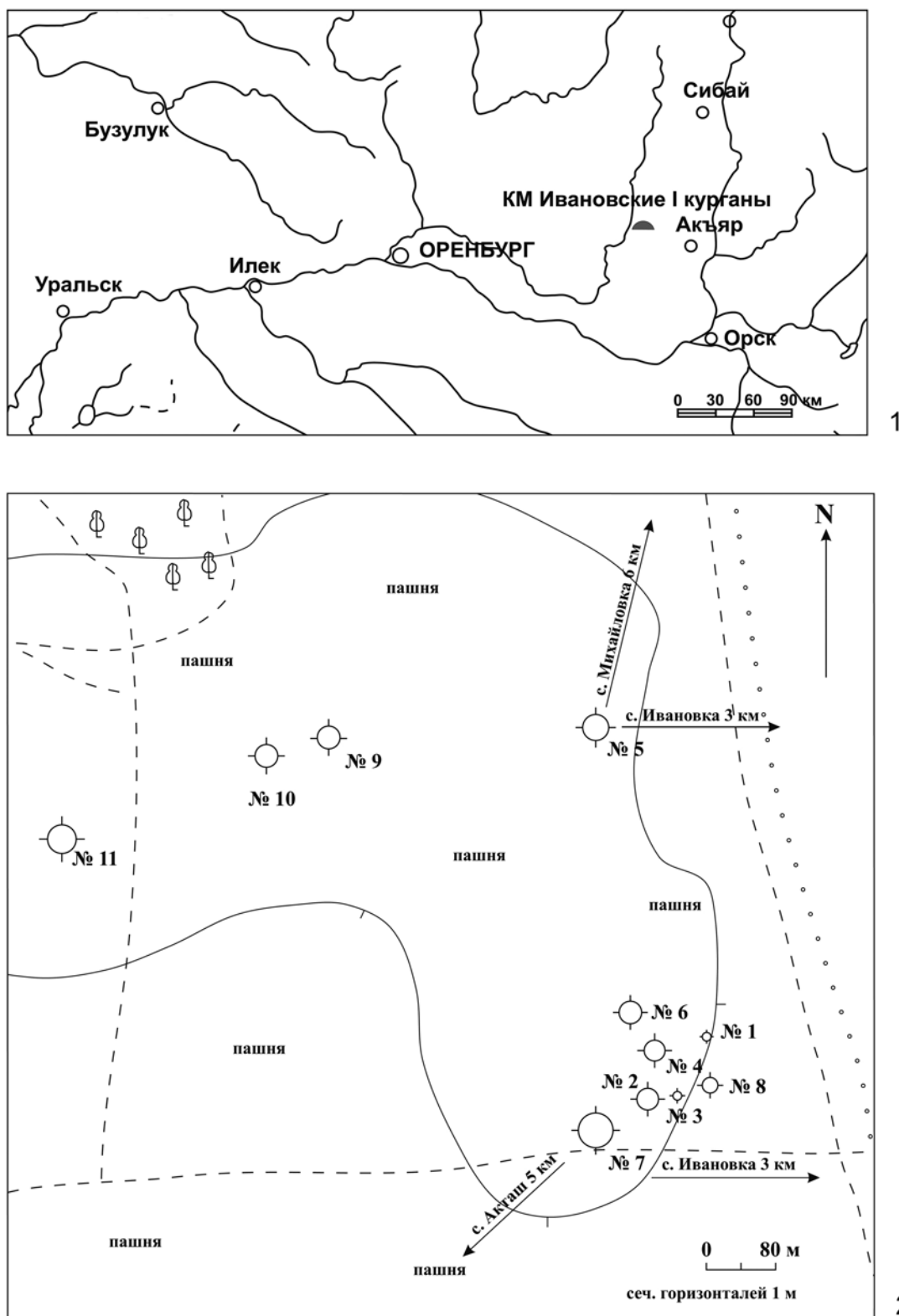

Рис. 1. Карта расположения могильника Ивановские I курганы в Южном Зауралье (1) и ситуационный план (2) могильника

времени (1, 6, 7), другая устраивалась в построенных ранними кочевниками курганах (2, 5, 8–11). В кургане 4 выявлено лишь срубно-алакульское погребение.

Рассматривая датировку и культурную принадлежность раннекочевнических погребений из курганов 1–3, А. Х. Пшеничнюк относил их к савроматскому времени (Пшеничнюк, 1983. С. 88). Западная ориентировка костяков из погребения 1 кургана 1, погребения 1 курга-

на 2, погребения 1 кургана 3, характерный инвентарь, представленный железным кинжалом с бабочковидным перекрестьем, плоскодонной и круглодонной лепной керамической посудой савроматского облика, позволяют датировать данные погребения V в. до н. э. (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXVII. С. 160; Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 8–11; Гуцалов, 2004. Табл. 20. С. 61). Эти комплексы являются наиболее ранними из раннекочевнических погребений в могильнике.

Несколько сложнее обстоит дело с датировками комплексов, выявленных в курганах 6, 7. Как уже отмечалось, они были сооружены еще в эпоху бронзы. В разграбленном центральном погребении кургана 6 выявлены остатки сруба, фрагменты человеческих скелетов, фрагменты лепного керамического сосуда срубно-алакульского облика и бронзовый нож. В центральной части насыпи этого кургана обнаружены фрагменты человеческого скелета и бронзовые трехлопастные наконечники стрел, связанные с разрушенным раннекочевническим погребением. Найденные наконечники датируются в пределах V–III вв. до н. э., и потому можно лишь предполагать культурно-хронологическую близость данного комплекса к другим раннекочевническим погребениям некрополя.

В центральной части кургана 7 найдены фрагменты срубно-алакульского горшка, что свидетельствует о его принадлежности к кругу культур эпохи бронзы. Однако в середине I тыс. до н. э. курган был существенным образом перестроен. В центральной его части выявлена полностью ограбленная обширная яма с неглубоким дромосом, над которой была сооружена деревянная конструкция из радиально уложенных тонких бревен. В процессе исследования насыпи найдены фрагменты пяти различных каменных жертвенников-алтариков. Один из фрагментов представляет собой часть круглого столика с рельефным бортиком и ножкой, оформленной в виде стилизованной головы хищного животного — вероятнее всего, волка. Помимо этого в насыпи были обнаружены бронзовые трехлопастные наконечники стрел и костяные проколки. Вероятнее всего, эти вещи происходят из ограбленной центральной ямы.

Особого внимания заслуживают элементы конской узда, выявленные в южной и юго-восточной частях кургана. Среди них — железные двусоставные удила, железные стержневидные и С-видные двудырчатые псалии с декорированными окончаниями. Следует отметить двусоставные ассиметричные удила, изготовленные из бронзы, а также находки уздечных блях. Особо примечательной находкой является уздечная бляха, оформленная в виде профильного рельефного изображения головы грифона. Найденные вещи датируются в пределах V–IV вв. до н. э.

В пределах IV вв. до н. э. могут быть датированы материалы кургана 8. В его насыпи найден круглодонный лепной керамический сосуд и детское погребение 1 с фрагментированным круглодонным сосудом. В разграбленном погребении 2 зафиксированы бронзовые трехлопастные наконечники стрел и несколько фрагментов лепного сосуда с примесью талька в тесте. Более узко, второй половиной IV в. до н. э. — рубежом IV–III вв. до н. э., может быть датирован уздечный набор из южной половины кургана. В него входили фрагменты железных удил из округлого в сечении прута с загнутыми в петли окончаниями и два железных стержневидных двудырчатых псалия с восьмеркообразным утолщением посередине и шишечками на окончаниях (рис. 2, 9, 10) (Смирнов, 1961. С. 86; Васильев, 2004. С. 157; Сиротин, 2015б; 2016).

Курганы 5, 9–11, расположенные неправильной цепочкой в северной части могильника, составляют особую группу и обращают на себя внимание более сложной внутренней планировкой. В них выявлены подбойные и катакомбные погребения с богатым и разнообразным инвентарем, определяющим верхнюю хронологическую границу существования некрополя.

Катакомбные погребения, выявленные в курганах 5 и 11, относятся к погребениям I типа (Мошкова, Малашев, 1999. С. 173–174), большая часть которых на Южном Урале датируется IV — началом III в. до н. э. (Мошкова и др., 2011. С. 166). Погребения, совершенные в подбойных ямах (курган 5, 9–11), появляются еще в V в. до н. э., однако массовое распространение подбойных могил с ориентировкой в южный сектор — отличительная черта IV в. до н. э. (Мошкова, 1974. С. 17; Гуцалов, 2004. С. 105).

Определенная часть вещевого материала из погребений этих курганов датируется достаточно широко в пределах V–III вв. до н. э.: бронзовые наконечники стрел (курган 5: погребения 1, 2; курган 9: погребение 1; курган 10: погребения 1, 2; курган 11: погребение 3); железные двусоставные удила (курганы 5, 9–11: наборы из насыпи) (Смирнов, 1961. С. 82; Мошкова, 1963. С. 36; Савченко, 2009. С. 228, 230).

Колчаные крючки (курган 5, погребения 1, 2, 4; курган 10, погребение 2; курган 11, погребение 3), изготовленные из загнутых железных стержней с отверстием в спинке (рис. 2, 1–4), В. Н. Васильев относит к хронологически диагностируемой категории инвентаря (Васильев, 2004. С. 158). Считается, что они появляются в VII–VI вв. до н. э. и продолжают существовать до III–II вв. до н. э., однако наибольшее распространение получают в V–IV вв.

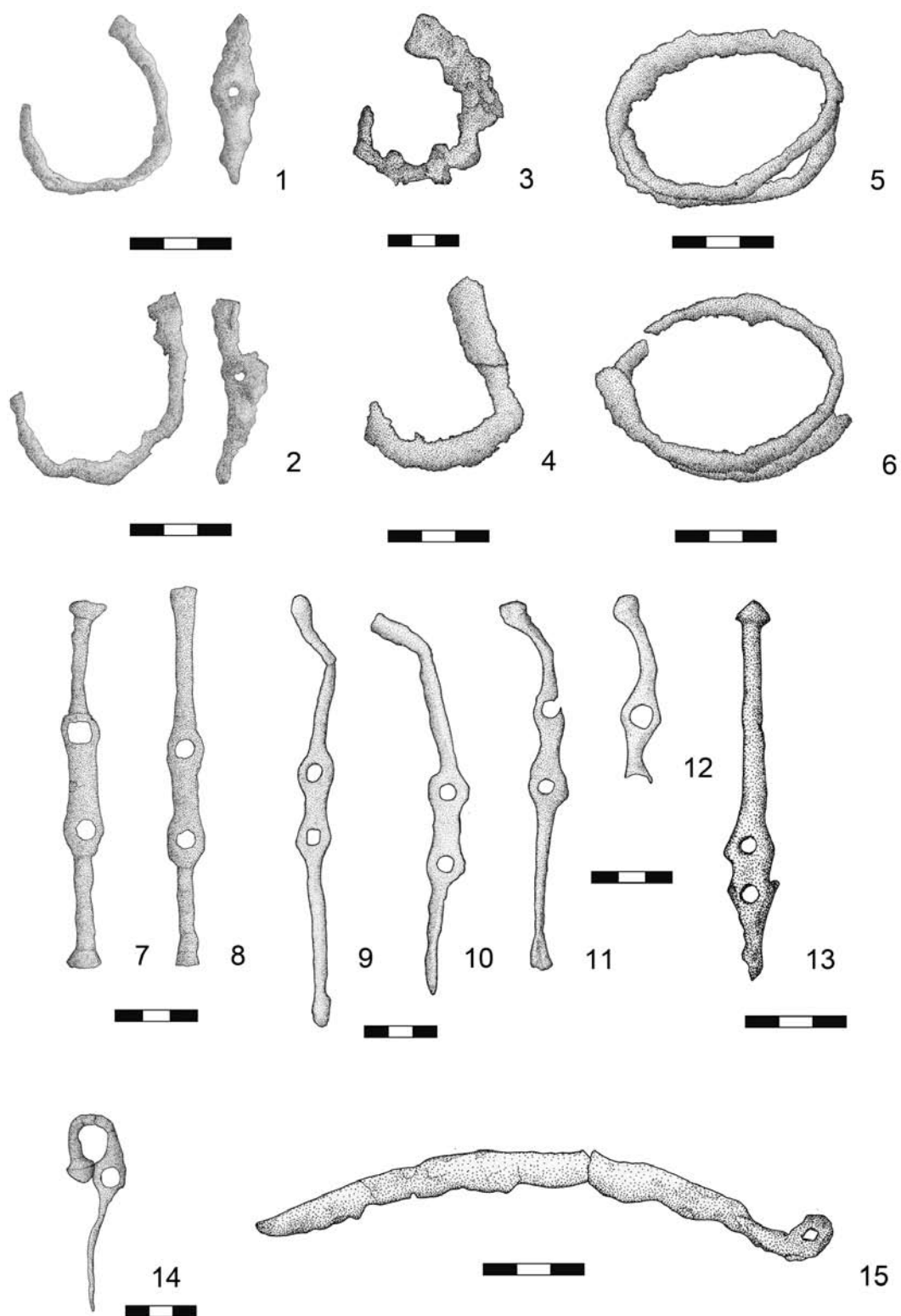

Рис. 2. Инвентарь из курганов 5, 8–11. Кургan 5: 1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 7, 8, 14 — насыпь. Кургan 8: 9, 10 — насыпь. Кургan 9: 11, 12 — насыпь. Кургan 10: 3 — погребение 2; 13, 15 — насыпь. Кургan 11: 4 — погребение 3; 5, 6 — погребение 2. 1–15 — железо

до н. э. (Мышкин, 2010. С. 267) и хорошо маркируют раннепрохоровский комплекс инвентаря.

Обращают на себя внимание железные браслеты с заходящими концами, найденные в погребениях 2 и 5 (рис. 2, 5, 6). Такая форма браслетов не встречается в савроматских па-

мятников и становится ведущей для памятников IV в. до н. э. Для более поздних комплексов (III—I вв. до н. э.) такие формы браслетов также не характерны (Лылова, 2001. С. 128–129).

Некоторые категории инвентаря позволяют уточнить датировку курганов 5, 9–11 в рамках второй половины IV — рубежа IV–III вв. до н. э. В насыпях всех курганов этой группы найдены уздечные наборы либо отдельные элементы сбруи, включающие железные двусоставные удила, псалии и налобники, бронзовые сбруйные бляшки.

Железные двудырчатые стержневидные псалии в уздечных наборах из насыпи курганов 5, 9, 10 (рис. 2, 7, 8, 11–13) с восьмеркообразным утолщением по центру и концами, оформленными шишечками или утолщениями, относятся, по типологии К. Ф. Смирнова, к IV типу и имеют аналогии в южноуральских комплексах (см. обзор: Сиротин, 2015б. С. 252; Савельев, 2007). Псалии данного типа получают распространение с IV в. до н. э. и характерны для комплексов второй половины IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 86; Васильев, 2004. С. 157). Псалий с оформлением восьмеркообразных утолщений в виде больших ромбов из насыпи кургана 10 (рис. 2, 13) имеет аналогии в комплексах Шиповских курганов (курган 9) и представлен в скифских комплексах Северного Причерноморья и Среднего Дона (см. обзор: Савельев, 2007. С. 332–333, 335. Рис. 1, 1).

Обращают на себя внимание железные налобники с загнутым в петлю навершием с шишечкой на окончании из наборов, найденных в насыпи курганов 5 и 10 (рис. 2, 14). Они представлены немногочисленными экземплярами в южноуральских комплексах (Пшеничнюк, 1976. С. 19, 46, 47. Рис. 9, 1, 2; Смирнов, 1964. С. 332. Рис. 38, 6, 7; Савельев, 2007. С. 339. Рис. 1, 8–10; Яблонский, 2008. С. 176. Рис. 3, 6, 7; 2013. С. 226, № 3144; Сиротин, 2010. С. 332, 333. Рис. 6, 5; 2015б. С. 249, 251. Рис. 2, 6; 3, 7). Более широко такие налобники (наносники?) представлены во второй половине IV в. до н. э. на Среднем Дону (Савченко, 2009. С. 258–260). В. Н. Васильев определенно относит их ко второй половине или концу IV в. до н. э. (Васильев, 2004. С. 157).

Железный дуговидный предмет с загнутыми в петли окончаниями из насыпи кургана 10 (рис. 2, 15), относящийся к элементам узды, также можно рассматривать в качестве хроноиндикатора второй половины IV в. до н. э. (Сиротин, Трейстер, 2014. С. 209; Смирнов, 1984. Рис. 62, 6. С. 136, 139; Васильев, 2004. С. 158; Гуляев, Савченко 2004. С. 43. Рис. 5, 18; Савченко 2009. С. 243–244).

При рассмотрении хронологии комплексов из курганов 5, 9–11 следует обратить внимание на мечи так называемого переходного типа, найденные в периферийных и центральных погребениях кургана 5 (периферийное погребение 2), кургана 9 (центральное погребение 1), кургана 10 (центральное погребение 2), кургана 11 (периферийное погребение 3, центральное погребение 7) (рис. 3, 1–5). Данные мечи исследователи относят к IV в. до н. э., не отрицая при этом появления их ранних образцов на Южном Урале в V в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 30; 1981. С. 84; Мошкова, 1963. С. 33; Клепиков, 2002. С. 27). Наиболее представительную серию комплексов, содержащих такие мечи с характерным набором раннепрохоровского инвентаря, В. Н. Васильев относит к последней четверти IV в. до н. э. (Васильев, 2004. С. 153).

В погребении 3 кургана 11 было найдено бронзовое зеркало (рис. 3, 6) типа 5.3 по классификации А. С. Скрипкина (Скрипкин, 1990. С. 95). Время их бытования А. С. Скрипкин определяет в целом IV в. до н. э., а В. Н. Васильев относит их ко второй половине IV — рубежу IV–III вв. до н. э. (Васильев, 2004. С. 158).

Второй половиной IV — рубежом IV–III вв. до н. э. датируют лепные керамические сосуды (рис. 2, 7–13) с примесью талька в тесте (курган 5: погребение 1–3; курган 11: погребение 3, 5, 6) (см. обзор: Васильев, 2001. С. 170, 177. Рис. 1; 2004. Рис. 5–7; Мошкова, 1963. С. 28. Табл. 9, 10).

Обращает на себя внимание гончарный кувшиновидный сосуд среднеазиатского производства из погребения 3 кургана 5 (рис. 3, 14). Похожие по форме сосуды датируются достаточно широко — IV–II вв. до н. э. (Болелов, 2012. С. 211). Вместе с тем большинство известных в южноуральских комплексах аналогичных сосудов происходят из погребений конца IV — рубежа IV–III вв. до н. э. (Васильев, 2004. С. 163, 165. Рис. 5, 14; 7, 9, 11; Мошкова, 1972. С. 33. Рис. 4, 8; Сиротин, Трейстер, 2014. С. 211. Рис. 3, 4).

Таким образом, определенная часть предметов, найденных в погребениях курганов анализируемой группы (курганы 5, 9–11), датируется в пределах IV в. до н. э. Однако с учетом ряда вещей, имеющих определенные основания для уточнения датировки, время сооружения этих курганов, на мой взгляд, вполне может быть установлено в пределах второй половины IV в. до н. э. (вероятнее всего, его последней четверти), не позднее рубежа IV–III вв. до н. э.

Ранние этапы функционирования могильника относятся к эпохе бронзы, о чем свидетельствуют срубно-алакульские захоронения в курганах 1, 4, 6, 7, компактно располагающихся в юго-восточной части некрополя. Пришедшие на эти территории в V в. до н. э. кочевые

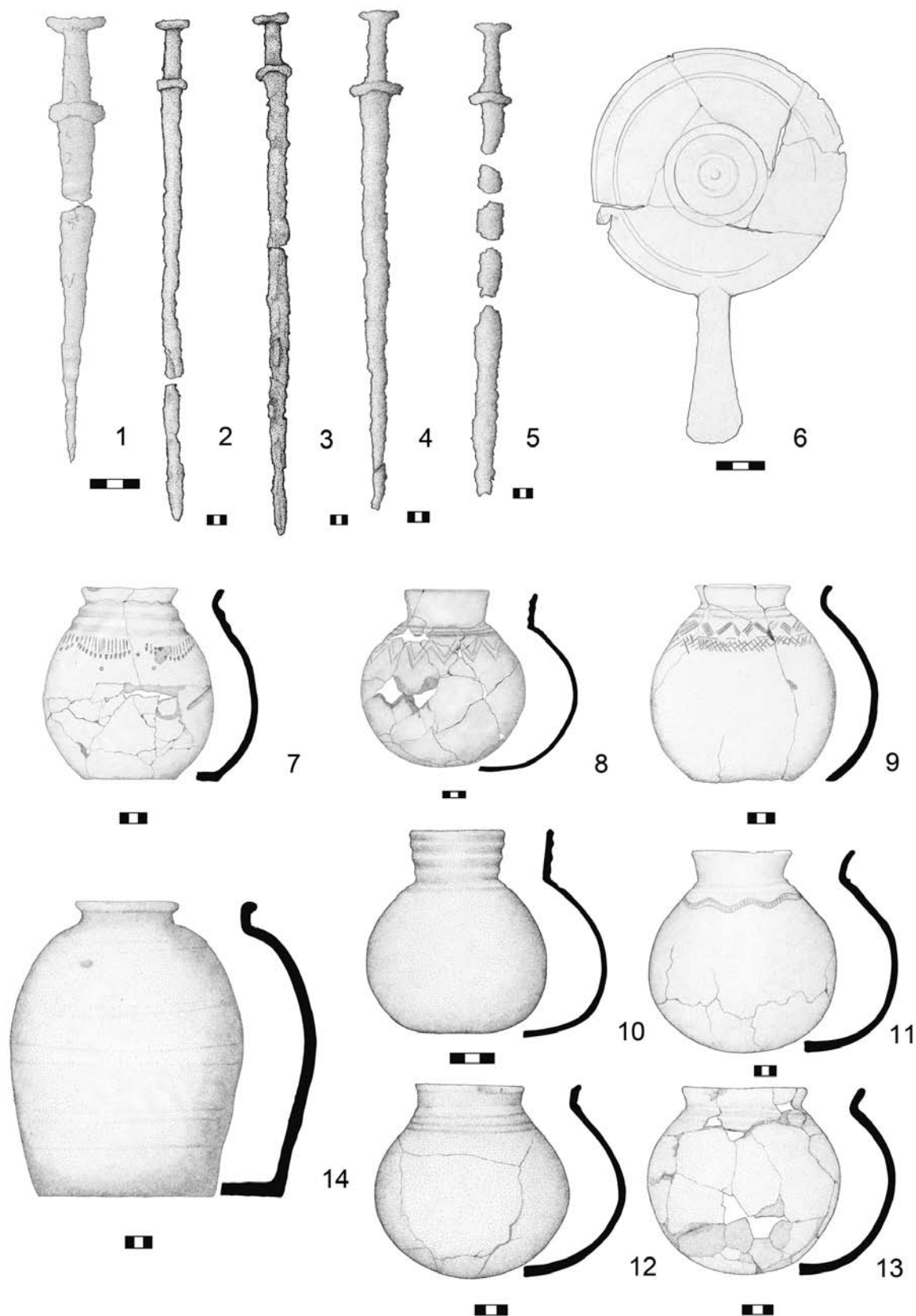

Рис. 3. Инвентарь из курганов 5, 9–11. Кургan 5: 1 — погребение 2; 7 — погребение 1; 8 — погребение 2; 9 — погребение 3; 14 — погребение 3. Кургan 9: 2 — погребение 1. Кургan 10: 3 — погребение 2. Кургan 11: 4 — погребение 3; 5 — погребение 7; 6 — погребение 3; 10, 11 — погребение 3; 12 — погребение 6; 13 — погребение 5. 1–5 — железо; 6 — бронза; 7–14 — керамика

группы совершают захоронение в уже существующем кургане 1. К этому же времени относится возведение курганов 2 и 3, а также, вероятно, перестройка и сооружение центрального захоронения в кургане 7. Разрушенное впускное погребение в кургане 6 сложно атрибутировать, поскольку инвентарь представлен несколькими бронзовыми наконечниками стрел, имеющими широкую датировку V–III вв. до н. э., но, вероятнее всего, оно может быть отнесено к этому же культурно-хронологическому периоду. В широком хронологическом диапазоне конца V – IV в. до н. э. может быть датировано центральное погребение кургана 8. Необходимо отметить, однако, что найденный в насыпи кургана уздечный набор датируется второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н. э. Топографически курганы 2, 3, 7, 8 составляют неправильную цепочку, вытянутую по линии ЮЮЗ–ССВ.

Позднюю группу в некрополе составляют курганы 5, 9–11, располагающиеся в северной части могильника. Топографически они образуют неправильную цепочку, ориентированную по линии ЮЮЗ–ССВ. Сооружение этой группы курганов, датируемых второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н. э., связано с притоком в Зауральскую Башкирию кочевых групп – носителей культурных традиций памятников филипповского круга. В этническом отношении эти группы были близки местному населению. Этим, возможно, объясняется наличие разновременных комплексов в одном могильнике. Подобная ситуация отмечена и в других памятниках Зауральской Башкирии, таких как Переволочан I, Яковлевские курганы, Альмухаметово, Сибай II и др. Осваивая новые территории и вливаясь в состав местного населения в качестве элитарного компонента, пришельцы в короткий срок полностью видоизменили культурные стереотипы в регионе. В археологическом отношении это выразилось в распространении новых форм погребального обряда и вещевых комплексов, стандартизации погребального обряда и инвентаря. Так же, как и все остальные могильники Зауральской Башкирии, некрополь Ивановские I курганы прекращает свое существование на рубеже IV–III вв. до н. э. вследствие начавшихся миграций ранних кочевников Южного Зауралья.

Список литературы и источников

- Болелов С. Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) : в 2 т. М. : Таус, 2012. Т. 1. С. 208–219.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 35–52.
- Гуцалов С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск, 2004. 136 с.
- Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001. С. 169–179.
- Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа : Гилем, 2004. С. 153–172.
- Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. 216 с.
- Лылова Е. В. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург, 2001. С. 126–137.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры (САИ, А1–10). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 55 с.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука, 1974. 51 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в сарматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы и исследования по археологии юга России. Вып. 3. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167.
- Мышкин В. Н. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР, № 13). М. : Таус, 2010. С. 262–279.
- Пшеничниук А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука, 1983. 199 с.
- Пшеничниук А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пшеничниук А. Х. Научный отчет о работе археологического отряда ИИЯЛ в 1974 г. Уфа, 1975 // Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Пшеничниук А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Пшеничниук А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV–III вв. до н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.

Савельев Н. С. Конская узда IV–III вв. до н. э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография : чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966) : материалы междунар. конф., г. Уфа, 20–22 апр. 2007 г. Уфа : Китап. С. 330–339.

Савченко Е. И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М. : Ин-т археологии РАН, 2009. С. 221–325.

Сиротин С. В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР, № 13). М. : Таус, 2010. С. 323–337.

Сиротин С. В. Охранные исследования на могильнике «Ивановские I курганы» в 2013–2014 годах // Изв. Археолог. о-ва Респ. Башкортостан. 2015а. Вып. 1 (2). С. 18–19.

Сиротин С. В., Трейстер М. Ю. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Уфа, 12–15 мая 2014 г. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН : Наследие, 2014. С. 207–217.

Сиротин С. В. Погребальные памятники Зауральской Башкирии // Научные экспедиции РГНФ. М. : Рос. гуманитар. науч. фонд, 2014. С. 149–150.

Сиротин С. В. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015б. С. 247–255.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 299 с.

Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 68–90.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов (МИА, № 101). М. : Наука, 1961. 161 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука, 1964. 376 с.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука, 1984. 183 с.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья (САИ. Вып. Д1–9). М. : Наука, 1963. 40 с.

Таиров А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.

Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Ученые записки БашГУ. Т. 16 / под ред. И. П. Кадильникова. Уфа, 1964. 210 с.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. коллекции : в 2 кн. Кн. 1. М. : Ин-т археологии РАН, 2013. 232 с.

Яблонский Л. Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. Уральск : Зап.-Казахст. центр истории и археологии, 2012. С. 370–392.

Яблонский Л. Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», г. Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 170–177.

CHRONOLOGY AND PLANIGRAPHY OF IVANOVSKIE 1 BARROWS BARROW NECROPOLIS IN THE TRANS-URAL BASHKIRIA

S.V. Sirotin

The materials of the Ivanovskie 1 barrows of the Trans-Ural Bashkiria are analyzed in the article. The burial mound is viewed as a transitional period landscape which reflects the process of cultural transformation among early nomads of the South Ural in the second half of the 5–6 BC period. The period of the burial's functioning, the dating and the conventional barrow chronology are defined.

Keywords: *South Ural, early nomads, Ivanovskie 1 barrows burial mound, transitional period landscape.*

САМАЯ ЗАПАДНАЯ НАХОДКА КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА С Т-ОБРАЗНЫМИ ИЕРОГЛИФАМИ В ЕВРАЗИИ

М. Ю. Трейстер

Материалы о находке китайского зеркала с Т-образными иероглифами, датированного последней третью V — первой половиной IV в. до н. э. и происходящего из кочевнического погребения в Южном Приуралье. Это не только древнейшая находка зеркала рассматриваемого типа за пределами Китая, но и самая западная находка зеркала эпохи Чжаньго в Евразии. Изученные с помощью методов сканирующей электронной микроскопии и металлографии химико-технологические характеристики зеркала близки к данным, которые приведены в публикациях зеркал из Китая и не дают оснований сомневаться в его происхождении.

Ключевые слова: эпоха Чжаньго, Евразия, Алтай, Южное Приуралье, кочевники, китайские зеркала с Т-образными иероглифами, состав, структура, технология изготовления.

В 1983 г. при раскопках экспедицией Оренбургского педагогического института под руководством О. И. Пороховой курганного могильника у совхоза Чкаловский в Оренбургской области была сделана важная находка, незаслуженно выпавшая из поля зрения исследователей¹.

В погребении 3 кургана 4, прорезавшего погребение 2, на дне могильной ямы овальной формы на меловой подсыпке был расчищен скелет взрослого человека, лежащего на спине головой на ЮЗ (Порохова, 1984. С. 13–14. Рис. 21; Воронова, Порохова, 1992. С. 231, 232. Рис. 7) (рис. 1). У кисти его правой руки стоял меловой жертвенник в форме чаши на четырех ножках. На половине диаметра верхнего среза края чаши прочерчен орнамент в виде пяти фигур, каждая из которых состоит из трех линий, расходящихся веером из одной точки от внутреннего валика. Вторая половина площади украшена сгруппированными по две и три линиями, нижняя часть ножек — неправильной формы прочерченными окружностями, заполненными лучеобразно расходящимися от центра линиями² (рис. 2, 1). Рядом с жертвенником вплотную к стенке могилы был положен круглый терочник из красного песчаника с выпуклой нижней и заподированной углубленной верхней плоскостью (рис. 2, 2)³.

В ногах, вокруг головы и в засыпи могильной ямы было найдено семь округлых стеклянных бус (шесть — глухого коричневого, одна — полупрозрачного зеленоватого цвета; одна — полупрозрачная, коротко-цилиндрическая) и полусферической формы бляшка с внутренним золочением и двумя отверстиями для пришивания у краев — одно напротив другого (рис. 3, 4)⁴.

На ключицах — две полусферические серебряные бляшки, обтянутые золотой фольгой с ушками на внутренней стороне (рис. 3, 1–2)⁵.

В ногах были найдены фрагменты двух керамических сосудов, у левого плеча — кусок алебастра, ниже — кусок реальгара (рис. 3, 3), а у северо-западной стенки ямы — кости барана.

Авторы публикации датировали погребение весьма определенно — началом IV в. до н. э., судя по приведенным аналогиям, опираясь прежде всего на форму жертвенника и отмечая, что остальной инвентарь и южная ориентировка погребенного подтверждают датировку IV в. до н. э. в целом (Воронова, Порохова, 1992. С. 237–238). Жертвенник на четырех ножках относится к редкому подтипу жертвенников с круглыми «столиками» (тип III.4), по классификации В. Н. Васильева (Васильев, 1998. С. 28, 42. Рис. 8, 1; Федоров, 2000. С. 60. № 25). Всего известно пять экземпляров этого типа, из которых лишь один происходит из

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. — III в. н. э.» (FL-334/15-1), финансируемого DFG и РФНФ. Публикуемые материалы хранятся в Оренбургском губернаторском музее. Автор выражает искреннюю благодарность О. А. Халяпиной за помощь в работе с коллекцией.

² Сохранность: сколы по краю чаши; потертость поверхности, из-за чего орнамент на ножках почти не читается. Мел; резьба. В. 9,0 см, дм. края 17,7 см. Вместительность: дм. 12,8 см, гл. 3,2 см. Ножки: в. 3,5 см, дм. 3,4–4,2 см. Хранение: Инв. № 16681/46.

³ Сохранность: края со сколами. Дм. 27,2 см, толщ. макс. 5,9 см. Хранение: б/№.

⁴ Сохранность: иризованы. Хранение: инв. № 16681/20–28.

⁵ Сохранность: окислены; фольга на одной бляшке утрачена полностью, на другой — частично; на одной бляшке петля обломана. Дм. 1,75–1,80 см, в. макс. 0,64 см. Дм. петель 0,60–0,75 см, сечение проволоки 0,13–0,15 см. Хранение: инв. № 16681/10.

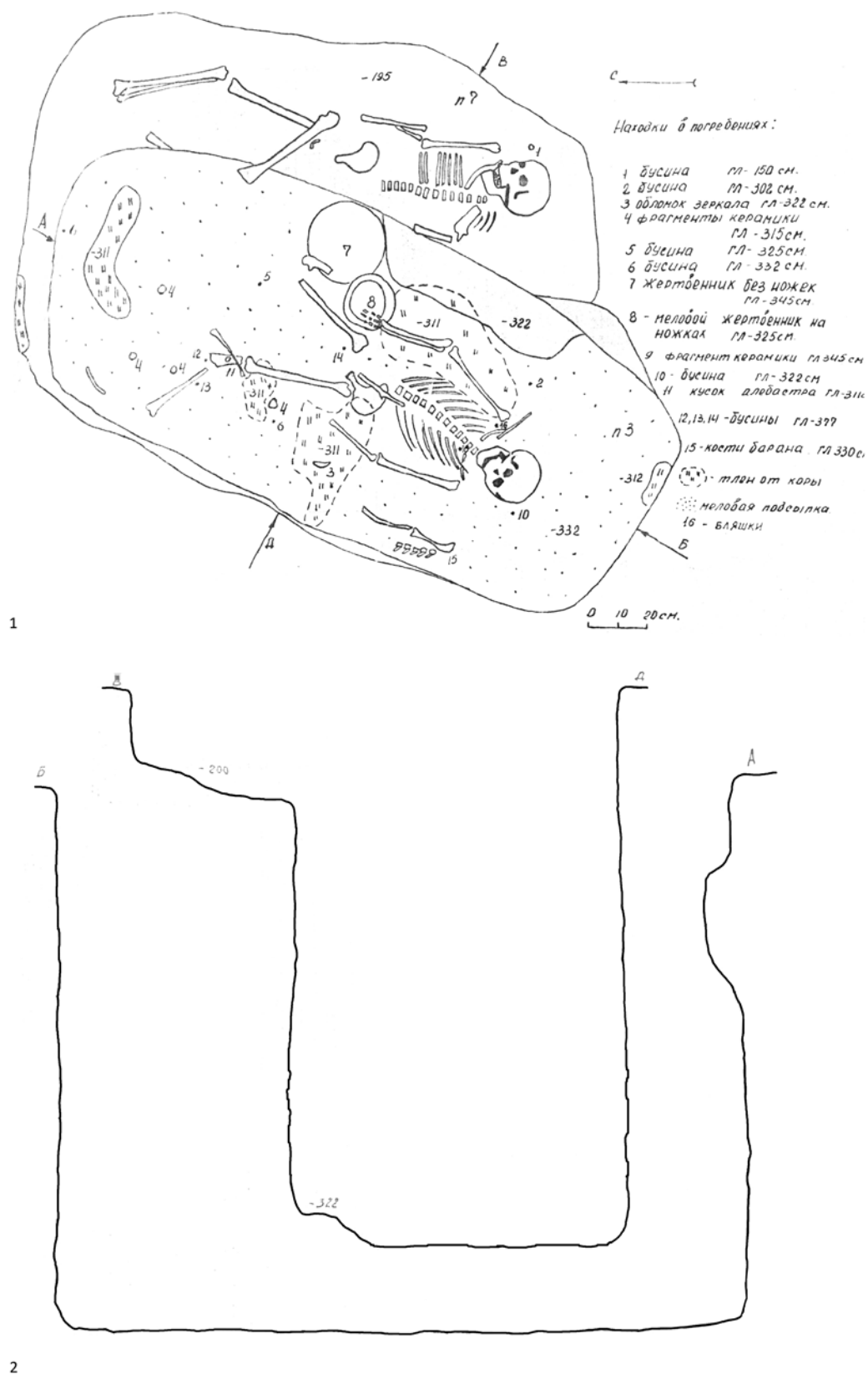

Рис. 1. Погребения 2 и 3 кургана 4/1983 могильника Чкаловский: 1 — планы, 2 — разрезы (по: Порохова, 1984. Рис. 21)

Рис. 2. Находки из погребения 3 кургана 4/1983 могильника Чкаловский (Оренбург, Губернаторский музей): 1 — жертвенник, 2 — терочник (фото: М. Ю. Трейстер, 2015)

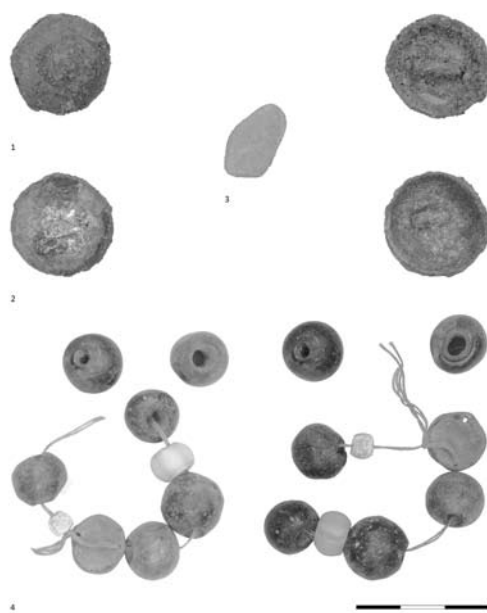

Рис. 3. Находки из погребения 3 кургана 4/1983 могильника Чкаловский (Оренбург, Губернаторский музей): 1, 2 — бляшки; 3 — кусок реальгара; 4 — бусы и пронизь (фото: М. Ю. Трейстер, 2015)

раскопанного археологами комплекса — кургана 5 могильника Новый Кумак (Васильев, 1998. С. 28, 42. Рис. 8, 3). В целом отмечается, что жертвенники этого типа не выходят за пределы V в. до н. э. (Васильев, 1998. С. 28–29). Опубликованные работы по жертвенникам последних лет не позволяют уточнить датировку рассматриваемого жертвенника (Коноплева, 2016. С. 109–113; Маргярян, 2017. С. 104–106), хотя указывается, что жертвенники округлой формы с бортиками на трех ножках продолжали изготавливаться и во второй половине V — IV в. до н. э. (Коноплева, 2016. С. 111). Что касается бус, то, близких аналогий полусферической стеклянной бляшке с металлической прокладкой и двумя отверстиями среди известных бус этого типа мне найти не удалось (ср. Алексеева, 1978. С. 27–33).

Наше внимание привлёк найденный у левого предплечья погребенного фрагмент бронзового зеркала с подтреугольным в сечении краем, отделенным от орнаментального поля низким валиком. Декор представляет собой композицию из четырех Т-образных иероглифов в плоском низком рельефе (из которых сохранились почти полностью и частично два). Фон между иероглифами заполнен орнаментом из симметричных завитков и параллельных изогнутых линий (рис. 4)¹.

Зеркало относится к типу китайских зеркал с Т-образными иероглифами, обозначающими гору (shan, 山) (Kalrgren, 1968. P. 79–98; Wu Hung, 1999. P. 694, 695. Fig. 10.20; Deng Qiuling, 2003. P. 60–66; Mackenzie, 2011. P. 64–65, 72. Note 49). Глиняные формы для отливки таких зеркал происходят из провинции Хэбэй, в том числе одна — из раскопок нижней столицы царства Янь в уезде Исянь (Bunker, 1991. P. 21; cf. Niebert, 1992. P. 121; Yunxiang Bai, 2011. P. 176–177. No. 2. Fig. 2; P. 181–182).

Если более поздние зеркала ханьского времени очень широко распространялись на запад, а их находки известны вплоть до Нижнего Подонья (Guguev et al., 1991. P. 32–50; Гугуев, Трейстер, 1995. С. 143–156; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 172–173. Рис. 45; Treister, 2013. S. 739–740; Brosseder, 2015. P. 236–249, 283–288. List 5–18), то зеркала рассматриваемого типа известны по находкам как в Китае, так и во всех областях Саяно-Алтая (см. обзор: Шульга, 2015. С. 367 с лит.; Brosseder, 2015. P. 214. Fig. 4; P. 283. List 1), в том числе в Пазырыкском кургане 6 (Руденко, 1953. С. 144, 356–357. Рис. 85. Табл. XXIX, 6; Лубо-Лесниченко, 1975. С. 9, 27, № I 1; Hussman, 1976. P. 130, 131. Pl. 40; Шульга, 2015. С. 267–368. Рис. 1; Brosseder, 2015. P. 283. List 1. No. 3; Шульга и др., 2016. С. 280. Рис. 132, 1). Ни на территории Западной Сибири, ни далее к западу такие зеркала до сих пор не встречались. По классификации

¹ Сохранность: вздутие и трещины в металле, на поверхности слой окислов. Дм. 10,6 см, толщ. диска 0,4 см. Бортик: в. 0,66 см, шир. 0,95 см. Хранение: инв. № 16681/49.

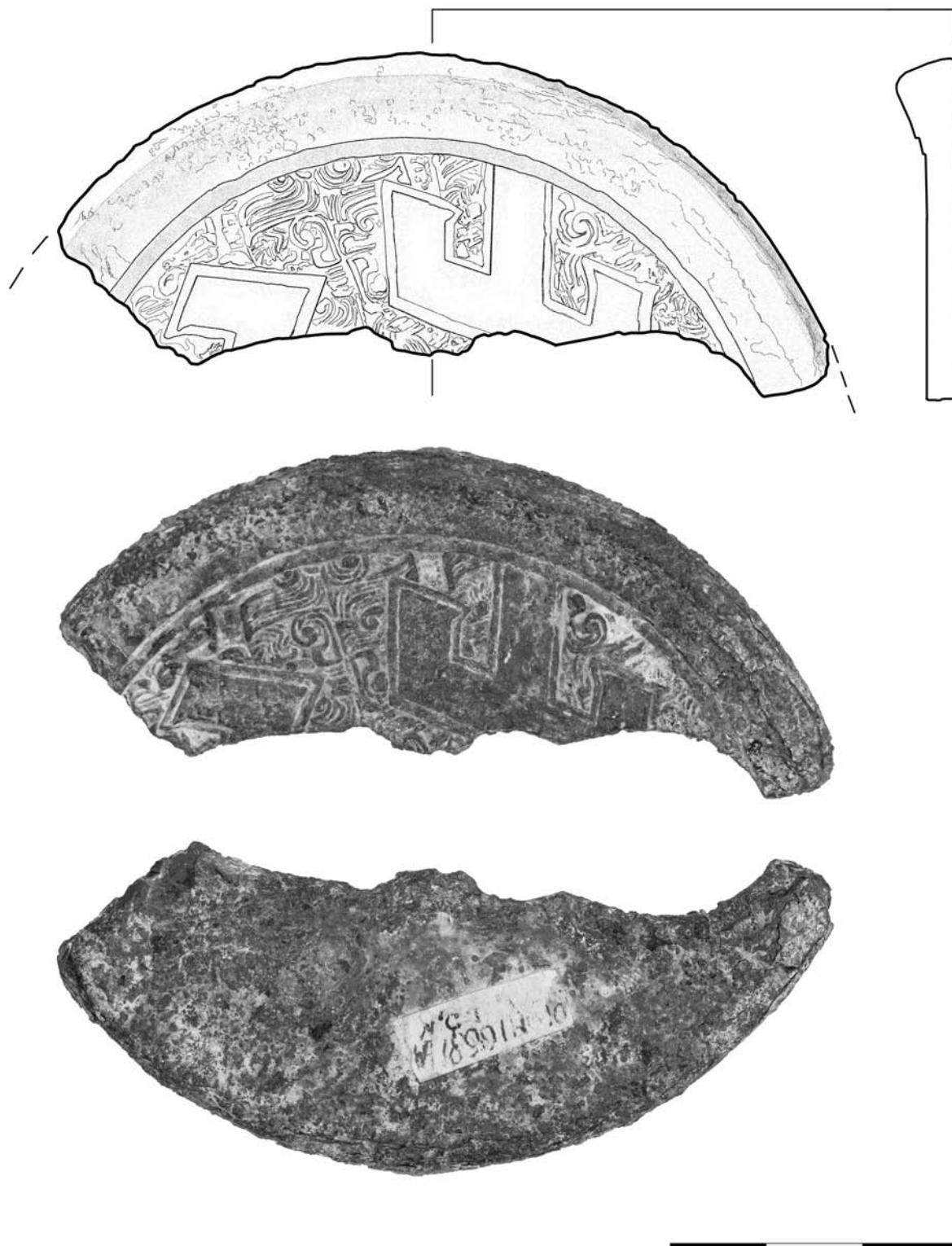

Рис. 4. Фрагмент зеркала из погребения 3 кургана 4/1983 могильника Чкаловский (Оренбург, Губернаторский музей): 1 — рисунок (Н. Е. Беспалая), 2 — фото (М. Ю. Трейстер, 2015)

Дэн Цюлина (Deng Qiuling, 2003. Р. 60–66), которую цитирует П. И. Шульга, фрагмент зеркала из Чкаловского могильника, для которого характерно отсутствие дополнительных изображений сердцевидных листков, цветков и листьев бамбука, и наличие лишь тонкого фонового декора („feather-and-curl“ ground: Mackenzie, 2011. Р. 64–65. Fig. 13A), относится к типу 1, самому раннему типу таких зеркал (Deng Qiuling, 2003. Р. 65; Шульга, 2015. С. 368. Рис. 3; С. 369). Зеркала типа 1 бытовали на раннем и срединном периодах эпохи Чжаньго (около 430–310 гг.

до н. э.), при этом, как отмечается, дополнительные элементы декора начинают появляться на зеркалах только к концу срединного периода (Deng Qiuling, 2003. P. 65; Шульга, 2015. С. 369). Элементы фоновых декоров, украшающие фрагмент зеркала из Чкаловского могильника между Т-образными знаками, находят параллели на различных бронзовых (Cat. Washington 1982. P. 27–42; Kat. Zürich 1996. S. 299–301. Nr. 61; S. 305–306. Nr. 63) и шелковых (Cahill, 2011b. P. 132–133) изделиях эпохи Чжаньго.

Таким образом, зеркало из Чкаловского могильника можно датировать в рамках последней трети V — первой половины IV в. до н. э., и это зеркало оказывается древнее зеркал с Т-образными иероглифами типа 3¹, найденных в Пазырыке, Минусинской котловине (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 9, 27, № 1 2. Рис. 1; Brosseder, 2015. P. 283. List 1. No. 1) и Горном Алтае (Тишкин, Серегин, 2011. С. 41–42, Табл. XVII; Brosseder, 2015. P. 283. List 1. No. 2), которые начали производиться несколько раньше середины IV в. до н. э., а попадали на Алтай и в Минусинскую котловину не ранее второй половины, если не последней четверти IV в. до н. э. (Шульга, 2015. С. 370; Шульга и др., 2016. С. 277). Несомненно, находка из Южного Приуралья попала туда из Китая, вероятнее всего, другим путем и, безусловно, раньше. Судя по датировке погребения, это произошло во время функционирования могильника у с. Филипповка, когда к кочевникам Южного Урала попадали импорты из отдаленных центров цивилизации (Трейстер, Яблонский, 2012), впрочем, в самом филипповском могильнике вещи китайского происхождения не зафиксированы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОСТАВ, МИКРОСТРУКТУРА И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЗЕРКАЛА

И. Г. Равич

Исследованная находка представляла собой небольшой овальный фрагмент с плоскими боковыми краями, подвергшийся интенсивной коррозии. Его лицевая и тыльная стороны были покрыты толстым коррозионным слоем, состоявшим из бугристого коричневого куприта с областями зеленых солей меди. В куприте были заметны мелкие трещины, которые проходили также по внешнему овальному краю фрагмента зеркала.

Для определения состава зеркала от бокового края фрагмента был отобран образец, сечение которого исследовали на сканирующем электронном микроскопе фирмы «Camebax»². Определяли состав центральной части сечения, где сохранилось металлическое ядро. Изучение микроструктуры проводили, используя горизонтальный металлографический микроскоп МИМ-8, шлиф располагали на поперечном сечении бокового края фрагмента зеркала. Для травления использовали раствор состава $K_2Cr_2O_7$ — 2 г, H_2SO_4 — 8 мл, H_2O — 100 мл, насыщенный раствор $NaCl$ — 4 мл³.

Результаты определения состава в % (вес.) приведены ниже:

Cu — 73,76 %, Sn — 23,45 %, Pb — 1,52 %, Zn — 0,02 %, W — 0,02 %, Ag — 0,06 %, As — 0,14 %, Fe — 0,02 %, Ni — 0,27 %, Co — 0,07 %, Sb — не обнаружена.

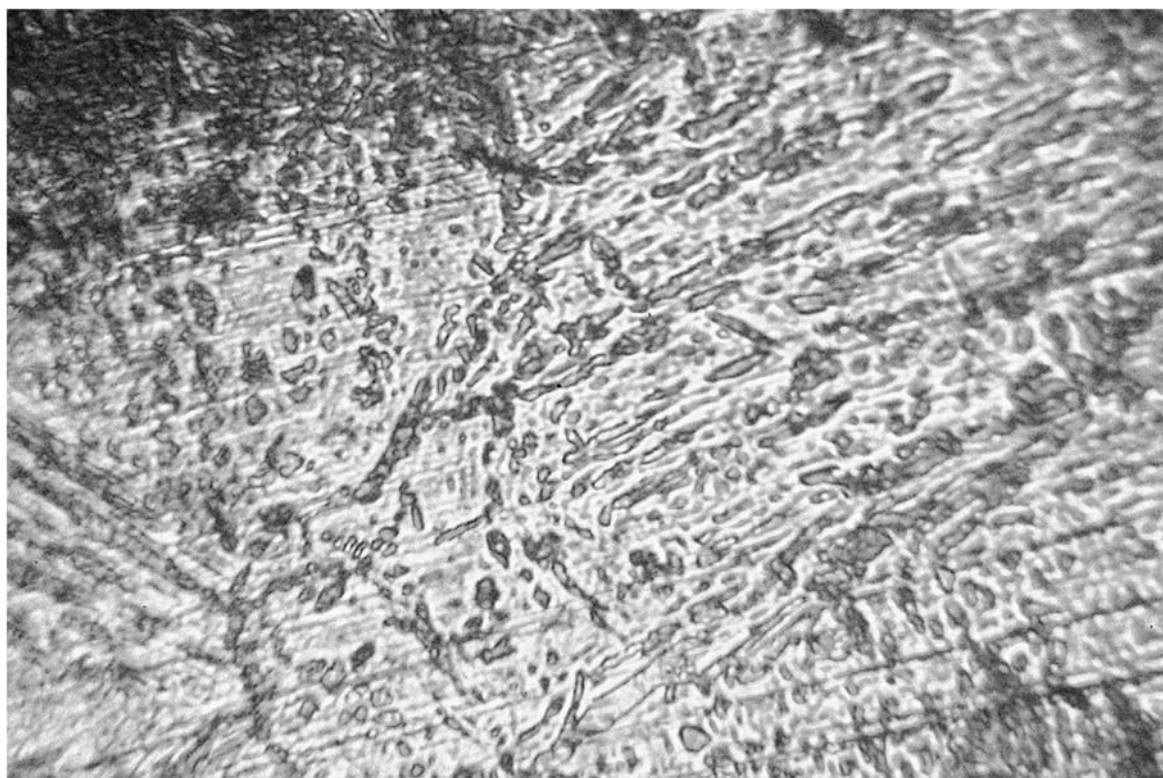
Металлографическое исследование сохранившегося среди продуктов коррозии участка металла показало, что зеркало получено с помощью литья, а его микроструктура характерна для литых высокооловянных бронз, содержащих 23 % олова. После травления на шлифе было заметно две фазы: альфа-фаза, отличавшаяся пластинчатой и круглой формой, и эвтектид (альфа + дельта) (рис. 5, 1). В краевой зоне шлифа проявлялись области, в которых эвтектид подвергся коррозии и был виден в виде темных областей между выделениями альфа-фазы (рис. 5, 2). Подобный тип коррозии высокооловянных бронз описан в литературе (Scott, 2002. P. 344). Включения свинца на шлифе не фиксировались, что было обусловлено его небольшим содержанием в сплаве. Характер микроструктуры свидетельствовал, что зеркала кристаллизовались в малотеплопроводной глиняной или каменной форме.

Полученные данные мы сопоставили с результатами исследований, посвященных определению состава, микроструктуры и технологии изготовления китайских зеркал. Установлено, что начиная с эпохи Воюющих царств (475–221 гг. до н. э.) и вплоть до династии Тан (619–917 гг. н. э.) китайские зеркала изготавливали из высокооловянной бронзы, содержавшей в качестве основных легирующих элементов 18–26 % олова и 1–9 % свинца (Corrosion and

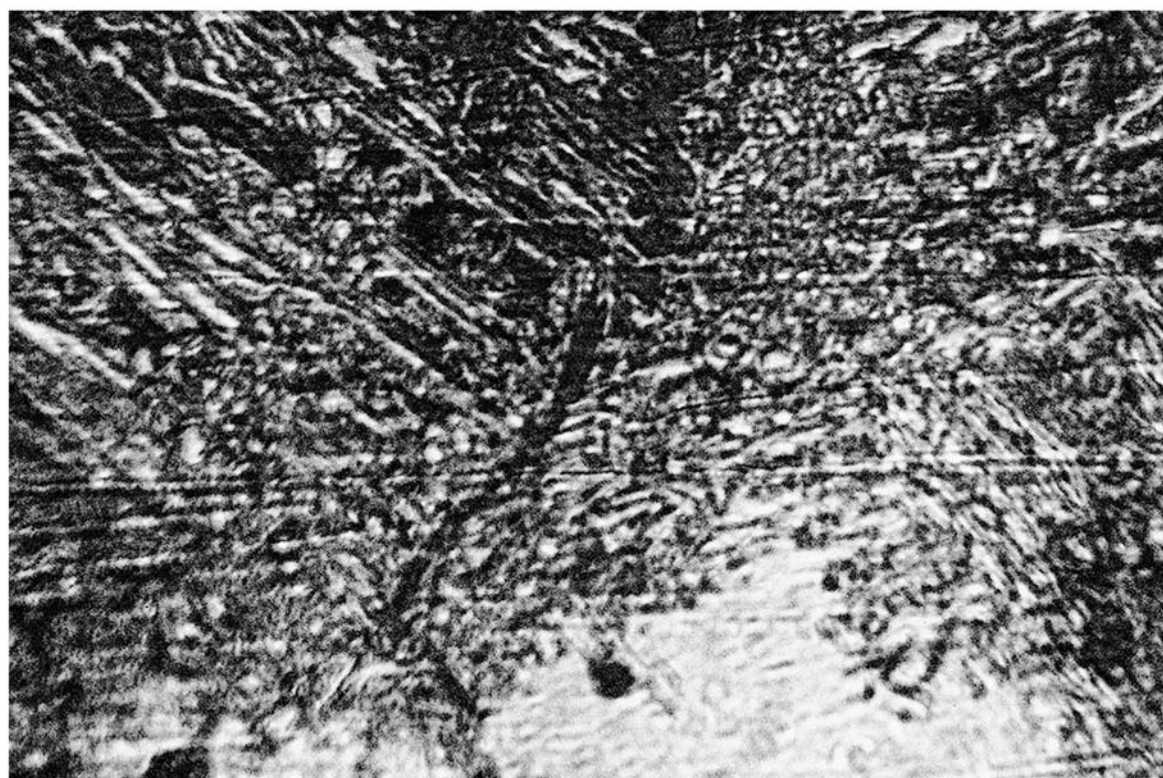
¹ См. также аналогичные зеркала из частных коллекций: Cat. Washington 1982. P. 86–87. No. 40; Cat. Taipei 1986, P. 64–65. Pl. 4; Cat. Hong Kong 1990, P. 232–233. No. 152; Cat. Cleveland 2000. P. 25. No. 2; Cat. Beijing 2007, P. 18–22. Nos. 4–7; Cahill 2011a, 32. Pls. 17–19.

² Исследование проводил аналитик И. А. Брызгалов на кафедре минералогии МГУ им. М. В. Ломоносова.

³ Металлографическое исследование было проведено И. Г. Равич в отделе металла Государственного научно-исследовательского института реставрации.

1

2

0 10 20 60
μm

Рис. 5. Микроструктуры зеркала из Чкаловского могильника (погребение 3, курган 4): 1 — область сохранившегося металла; 2 — область, подвергшаяся коррозии (фото: И. Г. Равич, 2016)

metal artifacts, 1977. P. 194. Fig. Q-1-5; Riederer, 1977. S. 6–10; Chase, 1993. P. 100; Shoukang, Tangkun, 1993. P. 50–62; Castello, 2005. P. 1–15). Китайские зеркала получали с помощью литья, используя малотеплопроводные формы: глиняные, которые предварительно нагревали, или каменные. Эти формы обеспечивали медленное охлаждение расплава, что помогало избежать трещин в отливке, вызванных давлением металла (Meeks, 1993. P. 73). Опубликованы микроструктуры подобных зеркал (Shuyun, Kennon, 2002. P. 6. Figs. 1–6).

Результаты анализа состава зеркала из могильника Чкаловский совпадают с приведенными выше данными. Как и эти изделия, изученное нами зеркало изготовлено из высокооловянной бронзы со свинцом, а содержания этих элементов (23,45 % олова и 1,52 % свинца) укладываются в интервалы концентраций, характерных для китайских зеркальных бронз. Его микроструктура свидетельствует о медленном охлаждении расплава в процессе кристаллизации, т. е. о заливке металла в малотеплопроводную глиняную или каменную форму, что отличает и китайские зеркала. Таким образом, есть все основание считать зеркало, найденное в Чкаловском могильнике, китайским.

Список литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья : в 3 т. Т. 2 (САИ. Вып. Г1–12). М. : Наука, 1978. 100 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 267 с.
- Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
- Воронова С. А., Порохова О. И. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 228–255.
- Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–156.
- Коноплева К. Г. Каменные жертвенники ранних кочевников Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 109–113.
- Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М. : Гл. ред. вост. лит., 1975. 165 с.
- Маргарян К. Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 104–106.
- Порохова О. И. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 году по открытому листу № 608. Оренбург, 1984 // Архив ИА РАН. Р-1. № 9266.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая. Барнаул : Азбука, 2011. 144 с.
- Федоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 49–69.
- Шульга П. И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирушина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 2015. С. 366–371.
- Шульга П. И., Мыглан В. С., Слюсаренко И. Ю. Хронология могильников позднего этапа пазырыкской культуры: дендрохронологическая шкала и археологический аспект // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 272–286.
- Brosseder U. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE (Bonn Contributions to Asian Archaeology, 7). Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. Pp. 199–332.
- Bunker E.C. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds // Source, Notes in the History of Art. 1991. Vol. X. No. 4. P. 20–24.
- Cahill S.E. Catalogue // The Lloyd Cotsen Study Collection. 2011a. Vol. 1. 264 p.
- Cahill S.E. A comparison on designs on bronze mirrors and silk textiles from the warring states through the Tang periods (450 BCE — 907 CE) // The Lloyd Cotsen Study Collection. 2011b. Vol. 2. P. 130–160.
- Castello S.D. An Investigation of Early Chinese Bronze Mirrors at the Harvard University Art Museums // Anagric. 2005. Paper 2. P. 1–15.
- Chase W.T. Chinese Bronzes: Casting, Finishing, Patination and Corrosion // Ancient and Historic Metals: Conservation and Scientific Research. Marina del Rey : Getty Conservation Institute, 1991. P. 85–118.
- Corrosion and Metal Artefacts. A Dialogue between Conservators and Archaeologists and Corrosion Scientists. Washington : National Bureau of Standards Department of Commerce, 1977. 244 p.
- Guguev V.K., Ravich I.G., Treister M.Yu. Han Mirrors and Their Replicas in the Territory of South of Eastern Europe // Bul. of the Metals Museum. 1991. No. 16. P. 32–50.
- Hussman G.C. Nomadic and Early Chinese Art: Correlations. Thesis. Northridge : California State University; 1976. 186 p.
- Cat. Beijing 2007. Ni ying gai zhi dao de 200 jian tong jing = Copper mirrors / Gu gong bo wu yuan bian ; He Lin zhu bian. Beijing : Zi jin cheng chu ban she, 2007. 317 s.

- Cat. Cleveland 2000. Ju-his Chou. Circles of Reflection. The Carter Collection of Chinese Bronze Mirrors. The Cleveland Museum of Art. Cleveland : The Cleveland Museum of Art, 2000. 152 p.
- Cat. Hong Kong 1990. J. Rawson, E. Bunker. Ancient Chinese and Ordos Bronzes (Hong Kong: The Oriental Ceramic Society of Hong Kong 1990). 362 p.
- Cat. Taipei 1986. Catalogue of Special Exhibition of Bronze Mirrors in the National Palace Museum. Taipei : National Palace Museum, 1986. 267 p.
- Cat. Washington 1982. T. Lawton. Chinese Art of the Warring State Period. Freer Gallery of Art. Washington : Smithsonian Institution, 1982. 202 p.
- Deng Qiuling, On the Date and Periodization of «山»-shaped Design Bronze Mirrors (邓秋玲. 论山字纹铜镜的年代与分期 // 考古2003年第11期) // Kaory. 2003. № 11. S. 60–66.
- Hiebert F.T. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomads Reconsidered // Bul. of the Asia Institute. New Series. 1992. Vol. 6. P. 117–129.
- Kat. Zürich 1996. Das Alte China. Menschen und Götter im Reich der Mitte. 5000 v. Chr.— 220 n. Chr. Zürich : Kunsthau, 1996. 500 s.
- Karlgren B. Early Chinese Mirrors: Classification Scheme Recapitulated // Bul. of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1968. Vol. 40. P. 79–98.
- Mackenzie C. Mirrors of the Warring State Period // The Lloyd Cotsen Study Collection. Vol. 2. P. 50–73.
- Meeks N. Patination Phenomena on Roman and Chinese High-tin Bronze Mirrors and other Artifacts // Metal Plating and Patination. Oxford : Univ. of Oxford, 1993. P. 63–84.
- Riederer J. Metallanalysen chinesischer Spiegel // Berliner Beiträge zur Archäometrie. 1977. B. 2. S. 6–16.
- Scott D. Copper and Bronze in Art. Los Angeles : The Getty Conservation Institute, 2002. 515 p.
- Shoukang Z., Tangkun H. Studies of Ancient Chinese Mirrors and other Bronze Artefacts // Metal Plating and Patination. Oxford : Univ. of Oxford, 1993. P. 50–62.
- Shuyun S, Kennon N.F. The Study of Microstructure of Chinese Ancient Mirrors // Bul. of the Metals Museum. 2002. Vol. 16. P. 3–15.
- The Lloyd Cotsen Collection 2011 — The Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / L. von Falkenhausen (Monumenta Archaeologica 25). Los Angeles : Cotsen Occasional Press and UCLA Institute of Archaeology Press, 2011. Vol. 1. 264 p. Vol. 2. 259 p.
- Treister M. Nomaden an der Schnittstelle von transeurasischen Karawanenrouten (Importobjekte aus den spätsarmatischen Gräbern von Lebedevka) // Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Bochum : Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 733–748.
- Wu Hung. The Art and Architecture of the Warring States Period // The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 BC. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 651–744.
- Yunxiang Bai. On the two Traditions of the Bronze Mirror Casting Techniques in East Asia // Chinese Archaeology. 2011. Vol. 11. P. 176–182.

THE MOST WESTERN FINDING OF A CHINESE MIRROR WITH T-SHAPED HIEROGLYPHS IN EURASIA

M. Yu. Treister

The finding of a Chinese mirror with T-shaped hieroglyphs, dated to the period the last third of the 5th century to the first half of the 4th century BC and originating from a nomadic burial mound in the South Urals is published. It is not only the oldest finding of a mirror of such type beyond China, but also the most western finding of the mirror from the Warring States Period in Eurasia. Chemical and technological characteristics of the mirror studied with the help of scanning electron microscopy and metallography are close to the data given in Chinese mirror presentations and, thus, give no grounds to doubt the origins of the mirror.

Keywords: *Warring States Period, Eurasia, Altai, foothills of South Urals, nomads, Chinese mirrors with T-shaped hieroglyphs, metal composition, structure, manufacturing technology.*

МОГИЛЬНИК РАННИХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАЧИЙ МАР В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ¹

В. К. Федоров, В. Н. Васильев

Статья посвящена могильнику ранних кочевников в Южном Зауралье. В его состав входят три кургана, один из которых имеет крупные размеры и еще два соединены между собой валом (так называемый гантелевидный курган). Один из этих двух соединенных курганов содержал погребение ребенка. Инвентарь — набор наконечников стрел, колчаный крючок, костяная ложечка, керамический сосуд — позволил датировать его в пределах V — начала IV в. до н. э.

Ключевые слова: *ранние кочевники, Южное Зауралье, курганы, погребальный обряд, колчаный набор, наконечники стрел, хронология.*

В 1994 г. археологической экспедицией Национального музея Республики Башкортостан был исследован курган 3 могильника Казачий Мар (Уртазым-2) в Кваркенском районе Оренбургской области. Могильник находится в 4 км к северо-западу от с. Уртазым, на правом берегу реки Урал (северная часть Ириклинского водохранилища), на вершине водораздельного сырта. Микрохороним «Казачий Мар» принадлежит большому кургану (№ 1) в южной части некрополя. Его диаметр около 50 м, высота 3,5–4 м, на вершине большая воронка. В 0,6 км к северу от него находится так называемый гантелевидный курган, то есть две насыпи, соединенные земляной перемышкой. Каждой насыпи присвоен собственный номер (2 и 3) (рис. 1). Большая насыпь (№ 2) имеет диаметр 24 м, высоту 1,2 м, в центре воронка диаметром 10 м. От нее по направлению к северо-востоку идет земляной вал шириной до 12 м, высотой не более 0,25 м и длиной 36 м, оканчивающийся еще одной насыпью (№ 3), которая и была исследована раскопками.

Курган 3 имел сильно расплывшуюся насыпь диаметром 16 м и высотой, по данным нивелировки, до 0,74 м. Раскапывался вручную с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок шириной 0,2 м, ориентированных по сторонам света. Насыпь сложена черноземом с включениями обызвесткованного гравия (рис. 2).

Стратиграфия насыпи: дерн — 0,1 м; гумусный слой — 0,25–0,65 м; погребенная почва — 0,15–0,35 м; материк — желто-красная глина.

В центральной части обеих бровок наблюдается разрыв в погребенной почве и материке, заполненный черным гумусом (могильная яма). Длина его в меридиональной бровке — 0,85 м, в широтной — 1,45 м. Над могильной ямой на глубине 0,57 м от поверхности отмечены кусочки истлевшего дерева. С двух сторон от могилы в обеих бровках зафиксированы линзы материковой глины длиной до 1,25 м и мощностью до 0,25 м — могильный выкид.

Находки в насыпи. В юго-западной части под слоем дерна, на глубине 0,2 м, в слое гумуса найдены остатки березовых жердей толщиной 5–10 см разной сохранности. Часть из них обуглена и обожжена. Жерди лежали преимущественно в направлении ЮЗ–СВ, часть из них хаотично. Над и под жердями встречены небольшие локальные прослойки материковой глины. Жерди лежали в один слой, не сплошь, редко. Площадь, занимаемая ими — примерно 4×4 м. Именно в этом месте насыпь плавно переходит в валообразную перемышку между курганами 2 и 3. Судя по этому, а также учитывая то обстоятельство, что основное направление, в котором лежали жерди, совпадает с направлением перемышки, надо полагать, что данная конструкция играла какую-то роль в соединении насыпи кургана с перемышкой.

В районе деревянной конструкции найдены две кости, принадлежавшие лошади (?): зуб (уровень –8 см) и позвонок (–40 см).

Также под насыпью найдены кости человека: лучевая (юго-восточный сектор, +22), малая берцовая (северо-восточный сектор, рядом с центром кургана, +24), нижний эпифиз левой лучевой кости (северо-восточный сектор, у широтной бровки, +3), обломки ребер (там же, –7).

Кроме того, под насыпью найдены:

- 1) бронзовый наконечник стрелы (юго-восточный сектор, +30) (рис. 3, 1);
- 2) звено бронзовых удиц S-образной формы длиной 8,4 см (северо-восточный сектор, вместе с обломками ребер, –7) (рис. 3, 2).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-11-02008 ОГОН «Курганы Южного Зауралья».

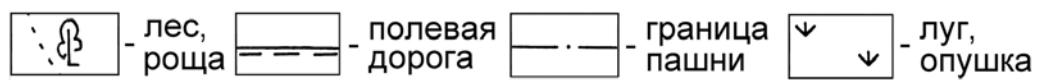

Рис. 1. Могильник Казачий Мар (Уртазым-2). План топосъемки

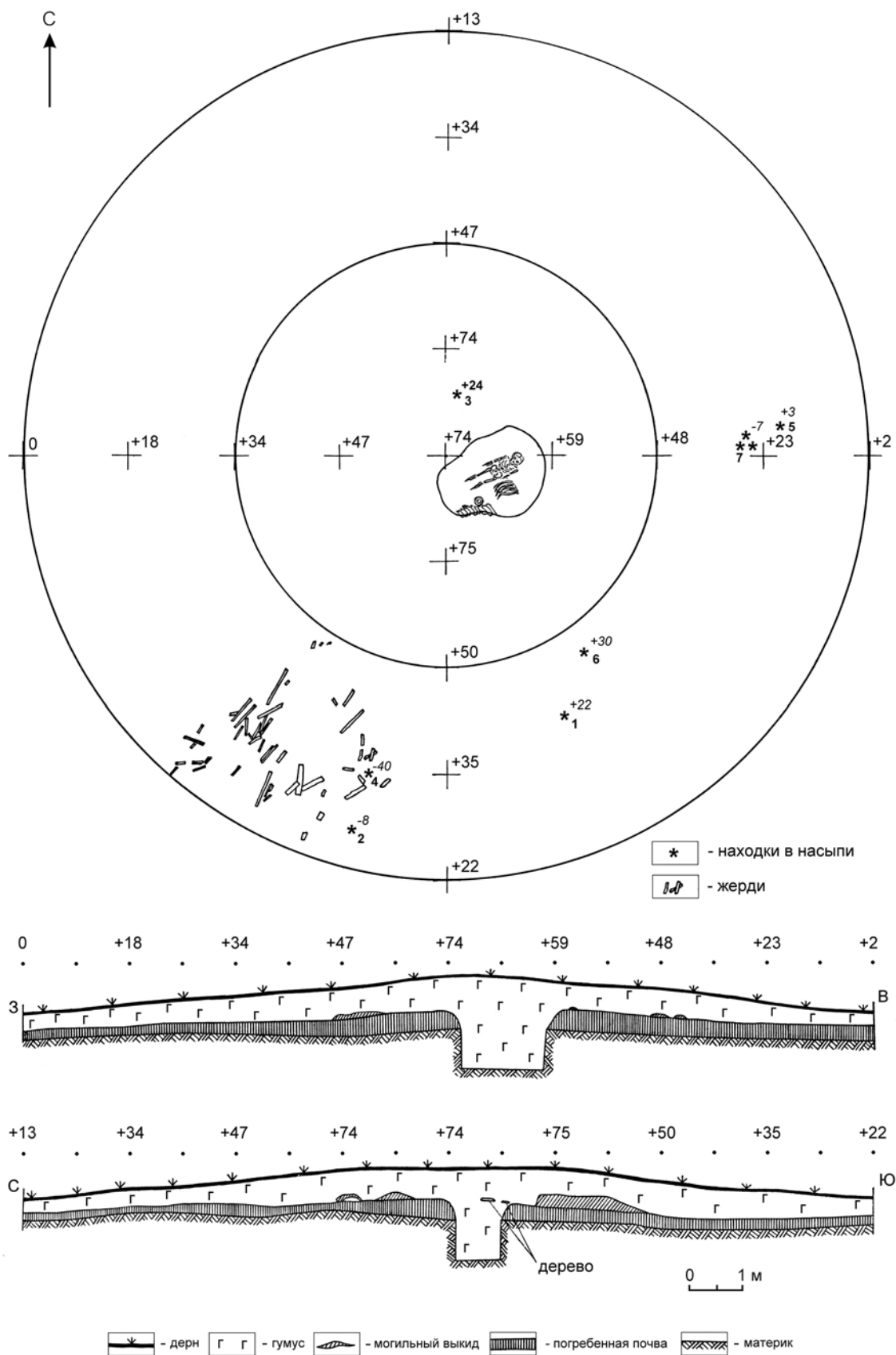

Рис. 2. Могильник Казачий Мар (Уртазым-2). План кургана 3. Находки в насыпи: 1 — лучевая кость человека; 2 — зуб лошади (?); 3 — малая берцовая кость человека; 4 — позвонок лошади (?); 5 — нижний эпифиз левой плечевой кости человека; 6 — бронзовый наконечник стрелы; 7 — звено бронзовых удили и обломки ребер человека

Единственное погребение выявлено в центре кургана. Пятно несколько неправильной овально-грушевидной формы имело размер 2,1×1,62 м и было ориентировано по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 4). У длинной южной стороны из заполнения торчали верхушки деревянных кольев (береза). Заполнение представляло собой черный гумус, смешанный частично с красной глиной и обызвешкованными гальками. Также встречались кусочки дерева от перекрытия. Стенки и дно ямы перфорированы норами грызунов, встречено много их костей.

Остатки перекрытия представляли собой концы изогнутых березовых жердей толщиной 7–10 см, сохранившихся на длину 35–40 см. Всего около 15 жердей, судя по их остаткам, могила была перекрыта ими поперек в один слой.

На глубине 0,4 м в восточной части могилы найден железный колчанный крючок с утолщением в средней части, посередине которого — отверстие (рис. 4, 7). Глубина могилы в материке — до 0,75 м.

На дне лежал костяк ребенка — вытянуто на спине, головой на ВСВ (рис. 3). Слева от погребенного, на уровне таза и бедер, находились две положенные друг на друга реберные части туши крупного животного. Сверху на них лежал согнутый цельножелезный нож с прямым узким лезвием (рис. 4, 3).

Справа от погребенного вдоль ноги располагался комплекс предметов, связанных с колчаном:

1) каменная точильная плитка подтрапециевидной формы, боковые грани и рабочая поверхность которой хорошо зашлифованы (рис. 4, 8);

2) камень вытянутой формы, один из концов которого облеплен ярко-желтым веществом (рис. 4, 5);

3) порошкообразное вещество ярко-желтого цвета;

4) массивное железное шило с округлой в сечении рукоятью, оканчивающейся шаровидным утолщением (рис. 4, 4);

5) обломок верхней части костяной ложечки, черенок семигранный в сечении, оканчивается головой ушастого грифона (рис. 4, 6);

6) бронзовые наконечники стрел — 48 штук (рис. 5).

У длинной южной стенки могилы на уровне стоп погребенного стоял лепной керамический сосуд с отогнутым венчиком, раздутым туловом и уплощенным дном (рис. 4, 9). Он орнаментирован по шейке двумя поясками ногтевых вдавлений, по верхней части тулова — волнообразной полосой из таких же вдавлений. Примесь в глиняном тесте — светлая тальковая дресва.

Рядом с сосудом лежало ребро животного, между сосудом и стенкой могилы — кусок дерева.

Погребение было густо посыпано мелом в порошке и в кусочках, а район головы и грудной клетки — мельчайшим речным песком.

У короткой восточной стенки найдены лежащие в анатомическом порядке кости стопы взрослого человека.

Необходимо отметить, что погребенный лежал не на материковом дне могилы, а на гумусной прослойке толщиной около 5 см. Между тем глиняное дно могилы также сохранило следы меловой посыпки. Таким образом, налицо две меловые посыпки, разделенные тонкой гумусной прослойкой. Этот факт, а также находка отдельно лежащей стопы взрослого человека в могиле, костей человека и вещей в насыпи кургана указывают на то, что захоронение

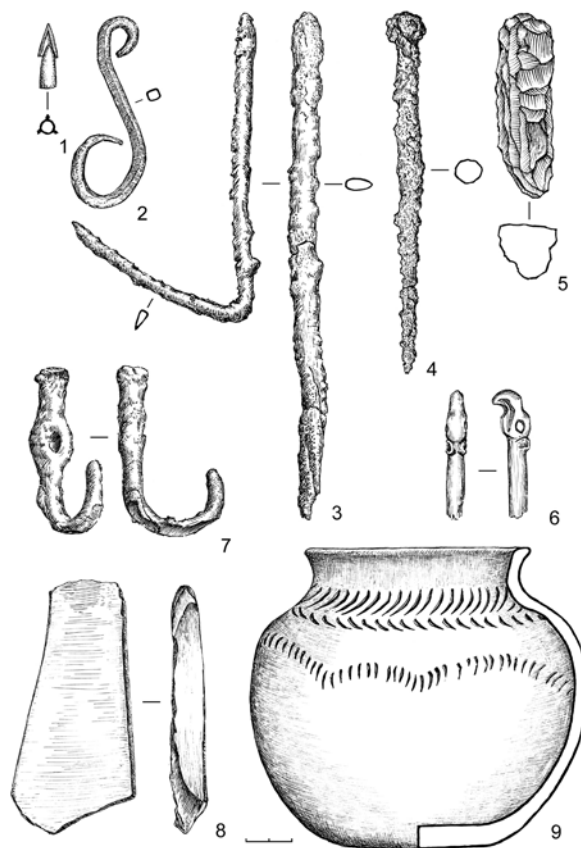

Рис. 3. Могильник Казачий Мар (Уртазым-2).

Курган 3. Погребение. Инвентарь:

- 1 — наконечник стрелы; 2 — звено удил;
3 — нож; 4 — шило; 5 — растиральник (?);
6 — обломок ложечки; 7 — колчанный крючок;
8 — точильная плитка; 9 — сосуд. 1–2 — бронза;
3, 4, 7 — железо; 5, 8 — камень; 6 — кость;
9 — керамика

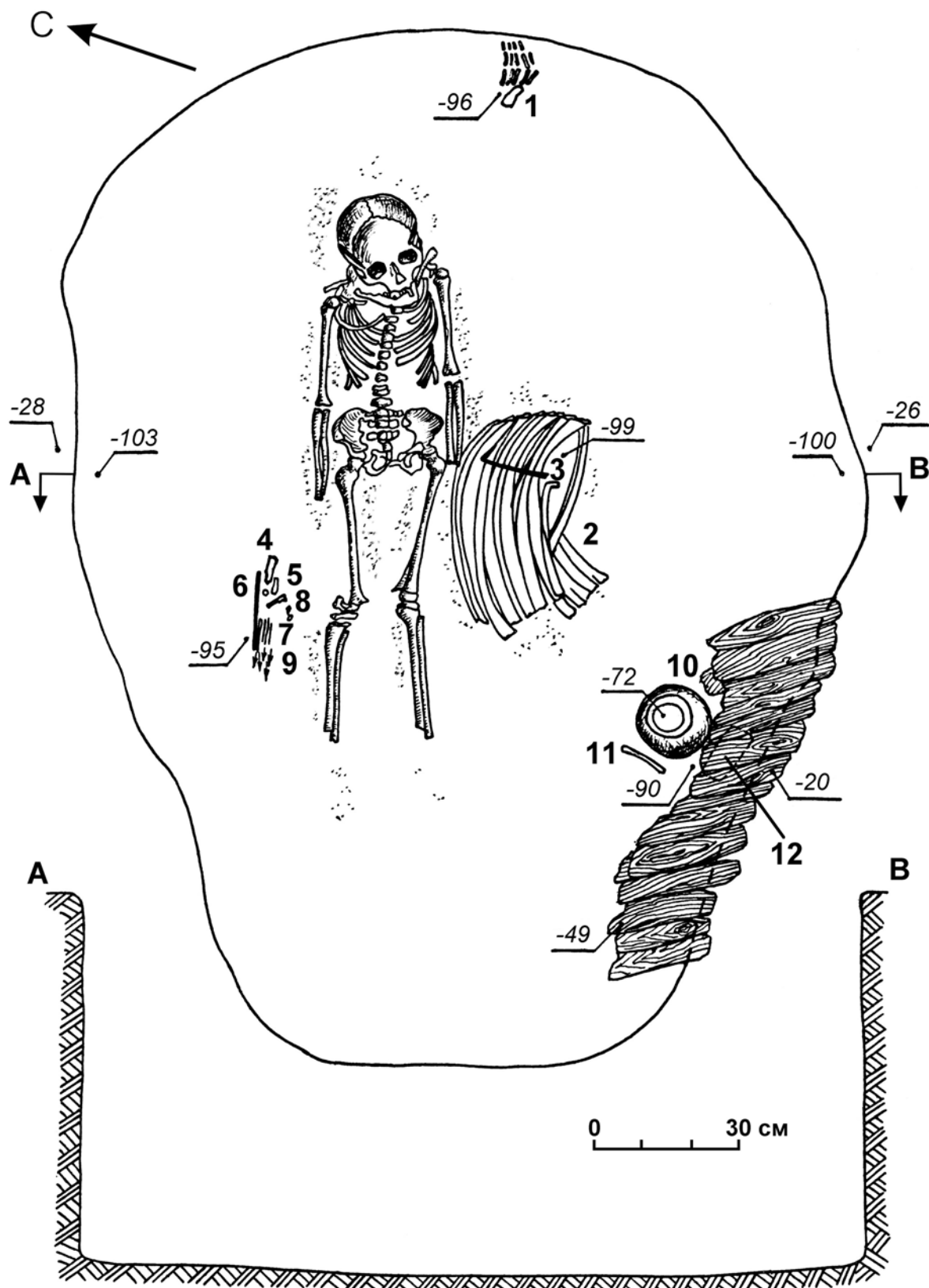

Рис. 4. Могильник Казачий Мар (Уртазым-2). План погребения в кургане 3: 1 — стопа человека; 2 — ребра крупного животного; 3 — железный нож; 4 — оселок; 5 — камень; 6 — железное шило; 7 — желтое порошкообразное вещество; 8 — обломок ложки; 9 — наконечники стрел; 10 — сосуд; 11 — обломок ребра животного; 12 — кусок дерева

ребенка не было изначальным. Первоначально в могиле был захоронен взрослый человек, положенный головой на ЗЮЗ, то есть в противоположную сторону относительно найденного костяка. Погребенный был посыпан мелом. С инвентарем этого захоронения связаны звено бронзовых удил и наконечник стрелы. Этому же погребению принадлежит деревянное перекрытие, остатки которого обнаружены с южной стороны могилы.

Колчаный крючок, найденный в верхней части засыпи могилы, относится, скорее всего, к погребению ребенка и перемещен со своего места грызунами. Они же повредили костяную ложечку.

* * *

Курганы, соединенные между собой валообразной перемычкой (гантелевидные), неоднократно исследовались на территории Южного Урала. Они принадлежат поздне-сарматскому времени, причем во всех случаях погребения находились только в одном из концевых возвышений (Мошкова, 1989. С. 191. Табл. 73, 13; Боталов, 2000. С. 227). В нашем случае гантелевидный курган в одном из своих возвышений содержал погребение более раннего времени. Причем его могильная яма сохранила следы двух захоронений, совершенных последовательно: сначала был погребен взрослый человек, а затем на его место поместили ребенка, практически полностью уничтожив предшествующее захоронение. О дате раннего погребения мы можем судить по звену бронзовых удил, найденному в насыпи. Оно уже рассматривалось в литературе, где в качестве прямой аналогии ему указывался экземпляр из кургана 1 Новоорского I могильника (Стародубцев, 2012. С. 53–54. Рис. 1, 3, 7). Отнесение этого кургана «к переходному времени от савроматской к прохоровской культуре» и датировка его рубежом V–IV вв. до н. э. нам близки, хотя, на первый взгляд, и не бесспорны (Смирнов, 1984. С. 14). Для уточнения даты этого погребения необходимо определить время захоронения ребенка. Главную роль здесь играет набор наконечников стрел.

Четырехгранный, с одним боковым шипом, ромбический в сечении экземпляр (рис. 5, 1), очень редкий для рассматриваемого региона, имеет аналогию в кургане 2 Обручевского могильника конца VI — начала V в. до н. э. (Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 65. Рис. 3, 1в). Для Южного Приаралья, откуда, вероятно, и происходит данная стрела, такие наконечники включены Л. Т. Яблонским в отдел D втульчатых четырехгранных (Яблонский, 2006. С. 286. Рис. 3). Аналогичные экземпляры имеются и среди древностей раннего (середина VII — середина VI в. до н. э.) этапа кюясайской культуры (Вайнберг, 1992. С. 117–118).

Двухлопастной наконечник с узкой овальной головкой и длинной втулкой (рис. 5, 3), относится к типу I отдела I по классификации К. Ф. Смирнова, который включает в себя, по мнению автора, самые ранние образцы бронзовой стрелы, восходящие к прототипам предшествующей эпохи (Смирнов, 1961. С. 37. Табл. I). В наиболее представительном виде аналогичные наконечники сосредоточены в колчанном наборе из погребения 1 кургана 17 Покровского II могильника в Южном Приуралье и датируются «савроматским» временем (Яблонский и др., 1994. С. 37–40). В Южном Зауралье такой экземпляр встречен в кургане 4 Варненского могильника, который датирован VII в. до н. э. (Боталов, Таиров, 1996. С. 134–135). Второй наконечник из этого же отдела (рис. 5, 2) также имеет длинную втулку, но срезанные под тупым углом лопасти. С одинаковой долей вероятности можно предполагать два варианта его происхождения: либо преднамеренная заточка лопасти овальной или лавров-листной головкой, либо появление нового типа стрелы, которому соответствовала специальная литейная форма. Ввиду отсутствия аналогий этого образца первый вариант представляется нам более предпочтительным.

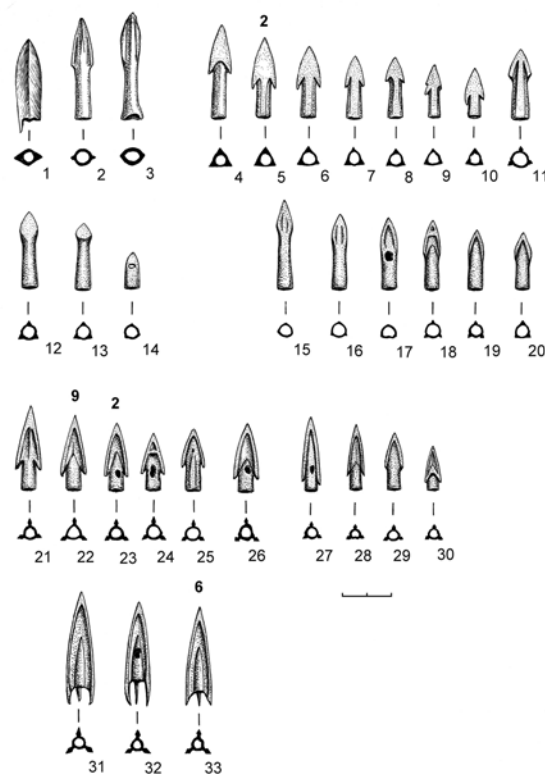

Рис. 5. Могильник Казачий Мар (Уртазым-2). Курган 3. Погребение. Наконечники стрел. Бронза

Трехгранные наконечники с различной длиной втулок и разнообразным оформлением базы головок в морфологическом плане составляют одну серию (рис. 5, 4–11) и относятся к типам 3 и 4 отдела III по классификации К. Ф. Смирнова. Вероятно, к типу 2 этого же отдела следует отнести экземпляр, грани которого разрезаны ложками, образующими полулопасти (рис. 5, 11). По мнению К. Ф. Смирнова, все три типа наконечников на основании датированных комплексов следует отнести к концу VI — V вв. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 52). В Зауралье наиболее представительные аналогии этих стрел происходят из кургана 4 могильника Тавлыкаево IV и кургана 2 Гумаровского могильника (Пшеничнюк, 1983. С. 66–68; Зуев, Исмагилов, 1999. С. 107). В Южном Приуралье, на Илеке, подобные экземпляры датируются от рубежа VI–V вв. до н. э. в кургане 8 Пятимары до второй половины IV в. до н. э. в кургане 8 могильника Мечет-Сай (Смирнов, 1975. С. 30, 140–141).

Три наконечника типа 1 отдела трехгранных, со слабопрофилированными головками (рис. 5, 12–14) представлены вариантами А и В. Судя по количеству находок, такие стрелы не составляют устойчивых серий и, по мнению К. Ф. Смирнова, могут датироваться VI–V вв. до н. э., причем их верхней границей, является середина IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 51). Наиболее близкие аналогии таким экземплярам имеются в материалах могильника Биш-Уба I и Яковлевского I одиночного кургана (Агеев и др., 1998. С. 107. Рис. 6, 4; Федоров, Васильев, 1998. С. 93. Рис. 17, 3). В Южном Зауралье аналогичные наконечники обнаружены в кургане 2 и особенно в кургане 26 Ново-Кумакского могильника, датированного не позднее рубежа VI–V вв. до н. э. (Мошкова, 1962. С. 205–206; Смирнов, 1977. С. 39, 41–42. Рис. 16, 17). Серединой или третьей четвертью IV в. до н. э. можно датировать несколько таких наконечников из кургана 3 Филипповского могильника, найденных вместе с мечом переходного типа (Пшеничнюк, 2012. С. 141. Рис. 3).

К типу 3 отдела трехлопастных наконечников стрел с лавролистными головками и длинными втулками относятся шесть экземпляров (рис. 5, 15–20), причем первые два (рис. 5, 15, 16) близки стрелам с трехгранными остриями, рассмотренным выше. Единственное их различие состоит в том, что слабопрофилированные лопасти подчеркиваются вертикальными бороздками, отделяющими их от втулки и продолжающими ее условную линию. К. Ф. Смирнов полагает, что такие наконечники не встречаются у сарматов позже V в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 45). Стрелы этого типа по одному-два экземпляра встречаются в уже упомянутых комплексах Яковлевки, Биш-Убы I, кургана 17 Сибая II, кургана 5 Уязыбашево, кургана 10 Мечет-Сая (Федоров, Васильев, 1998. С. 91. Рис. 15; Агеев и др. 1998. С. 107. Рис. 6, 4; Пшеничнюк, 1983. С. 57–59. С. 12; Смирнов, 1975. С. 148). Создается впечатление, что наконечники этого типа действительно не встречаются в комплексах с раннепрохоровским инвентарем.

К типу 6 того же отдела относятся 19 экземпляров (рис. 5, 21–30), которые делятся на два варианта, где ведущая серия (рис. 5, 21–26) отличается массивностью и дуговидностью головок. Второй вариант (рис. 5, 27–30) представлен легкими стрелами с узкой головкой и короткой втулкой. По мнению К. Ф. Смирнова, данный тип был широко распространен в VI–IV вв. до н. э. среди кочевников рассматриваемого региона и характерен как для савроматского, так и для раннесарматского времени (Смирнов, 1961. С. 47). Если в погребении (не говоря уже о культурном слое), обнаружены наконечники только этого типа, их с одинаковой степенью убедительности можно датировать в рамках двух столетий, поместив как в VI, так и в конце IV в. до н. э. Не будет преувеличением утверждение, что это не самый уверенно датируемый образец сарматской стрелы. В раннепрохоровских комплексах вместе с мечами переходного типа такие наконечники обнаружены в курганах 12 и 13 Ново-Кумакского и кургана 10 Переволочанского могильников (Мошкова, 1962. С. 216–217; Пшеничнюк, 1995. С. 85–93).

Тип 12 характеризуется сводчатой головкой и внутренней втулкой (рис. 5, 31–33). Вместе с типом 6 он является самым многочисленным и характерным для кочевников Южного Урала образцом стрелы. Распространение таких наконечников достигает своего расцвета в V в. до н. э., и существуют они вплоть до II в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 50). По мнению К. Ф. Смирнова, в колчанах IV–II вв. до н. э. наконечники этого типа уменьшаются в размерах и встречаются в небольшом количестве, что не всегда соответствует действительности, по крайней мере для IV в. до н. э. Так, например, в упомянутом выше кургане 10 Переволочанского могильника они составляют внушительные по своим размерам и количеству серии.

Верхняя хронологическая позиция исследуемой коллекции стрел относится к началу IV или концу V в. до н. э., однако мы затрудняемся ответить на вопрос, насколько глубоко уходит ее нижняя граница.

Колчанный крючок из рассматриваемого погребения с прямой спинкой, сквозным отверстием и навершием с едва заметной кнопкой соответствует типу 3 морфологической схемы, предложенной В. Н. Мышкиным. Период существования таких крючков автор определяет

в рамках не менее трех-четырех столетий, полагая, что время их наибольшего распространения — V–IV вв. до н. э. Близкие аналоги представлены в Муракаево (погребение 3 кургана 4), Мечет-Сае (погребение 1 кургана 10) и кургане Темир (Мышкин, 2010. С. 267. Рис. 1, 19; 2, 5–8, 11). Первый комплекс может быть датирован по мечу переходного типа, верхняя граница которого уходит в начало III в. до н. э. а нижняя — не ранее третьей четверти IV в. до н. э. Крючок из Мечет-Сая датирован К. Ф. Смирновым V в. до н. э. (Смирнов, 1975. С. 149). Кургана 10 из этого могильника, судя по материалам обоих погребений, не может быть отнесен ко времени позже начала IV в. до н. э., то есть не может быть синхронен или быть древнее ранних погребений Филипповки. Для кургана Темир имеется «общий калиброванный радиоуглеродный возраст образцов — IV–III вв. до н. э., наиболее же вероятный интервал падает на начало — первую половину IV в. до н. э.» (Зайцева и др., 2001. С. 130–132). Следует сказать, что авторы публикации о Темире датировали его концом V — началом IV в. до н. э., то есть близко к этой дате (Зданович, Хабдулина, 1987. С. 64–65).

Сосуд имеет очень близкую аналогию в погребении 2 кургана 11 Нового Кумака, датирующегося V в. до н. э. (Смирнов, 1977. С. 13–16. Рис. 14, 15).

В колчане или горите помимо стрел находился целый набор других предметов: точильная плитка, шило, камень-растиральник, желтое вещество, костяная ложечка. Известно, что гориты имели по несколько отделений-карманов (Краева, Купцов, 2007), и помимо своего главного предназначения — вместилища для лука и стрел, горит мог играть также роль полевой сумки (Федоров, 2013. С. 57).

Среди этих предметов обращает на себя внимание прежде всего фрагмент верхней части костяной ложечки. Украшение ложечки головкой ушастого грифона¹ известно у экземпляров из погребения 1 кургана 4 Трех Маров (Смирнов, 1981. Рис. 7, 6), погребения 2 кургана 5 Новоорского II (раскопки С. Н. Заседательской, не опубликовано), кургана 5 Филипповки I (Пшеничнюк, 2012. Рис. 70, 1). Каждое изображение своеобразно и ни одно из них не является полной аналогией головке из Казачьего Мара, общим является только сам его тип — головка орла с расположенным позади нее ухом. При поиске точной аналогии изображению на ложечке из Казачьего Мара мы обратили внимание на обломок каменного песта, найденный в кургане 2 Филипповского I могильника (Яблонский, 2013. С. 58. № 1). Схема предмета та же — стержень, увенчанный изображением головы животного, в данном случае ушастого грифона. Абрис и пропорции ее те же, что и в Казачьем Маре. Ухо той же треугольной формы расположено очень близко к глазу, клюв с той же степенью «крючковатости», ротовая щель, начинающаяся на уровне глаза — все эти детали гораздо ближе у изображения на ложечке из Казачьего Мара, нежели у голов грифонов на перечисленных ложечках. У всех у них ухо показано в виде отдельного выступа с выемкой достаточно далеко от глаза, ротовая щель на ложечках из Трех Маров начинается дальше глаза и к тому же снабжена зубами, в Новоорском II и кургане 5 Филипповки I она вообще не показана. При датировке погребения 1 кургана 4 Трех Маров К. Ф. Смирнов колебался: отнести его к V или к IV в. до н. э. (Смирнов, 1981. С. 84). Сегодня ясно, что меч переходного типа, найденный в нем, определенно указывает на IV в. до н. э. О дате погребения из Новоорского II ничего определенно сказать нельзя, поскольку там кроме ложечки найден лишь единственный наконечник стрелы. Датировка курганов 2 и 5 Филипповки I, очевидно, такова же, как и у всего могильника, то есть в пределах первых трех четвертей IV в. до н. э.

Таким образом, на наш взгляд, дата обоих погребений в Казачьем Маре может быть определена концом V или началом IV в. до н. э. Причем в данном случае речь идет о верхней хронологической границе комплекса. Погребения могли быть совершены и раньше, однако у нас недостаточно надежных данных, для того чтобы установить нижнюю границу и соотнести ее с конкретной четвертью, третью или половиной V в. до н. э.

Список литературы

Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А. Могильник Биш-Уба I // УАВ. Вып. 1. Уфа, 1998. С. 97–115.

Боталов С. Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Т. 2. Ранний железный век и средневековье. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 207–491.

Боталов С. Г., Таиров А. Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала : тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск : Камен. пояс, 1996. С. 117–138.

Вайнберг Б. И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 116–122.

¹ Мы рассматриваем только самые близкие аналогии, в частности не привлекаем те изображения, где клюв грифона изображен с восковицей.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 53–67.

Зайцева Г. И. и др. Археологическая и радиоуглеродная хронология памятников скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф., г. Оренбург, 17–21 апр. 2001 г. Оренбург : Оренбург. губ., 2001. С. 130–132.

Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та, 1987. С. 45–65.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. 1999. Вып. III. С. 105–123.

Краева Л. А., Купцов Е. А. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 30–37.

Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. № 115. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 204–241.

Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 191–202.

Мышкин В. Н. Колчаные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС, 2010. С. 262–279.

Пшеничный А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука, 1983. 200 с.

Пшеничный А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 62–96.

Пшеничный А. Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 166 с.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975. 176 с.

Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1977. С. 3–51.

Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1981. С. 68–90.

Смирнов К. Ф. Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 10–14.

Стародубцев М. В. К хронологии двух типов петельчатых удил у ранних кочевников Южного Урала // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 51–60.

Федоров В. К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44–61.

Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в башкирском Зауралье // УАВ. 1998. Вып. 1. С. 62–96.

Яблонский Л. Т. и др. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. : ИА РАН, 1994. С. 4–60.

Яблонский Л. Т. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приуралье) // Древности скифской эпохи : сб. ст. М. : ИА РАН, 2006. С. 277–298.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. колл. Кн. 1. М. : ИА РАН, 2013. 232 с.

EARLY NOMAD KAZACHIY MAR BURIAL GROUND IN THE EAST OF ORENBURG REGION

V.K. Fyodorov, V.N. Vasilyev

The article tells about early nomad burial ground in South Trans-Urals. It includes three barrows; one of which is of a large size, two others are connected with a bank (the so-called “dumbbell-like” mound). One of the connected mounds contains a child’s burial ground. The grave-goods consist of a set of arrowheads, a quiver hook, a bone spoon, a ceramic vessel; all of these allowed us to date the burial from between the 5th and the beginning of the 4th century BC.

Keywords: *early nomads, South Transurals, mounds, burial rite, quiver set, arrowheads, chronology.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, исполняющая обязанности заведующей научной исследовательской лабораторией «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск)

Анкушев Максим Николаевич, младший научный сотрудник Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс)

Аникеева Ольга Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации (г. Москва)

Бисембаев Арман Ауганович, кандидат исторических наук, главный эксперт Института археологии имени А. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Республика Казахстан)

Блинов Иван Александрович, кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс)

Васильев Виталий Николаевич, кандидат исторических наук (г. Бонн, Германия)

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея Республики Башкортостан, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Наследие» (г. Уфа)

Головина Екатерина Юрьевна, преподаватель Дворца творчества детей и молодежи г. Озерска

Дмитриев Евгений Анатольевич, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е. А. Букетова (Республика Казахстан)

Дуйсенгали Мейрам Нурланович, директор Актюбинского областного историко-краеведческого музея (г. Атобе, Республика Казахстан)

Зайков Виктор Владимирович, доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс)

Зайкова Елизавета Владимировна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс)

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Кривошеев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований Волгоградского государственного университета

Кукушкин Алексей Игоревич, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель Карагандинского государственного университета имени академика Е. А. Букетова (Республика Казахстан)

Купцов Евгений Александрович, инженер археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета

Любчанский Илья Эдуардович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Центра историко-культурного наследия города Челябинска

Макуров Юрий Сергеевич, начальник отдела заповедного режима Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим»

Макурова Мария Раильевна, начальник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим»

Мамедов Аслан Маликович, магистр археологии и этнографии, директор Актюбинской областной государственной инспекции по охране историко-культурного наследия (г. Актобе, Республика Казахстан)

Медведева Полина Сергеевна, младший научный сотрудник научной исследовательской лаборатории «Археологические исследования и школьное археологическое краеведение» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск)

Моргунова Нина Леонидовна, доктор исторических наук, заведующая археологической лабораторией Оренбургского государственного педагогического университета

Наумов Антон Михайлович, заместитель начальника управления культуры администрации Озерского городского округа Челябинской области

Нечвалода Алексей Иванович, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и культуры Уфимского научного центра Российской академии наук

Нечвалода Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Института этнографических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук

Переводчикова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея (г. Москва)

Перерва Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Проценко Антон Сергеевич, ассистент кафедры всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Российской академии наук (г. Уфа)

Сиротин Сергей Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук (г. Москва)

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (г. Челябинск)

Трейстер Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института (г. Берлин, Германия)

Федоров Виталий Кимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (г. Уфа)

Шиманский Евгений Олегович, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
АН РБ — Академия наук Республики Башкортостан
АО — Археологические открытия
АПО — Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БНЦ — Башкирский научный центр
БФАН — Башкирский филиал Академии наук
в., вв. — век, века
ВСВ — восток — северо-восток
г., гг. — год, годы; город, города
ГИМЮУ — Государственный исторический музей Южного Урала
ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота
до н. э. — до нашей эры
ЗЮЗ — запад — юго-запад
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
КазССР — Казахская Советская Социалистическая Республика
КРС — крупный рогатый скот
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛЭП — линия электропередачи
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНСК — Международная научная студенческая конференция
МРС — мелкий рогатый скот
НАВ — Нижневолжский археологический вестник
НГУ — Новосибирский государственный университет
ОАЭ — Оренбургская археологическая экспедиция
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет
пос. — поселок
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
С — север
с. — село
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — северо-восток
СЗ — северо-запад
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
ССВ — северо-северо-восток
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТГУ — Томский государственный университет
УАВ — Уфимский археологический вестник
УНЦ — учебно-научный центр
УрО — Уральское отделение
ФФИ — Фонд фундаментальных исследований
Ю — юг
ЮВ — юго-восток
ЮЗ — юго-запад
ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ситет
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет
ЮЮЗ — юго-юго-запад

Научное издание

ЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ.
САРМАТЫ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции

Ответственный редактор *А. Д. Таиров*
Редактор *И. Н. Козырева*
Художественный редактор *А. В. Исаков*
Корректор *И. Н. Козырева*
Верстка *В. Б. Феркель*

Формат 60×84/8 Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура Newnon C
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,60
Тираж 200 экз.